

A romantic couple in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, looking towards the woman on the right. They are both smiling slightly. The background is a bright, out-of-focus window or light source, creating a warm, golden glow. The overall mood is intimate and affectionate.

Нёка
ГАГАРИНА

Мой любимый
КОМПАС

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Он капитан команды местных чемпионов по плаванию и звезда универа. Я зубрила, которая даже плавать не умеет. У нас есть две недели, чтобы я подготовила его к университетской олимпиаде, а он научил меня плавать. Иначе отчисление. Только вот наши занятия переходят за границы дозволенного, когда он предлагает мне сделку...

Мой любимый компас

МОЙ ЛЮБИМЫЙ КОМПАС

Ты компас мой. Мой ориентир,
Ведёшь меня по жизни смело.
Все направления из глубин.
Душа открыта. Свято тело.

Незримы лица, рядом тьма,
Зовут меня из вратов Рая.
Разбиты тропы, рядом мгла.
Стою у самого я края.

Коснусь рукой черты порока.
Испачкаю края ботинок.
Истрачу время раньше срока.
Но выиграю я поединок...

Ты компас мой. Мой ориентир.
Ведёшь меня по жизни смело.
Моё спасение. Мой кумир.
Любимый ангел преданный всецело.

*Слышь, кукла, смотришь
по сторонам не пробовала?*

©Глеб Юсупов

— Так, пятиминутная готовность! Мальчики, походкой от бедра выходим на свои позиции, — слышу командный голос тренера и выпрямляюсь.

Сегодня соревнования в вольном стиле. Сто метров и есть шанс, что Роднин, наконец перестанет орать и даст отдохнуть нашей четверке хотя бы пару дней. Изнуряющие тренировки по два раза в день, семь дней в неделю. К этим соревнованиям он зверствовал с особым изощренным садизмом. Мы словно готовились не к студенческому заплыву в бассейне, а в подразделение Морских котиков.

— Сука, надеюсь, наш Давыдыч хоть сегодня успокоится. Иначе обещаю утопиться, — бубнит Макар и поправляет плавки на заднице. — У меня от гребаной хлорки уже кожа пятнами пошла.

— Царевич, хорош скулить! Шевели поршнями! — тихо рычит Ильюха Левин и тихонько толкает Царева в спину. — Дома мамке будешь жаловаться!

— Если мы сегодня не порвем олимпийцев, Давыдыч завтра нас всех отстрапонит, — шипит мне в спину Кирюха, а сам, сука, зубы скалит, глядя на трибуны, и девчонкам подмигивает.

Да, обстановка напряженная. Сегодня соревнования, к которым мы готовились месяц. Соперники — Школа Олимпийского резерва. Все мастера спорта. А мы? Когда поступал в институт «Бизнеса и Права», никак не думал, что попаду в лапы к маньяку Роднину Олегу Давыдовичу. Тренер, он же вышеупомянутый маньячина, просто фанат спорта, а еще Родины. За то время, что он здесь работает, институт превратился в спортивную площадку. Но его успехи столь велики, что спонсоры готовы вваливать в нашу команду в частности и в институт в целом большие деньги. И в связи с этим никто тренеру не смел и слова поперек сказать. Даже ректор.

Роднин искренне считает, что Родину нужно любить трепетно, отчаянно и самозабвенно. А для этого ты должен приносить пользу. В нашем случае — пользу в спорте.

За четыре года в институте я и три моих кореша получили признание, славу и КМС в плавании. Хотя, если честно, то со своей подготовкой мы вполне могли уделать даже олимпийцев. Что, собственно, сегодня и предстояло доказать.

— Глеб, — слышу зудящий бас и сосредоточенно смотрю на тренера. — Олимпийцы хотят переиграть условия.

Черт! Этот его пристальный взгляд всегда предвещает только жесткий пипец. Давыдыч забился с тренером олимпийцев о том, что мы их сделаем. Для него это дело чести. Поскольку выбрали территорию для соревнований — бассейн нашего института, то условия ставили они. Ну и, естественно, олимпийцы выбрали то, что выгодно им.

— Они хотят эстафету! — зло чеканит Роднин.

— Тренер, чё за дела? — шипит Кир. — На три места договаривались и все.

— Водянов, вот тебе какая разница, а? — Давыдыч зло тарашит глаза и сразу быкует. — Может быть, так даже лучше.

Он осматривает нас напряженным взглядом и начинает раздавать ЦУ:

— Две дорожки. Комбинированная эстафета. Каждый плывет тем стилем, в котором хорош. Значит так, — он обводит нас внимательным взглядом и хитро щурится. — Стартует Левин, за ним Царев, потом Водянов и завершает Юсупов. Олимпийцы вперед ставят тех кто сильнее, чтобы сразу задать отрыв, а мы поступим наоборот. Так что, Глебушка, не подведи.

И рожу такую страшную делает, что это его «не подведи» в животе тугим узлом закручивается.

— И да, — поднимает он палец вверх. — Водянов, тебе разрешается провернуть свой фирменный трюк.

И вы, мать вашу, не поверите, но он нам еще и подмигивает.

Занимаем место у дорожки. Ильюха Левин, или по нашему Левша встает первым. Он из нас самый тяжелый, но и самый выносливый. В скорости может и уступит, но все длительные заплывы только на нем и вытягиваем.

Олимпиец на соседней дорожке прекрасно знает возможности своего оппонента. Поэтому, не стесняясь, жестами показывает в районе локтевого сустава, как он планирует побеждать.

— Сука! — скалится Кир и сквозь зубы с сарказмом выдыхает, — когда выиграем, обязательно трахну его девчонку. Вон какая краля сидит.

Кирилл Водянов у нас чертов бабник. Трахает все, что движется. Мало того, что из-за его смазливой рожки девчонки сами охотно ноги раздвигают. Так он еще и кликуху свою — Водяной по полной оправдывает. Под водой может просидеть почти двенадцать минут, чем производит неизгладимое впечатление на слабый пол.

Идет отчет времени и сирена. Левин срывается в воду и размашистыми движениями прет по своей дорожке. Конечно же, уступает сопернику семь секунд. Как только его рука касается бортика, в воду тут же прыгает Макар Царев. Наш Царевич плывет кролем, как белоснежный лайнер, но соперник уже далеко. Он хоть и сокращает дистанцию на две секунды, но по настроению Давыдыча понимаю, что к нам на всех порах подступает огромный армагеддец.

Поскольку в обычных соревнованиях больше пятнадцати метров под водой плыть нельзя, Водяному редко удается провернуть свой фирменный трюк. Но тут ситуация другая. Тренера явно решили выпендриться друг перед другом, поэтому позволили своим спортсменам показать все свои козыри.

Не успевает рука Царева коснуться бортика, Кир тут же устремляется в воду. Водянов — наш Ихтиандр. В этом ему равных нет. Он так всю дорожку под восторженные крики фанаток и плывет, ни разу не показавшись на поверхности. Когда его макушка уходит под воду, а я тут же занимаю место на стартовой тумбе.

Вдох. Выдох. Разминаю плечи. Максимальная концентрация. Спокоен. Дыхание выравнивается. Звук вокруг лишь ненавязчивый фон. Мысленно выбираю в голове свой любимый репчик, задавая ритм. На соперника не смотрю. Знаю, что ни фига там не слабак стоит, как Давыдыч плел. Но это не важно. Важен только результат.

И вот рука Кира трогает бортик. Звук сирены, и я стремительно ныряю в воду. Три секунды отставания. Вода смыкается над головой. В ушах шум трибун.

— Князь! Князь! Князь!

Они скандируют мое прозвище, ожидая победы. Ровно через пятнадцать метров

выныриваю и понеслась. На соперника не смотрю, даже когда голову в его сторону поворачиваю. Мысленно я уже чувствую пальцами холодную плитку бортика. Я уже там. На финише. Плыву на максималках. Трибуны орут. Роднин быстро шагает вдоль борта, пальцами мне показывая оставшиеся метры. Там, на том конце дорожки, стоят мои бро, которых я, как капитан команды, просто не имею право подвести. Заглатываю воздух ртом, выпускаю через ноздри. В последний раз делаю мах и трогаю борт. Все, финал. Сдергиваю очки, поворачиваю голову и вижу, как олимпиец достигает финиша. Чистая победа!

Болят каждая мышца, но это того стоит. Роднин на радостях нам дает на завтра увольнительную, а это значит, что сегодня можно расслабиться. За месяц первый выходной. Принимаем душ. Парни галдят, а я отстранено выдыхаю.

— Глебыч, ну что тусим сегодня? — радостно кричит Кир и бьет меня полотенцем по мокрой заднице.

— К твоему отцу или на озеро? — все, что спрашиваю, не удосужившись ответить на его вопрос.

— Батя ждет. Столик с него, телки с меня! — ржет он довольно и начинает одеваться.

Отец Кирюхи владеет сетью ночных клубов. Он у него мировой мужик, поэтому спокойно позволяет своему отпрыску тусить так, как тому хочется. Соответственно, для его друзей тоже полный карт-бланш.

Выходим из раздевалки и направляемся к выходу. Настроение у всех отличное. Радостно ржем, подкалывая друг друга. Проходим длинный коридор и заворачиваем за угол. Здесь кабинет ректора и преподавательская. Знаем, что шуметь в этом районе нежелательно, но сегодня мы неприкасаемые. Поэтому под радостное улюлюканье проходим мимо кабинетов.

По сторонам не гляжу, весь в предвкушении.

— Князь, дверь! — слышу окрик Царевича, но среагировать не успеваю.

Дверь резко открывается, а я шагаю и со всего маху влетаю в девчонку.

— Слышь, кукла, смотреть по сторонам не пробовала? — сразу на автомате наезжаю, но девчонку подхватываю.

Она громко вдыхает воздух через пухлые губы и осторожно открывает от страха зажмуренные глаза. В эту минуту сердце замирает и пропускает удар. Еще до конца не осознаю причины сбоя своей пятикамерной мышцы. Чувствую, как она, словно свихнувшись, после паузы начинает маслать с необычайной скоростью. Девчонка несколько раз моргает. Ее губы растягиваются в милой улыбке, от чего мое сердце снова замирает и нежным голосом произносит:

— А слона-то я и не заметила...

Кукла? Я?

На себя бы посмотрел, парнокопытное!

©Ясинья Сверчкова

— Как же я по тебе соскучилась, Яся! — вопит в наушнике голос моей подруги Люсиль Кац. — Я сойду с ума здесь, без тебя.

Сегодня ровно три месяца, как мы с семьей переехали из Дрездена на новое место жительства. Отчим получил назначение в крупной международной компании, а мы с мамой были просто вынуждены ехать за ним. Там осталась моя безоблачная жизнь, университет и друзья. Здесь... Здесь у меня не было ничего.

— Я тоже по тебе соскучилась, моя Люся, но ты же знаешь Бруно. Превыше всего у нег работа и...

— Знаю-знаю, — фыркает моя подруга и забавно закатывает глаза, в которые я вглядываюсь через экран мобильного. — Твой отчим педант и фанат своего дела. А твоя мать, как жена декабриста, вынуждена все бросить и ехать вслед за любимым.

— Ну, примерно так, — послушно поддакиваю Люсиль, хотя вовсе не уверена, что дела обстоят именно с такой формулировкой.

Мама действительно вынуждена была ехать вслед за Бруно. Только причина вовсе не в том, что она жена декабриста, а скорее жена страшного ревнивца, который замучил ее своими подозрениями.

— А что с твоим университетом? Ты уже подала документы? — тем временем спрашивает Люсиль выдергивая меня из моих невеселых мыслей.

— О да! Хоть здесь хорошая новость. С моими оценками и победами на международных олимпиадах меня зачислили даже без вступительных экзаменов сразу на мой курс. Сегодня получаю документы и я — студентка Института «Бизнеса и Права». Можешь меня поздравить.

Я довольна, словно выиграла миллион долларов в лотерею, а вот Люсиль снова пренебрежительно фыркает, не разделяя моего энтузиазма:

— Подумаешь. С твоими знаниями тебе уже можно смело диплом вручать, а не зачислять на второй курс универа.

— Ох, Люся, вечно ты торопишься! — звонко смеюсь, пока натягиваю на себя любимые джинсы и объемный джемпер.

— Так, стоп! Ты в этом собралась идти в свой первый день? — вопит подруга, практически засунув нос в самую камеру смартфона. — Ты с ума сошла!

— Боюсь, это все, что я могу себе позволить. Остальное безбожно велико.

— Ты снова похудела? — цокает языком Люсиль и недовольно поджимает губы.

— Ну, ты же знаешь... — пожимаю плечами и ободряюще ей подмигиваю. — Как только привыкну к здешней еде, сразу смогу позволить себе съесть что-нибудь более калорийное, чем лист зеленого салата и пучок брокколи.

Попрощавшись с подругой, хватаю рюкзак и направляюсь на кухню. Там, как всегда, суета сует. Мама готовит, словно в доме нас не трое, а минимум взвод. Хватаю зеленое яблока со стола и, чмокнув маму в щеку, стараюсь как можно скорее убежать из дома, чтобы не встретить Бруно. Но то ли сегодня день не мой, то ли я где-то нагрешила, только мой

побег с треском проваливается.

— Ясинья, — слышу голос отчима с легким акцентом, — немедленно сядь за стол и что-нибудь съешь. Тебя скоро ветром унесет обратно в Дрезден.

Эх, если бы!

Со стороны может показаться, что так он проявляет заботу. На самом деле это лишь демонстрация «заботливого папочки». Бруно Штольц относится ко мне как к досадному недоразумению и не более. Все мои попытки произвести на него впечатление в детстве заканчивались грандиозным провалом. Отчим всегда находил повод, чтобы продемонстрировать, какая я никчемная. Сначала это меня задевало, а потом я просто перестала обращать на него внимание. Впрочем... он платил мне тем же.

От всего своего сердца хочу и сегодня его проигнорировать, но, видя умоляющие глаза мамы, быстро сдаюсь. Плюхаюсь на табурет и честно засовываю в себя две ложки овсянки на воде. Вот такая вот вкуснятина! Людям несведущим может показаться, что я модель, вечно сидящая на диете, но это далеко не так.

Я аллергик. Всю свою жизнь. Причем аллергии у меня нет, наверное, только на воздух. Хотя... И тут можно поспорить. В связи с этим я сижу на строгих диетах и очень долго привыкаю к смене рациона. В Дрездене у меня была уже отлаженная схема принятия лекарств и продуктов питания. Поэтому я практически не замечала своей болезни. Но здесь приходится привыкать по новой. Ни те продукты, ни те лекарства, ни та жизнь. Именно поэтому мама долго упиралась с переездом. Но поскольку мы зависели от Бруно во всем, он просто не оставил нам выбора.

С трудом осилив маленькую порцию, я сразу проглотила таблетки и выбежала на улицу. До универа нужно было добираться минут двадцать пешком или пять на общественном транспорте. Но в автобусах меня тошнило, поэтому я старалась передвигаться на своих двоих. И из-за того, что мне в полдень была назначена встреча в деканате, пришлось поторапливаться.

На мое счастье, с оформлением документов никаких накладок не произошло, и мне очень быстро выдали студенческий билет. Ректор, зная отчима лично, с доброжелательной улыбкой пожал мне руку и передал привет Бруно. Ага! Конечно! Вообще без проблем! В душе бушевала буря, но на лице не дрогнул ни единый мускул. Молодец, Яся, я горжусь тобой! Ну, то есть собой.

— Ясинья, познакомьтесь, это Таисия. Моя дочь. Она учится с вами на одном курсе и с радостью все здесь покажет, — напутствует ректор, подталкивая ко мне симпатичную миниатюрную рыжюлю с яркой заколкой на челке.

— Тася, — как-то не особенно радостно бурчит девушка и протягивает мне руку.

— Яся, — с улыбкой произношу ей и подмигиваю.

Девушка слегка улыбается и уже более дружелюбно говорит:

— А ты ничего...

Мои глаза медленно расширяются до размеров маминой любимой сковородки, а губы складываются в отчетливое «Ооооуу». Стою и, не моргая, смотрю на нее, не в состоянии сдвинуться с места. Тася замирает на несколько секунд, а потом непроизвольно зеркалит меня. Так и стоим с открытыми ртами, пока вдруг девушка не начинает громко хохотать.

— Ты что... подумала, что я из этих... — хохочет она, и из ее глаз брызгают слезы.

— Да, — искренне произношу я и почему-то тоже начинаю смеяться.

— Прости, детка, но ты не в моем вкусе, — со смехом выдыхает она. — Но, возможно, я

еще передумаю.

— Это так мило. Буду с нетерпением ждать, — шучу, конечно, но почему-то сразу чувствую к этой девушке невероятную теплоту.

Так же было у меня с Люсей. Дружба с первого взгляда!

— Ладно, пойдем, я все тебе здесь покажу, чтобы ты не заблудилась. Сегодня было соревнование нашей команды с олимпийцами, так что нормальных занятий все равно не будет.

— Команды? — непонимающе спрашиваю Тасю.

— Да, гордость нашего института! — и она вдруг пренебрежительно закатывает глаза. — Если у них соревнования на нашей площадке, то, как правило, занятий в этот день нет. Все тусят и празднуют.

— Круто... наверное, — неуверенно выдыхаю, удивляясь такой беспечности.

Мы продолжаем болтать, я, не глядя, толкаю дверь и слышу сразу несколько окриков: «Князь, дверь!»! «Яся, стой!»! Дальше все происходит как в замедленной съемке: я шагаю и чувствую, как в меня на полной скорости влетает огромное, твердое, как мраморная плита, тело. На мгновение дух вышибает. Поднимаю глаза и вижу перед собой невероятные, почти черные глаза, которые пристально впиваются в меня, заставляя замереть. Громко выдыхаю через открытые губы и слышу грубое:

— Слышь, кукла, смотреть по сторонам не пробовала?

Кукла? Я? На себя бы посмотрел, парнокопытное! Моргаю, улыбаюсь и выдыхаю:

— А слона-то я и не заметила...

*А все из-за этой пигалицы
с ее серо-голубыми глазами и пухлыми сочными губами...*

©Глеб Юсупов

Башка трещала от похмелья. Вчерашняя вечеринка удалась на славу. Мы так самозабвенно отрывались, что сегодня приходилось расплачиваться за собственную беспечность. Батя Кирюхи закатил нам грандиозный сейшен с телками и выпивкой.

Честно не планировал напиваться. Но после столкновения с той девчонкой около кабинета ректора случилась какая-то лажа. Несмотря на то, что там нас растащили мои парни и дочура ректора, во мне бурлила какая-то непонятная энергия, которую не получалось контролировать. В клуб приехал дерганый с мыслью: что более отталкивающей девицы в жизни не встречал.

И это я! Капитан команды! Вечно собранный и спокойный, как штиль в океане.

Вскоре к нам присоединились знакомые девчонки. Никогда не испытывал особой тяги к блондинкам, но тут почему-то решил выбрать именно такую. Секс с ней показался пресным и лишенным каких бы то ни было эмоций. Хотя одна эмоция во мне все же была. Гнев! Поэтому блондинка слегка возмущалась, когда я просто ткнул ее лицом в кожаную подушку дивана и отимел сзади. Это было... Пошло и... Да, блин... Никак это было!

Какого хрена вообще происходило?

Выйдя из vip-комнаты, я схватил бутылку какого-то пойла и тупо заливался весь остаток вечера. И вот сейчас разгребал последствия.

Приехав утром в универ, наша четверка, как обычно, сразу направилась в раздевалку. Какого же было удивление, когда та оказалась закрытой. Тренер гневно осмотрел сначала нас, а потом закрытые двери и пошел разбираться с произволом. А мы уселись прямо на пол в коридоре.

— Больше не пью, — жалобно скулит Царевич и прислоняется лбом к холодной бетонной стене.

Сука, стонет, но прежде чем жбан свой пристроить, антисептиком на стену прыскает. В этом весь Царев. Пока все поверхности не обработает, хрен прижметя. У него эти антисептики по всем карманам рассованы. Чистюля, твою мать!

— Ну да, — тихо хмыкает Кирюха и с сарказмом добавляет, — на этой неделе.

— А вообще вчера круто было, — снова скрипит Царев и даже рожу тянет в довольной улыбке.

Лично я на то, чтобы шевелить мускулами лица, в принципе не способен. На хрена вчера столько выпил? А все из-за этой пигалицы с ее серо-голубыми глазами и пухлыми сочными губами...

Вот же фак! Опять, что ли?!

— Никогда не думал, что так быстро соскучусь по воде, но... Какого хрена мы еще не в ней? — хрипит Левин и тяжело вздыхает.

С этим мы соглашаемся все вместе, с разной интонацией выражая свое согласие. Пока сидим и воображаем, как было бы прекрасно окунуть свои распухшие черепа в воду, возвращается тренер и как-то странно на нас смотрит. В принципе, он никогда добрым малым не был, но тут прямо такое чувство, что он что-то сломать хочет. А может быть, кого-

то.

— Значит так, девочки, — упирая руки в бока, наконец произносит Роднин. — Кажется, мы в полной жоп... на пороге черной дыры.

— Чё? — непонимающе выдыхает Царевич.

— Через плечо, Макарушка, — басит Давыдыч, потом громко выдыхает, словно смирился со своим нахождением в «черной дыре» и выдает, — Олимпийцы хотят реванш!

— Да ну на фиг! — тут даже Левин не выдерживает и вскакивает на ноги. — Еще месяц в таком темпе и я сдохну, тренер. Я уже забыл, как мои родные выглядят.

Это да! Но, в отличие от моих корешей, своих я предпочитал не вспоминать. Меня такой расклад более чем устраивал.

— погоди, Левша, — торможу его взглядом. — Давай тренера послушаем.

Мужики оседают сразу. Знают, что я все разрулю, если придется. А я взгляд на тренера перевожу и киваю, чтобы он продолжал.

— Благодарю, Ваше княжество, — издевается он, но продолжает объяснять, — Олимпийцы предложили теперь проверить и сравнить ваши интеллектуальные знания. Они предлагают олимпиаду по трем предметам: философия, экономика и IT-программирование.

— Чего? — без всяких на то усилий моя рожа растягивается в недоуменной улыбке. — Какая олимпиада? Мы месяц из воды не вылезали. Ни на одном занятии не были. Вы же сами...

— Знаю, Глебушка, — перебивает этот черт. — Вот и пришло время подтянуть свои знания, мальчики!

— Мы не на пороге, мы уже в самой глубокой части вашей «черной дыры», тренер! — вопит возмущенно Кир. — Как вы себе представляете эту олимпиаду? Теперь месяц за учебниками сидеть прикажите?

— Олимпиада через две недели! — рывкает Давыдыч и проходится по нам своим бешеным взглядом. — Но я нашел выход.

— Утопиться? — со стоном предлагает Макар.

— Хуже, Царев! — рапортует тренер и выдает свою гениальную идею, — я нашел четырех самых лучших учеников нашего университета. Это своего рода интеллектуальные гении. За каждым из вас я закреплю по одному студенту, и они вас быстро натаскают по необходимым предметам.

— Шутить изволите? — сжимаю челюсть, чтобы не перейти на отборный русский с придыханием. Ну какая ни фиг олимпиада, твою мать?!

— Наоборот! Ректор поддержал мою идею и даже принес в жертву собственную дочь. Так что, сынки, не подведите!

— Тренер, мы не будем участвовать в этой херне, — уже не на шутку психую и тоже подрываюсь на ноги.

Я парень высокий, крепкий. всю жизнь занимался плаванием. Поэтому, когда встаю рядом с тренером, тому приходится сильно напрячься и распрямить свой позвоночник. Но все равно я на добрых полголовы его выше. Давлю взглядом, но Роднин, сука, не сдается. Вижу, что еле себя сдерживает, чтобы слюной не закапать от возмущения, но авторитет в глазах не теряет. Держится. Только мне сейчас не до его игр во власть. Мы с парнями устали. Месяц без продыху тренировались. Забросили учебу. Да нам оценки последние полгода просто так ставили. За наши достижения в спорте. А сейчас он, видите ли, от нас знаний захотел.

— Юсупов, на кону честь университета, — делает попытку тренер, только на эту чушь я не ведусь.

Он видит, что я уперся. А это значит, что сейчас я заберу парней, и мы оставим расхлебывать проблемы в его «черной дыре» самостоятельно. Давыдыч знает, что парни уйдут за мной, поэтому выбирает другую тактику.

— Это нужно ректору. Нас заметили спонсоры, и любого из вас могут забрать в сборную страны. Ты хоть это понимаешь? Вам всего-то и надо доказать, что вы не только ластами махать умеете.

И снова мимо. Я уже плечи распрямляю и позвонками шейными хрущу. Это плохой знак, знают все. Поэтому мои парни тихонько на ноги поднимаются и с азартом наблюдают схватку двух Альфа-самцов.

— Я для тебя самую умную нашел, — вдруг тихо начинает шептать тренер, чтобы другие не слышали. — Она только что из Дрездена к нам переехала. У нее вступительный балл, как у всего нашего университета. Да еще и красивая.

Снова тишина. Только молча рюкзак с пола поднимаю и на плечо закидываю. Меня всякие там зазнайки не интересуют. Пускай сам с ней занимается. Может ума наживет. Сутенер старый.

Только Роднин не хрена сдаваться не собирается. Еще ниже ко мне наклоняется и в ухо шепчет.

— Блондинка. На куклу похожа. Яся Сверчкова зовут.

Сердце делает кульбит в горле и ухает в желудок. Пару минут на тренера смотрю, а он, сука, еще и головой качает, словно мысли мои читает.

— Та самая, с которой ты вчера у деканата зажимался.

Зубы сжимаю. Брови на переносице сходятся. Тяжелый вздох. И полная капитуляция!

*Исполин переводит на меня свой темный тяжелый взгляд,
после которого хочется сразу пойти ко дну*

©Ясинья Сверчкова

— Ты купальник взяла? — спрашивает Таисия, когда мы утром встречаемся около универа.

— Купальник я, конечно, взяла, только вот не пойму, зачем он мне. У меня освобождение на всю жизнь вперед, — нервно выдыхаю и провожу потными ладошками по джинсам.

Вчера после деканата Таисия провела мне экскурсию по университету, рассказывая о всех тонкостях и правилах, царящих здесь. Несмотря на то, что университет носил гордое название «Бизнес и Право», здесь полным ходом развивался спорт. Вот хоть убейте, не пойму, как так получилось. Причем здесь бизнес и спорт. Но Тася, не стесняясь в выражениях, рассказала, как здесь всем заправляет некий тренер Роднин, который не посмотрит ни на одну справку в мире. У него девиз по жизни «Плыви или утони» и другого просто не дано.

Наслушавшись ее страшных ужасиков, я, конечно, кинула на всякий случай в сумку спортивный купальник, но была уверена, что он мне все же не пригодится. В любой момент у меня может случиться приступ, и я просто пойду ко дну. Хотя нет. Я и без приступа пойду ко дну, так как плавать не умею совсем. Мама всю жизнь кудахтала надо мной, оберегая от любых опасностей.

Ее я, конечно, понять могу, но то, что я к девятнадцати годам совершенно не приспособлена к жизни, меня ужасно пугает.

— Может быть, у тебя и освобождение, только Роднину на это наплевать. Он поставит тебе неуд, а это автоматический недопуск до сессии.

— Из-за одной физкультуры? — возмущенно воплю, а у самой глаза от страха того и гляди, сейчас из глазниц от натуги выпрыгнут.

— Представляешь?! — подтверждает мои слова Тася. — Роднин здесь царь и бог. И даже мой отец тебе не поможет. Так что...

Это было утром, а сейчас, отсидев все пары, нам предстояла последняя. В бассейне. Зажав в руке свою справку на освобождение от занятий, я тихонько пробиралась по скользкой плитке бассейна к стоящему у бортика тренеру. Он, словно коршун, оглядывал всех собравшихся, следя за порядком и дисциплиной.

— Олег Давыдович, здравствуйте, — подхожу я к вполне себе с виду приятному и душевному человеку.

Он оборачивается, задерживает на мне несколько минут пристальное внимание, а потом хмыкает и громким басом выдает:

— Ну, здравствуй, мой проходной билет в Рай!

— Не поняла?

Какой билет? Станный тип. Но кто я такая, чтобы обсуждать этого милейшего человека?

— Почему не в купальнике, Сверчкова?

Ага. Значит, он и имя мое уже знает. А раз знает, то должен и про освобождение знать.

— Я как раз и пришла по этому поводу...

— Что дома оставила? — перебивает он меня и вдруг хмурится так, что я даже заикаться от страха начинаю.

— Нннеет. Но поннимаеете...

— Раздевалку не нашла? — снова рывкает он. — Так, Кравцова, проводи новеньк...

— Да погодите вы! — вдруг рывкаю я и от неожиданности рот открываю.

— Не понял?

Да уж, куда там. Ужасный человек. И что я там милого в нем разглядела? Просто непробиваемый... кто-то. Ругаться я не умею даже про себя. Поэтому порой найти для человека нужный эпитет вызывает сложности.

— У меня справка. Мне нельзя в воду.

— У тебя что, холера?

— Нет.

— Чума?

— Нет.

— Ты при смерти?

Невозможный человек. Но раз он так, я ему в ответ:

— Почти.

— Ха! — нагло вопит он. — Почти не считается. Так что топай переодеваться. А то не видать тебе сессии и красного диплома, как своих ушей.

— Но так же нельзя! — возмущенно шепчу, так как нас уже почти все, кто в бассейне находится, слушают.

— Сверчкова! — снова басит тиран и узурпатор и гневно тычет мне пальцем в сторону раздевалки. — Быстро пошла переодеваться. И не смей мне срывать урок.

Доводов больше нет. Ну не рассказывать же ему при всем честном народе, что я задохнусь и умру прямо на занятиях. Но тут меня осеняет гениальная по своей простоте мысль, и я ему выдаю:

— А у меня шапочки нет.

На что тренер окидывает меня с ног до головы оценивающим взглядом. Потом переводит его куда-то за мою спину и, довольно хмыкнув, с улыбкой Чеширского кота выдает:

— Тебе можно и без шапочки. Так даже лучше, — и снова повелительным перстом тычет на дверь раздевалки.

Собрав всю волю в кулак, я плетусь переодеваться. Ну и черт с ним. Ну, подумаешь, утону. Пускай этот тиран потом мучается всю жизнь от мук совести и цветочки на могилку мне носит. Только вот маму жалко. Она же без меня не сможет.

— Яся, давай скорее. Давыдыч сейчас перекличку будет делать, — кричит мне Тася и быстро выбегает из раздевалки.

Тяжело выдыхаю и понимаю, что выбора у меня особо нет. Красный диплом мне очень нужен. Если я с ним закончу универ, то меня позовут на стажировку в крупную компанию. А это для меня значит полную финансовую независимость от Бруно Штольца и его вечных придинок. Больше всего на свете я хочу забрать маму и показать этому человеку средний палец на прощание.

Быстро натягиваю купальник, который, слава небесам, лежит в моей сумке. Ничего особенного. Голубые короткие шортики и спортивный топ. Обычно в таких в пляжный

волейбол играют. Судя по тем купальникам, которые я видела на других девушках, мой настолько скромный, что можно не тушеваться и смело выходить.

Волосы завязываю в высокий пучок и с сомнением смотрю на свою резиновую шапочку. Ясно как день, что глупо теперь в ней выходить, когда я заявила, что забыла сей предмет дома. Поэтому, затолкав ее подальше в сумку, сунула ноги в сланцы и поспешила к бассейну.

Там уже во всю лютует этот узурпатор и тиран. Он своим зычным резким басом объясняет правила поведения на воде и риски, связанные с их пренебрежением. Тихонько проскакиваю в хвост шеренги и встаю около Таси. Моя новая подруга ниже меня на полголовы, поэтому, стоя в хвосте, я смотрюсь весьма странно. И явно выделяюсь.

— А, Сверчкова, — вдруг басит Родинов и подзывает меня к себе жестом.

Ясно, что сразу все двадцать человек одноклассников одновременно с тренером поворачивают головы в мою сторону. Стыдоба! Громко выдыхаю, едва не застонав в голос от смущения, и послушно подхожу к тренеру. Тот почему-то довольно хмыкает и ставит меня вторую по росту среди девочек.

— Сегодня вы делитесь на пары и демонстрируете мне ваши возможности нахождения под водой.

Мне сразу дурно становится. Какие еще возможности? Да я максимум в ванной могу лицо в воду опустить и тут же вынырнуть обратно. Нырять и я — две вещи, не совместимые друг с другом.

Народ сразу оживляется и со смехом принимается делиться на пары, а я стою в ступоре и только хлопаю глазами.

— Сверчкова, чего замерла? Приглашение особое надо? — снова зычный бас в мою сторону.

Эх. Помирать, так с музыкой.

— Видите ли, я не то чтобы умею...

Договорить этот узурпатор мне, конечно же, не дает. Я уже заметила, что у него любимая привычка людей перебивать. Роднин крутит головой в разные стороны, а потом на весь бассейн вопит:

— Князь!

Какой еще князь? Он совсем, что ли, сбрендил от запаха хлорки. Только пока я глазами ошалело хлопаю, из воды вдруг показывается голова той самой мраморной плиты, которая меня вчера чуть у деканата не раскатала. Он вытирает широкой ладонью воду с лица и вопросительно смотрит на тренера.

Роднин кивает в мою сторону головой и басит:

— Возьмешь Сверчкову в пару. Будем задержку дыхания отрабатывать.

Успеваю только рот открыть, когда этот исполин переводит на меня свой темный тяжелый взгляд, после которого хочется сразу пойти ко дну.

*Лишь при виде нее
мое сердце совершает немислимые кульбиты
в груди, силясь пробить грудную клетку*
©Глеб Юсупов

— Что замерла, Сверчкова? В воду прыгай! — басит тренер, и я вижу, как девчонка вздрагивает и несмело подходит к бортику.

На ней надет слишком закрытый купальник, но почему-то из всей толпы ярких до откровенной пошлости открытых купальников я выделяю именно ее. Казалось бы, обычные шорты, слегка открывающие ягодицы, и спортивный топ, совершенно скрывающий грудь.

Только вот ее длинные ноги, крутые бедра и узкая, почти болезненно впалая талия в одну минуту вызывают у меня жуткий стояк. С одной стороны, радуюсь, что я под водой и мое состояние пока никто не заметил. С другой, словно чувствуя мою агонию, Давыдыч придумывает свое испытание с задержкой дыхания. А это значит, что любой, кто опустится в воду, увидит сквозь узкие низкосидящие плавки мое позорное состояние. Ну как сопляк, честное слово. Словно баб голых отродясь не видал.

Понятно, что минимум треть этих барышень, которые напяливают на занятия плаванием в университетском бассейне бикини шириной в три полоски, утонуть готовы от счастья запрыгнуть на этот самый член. Но я хочу всего одну, единственную. До сих пор не могу понять, чем эта девчонка так цепляет меня, но лишь при виде нее мое сердце совершает немислимые кульбиты в груди, силясь пробить грудную клетку.

— Глеб, помоги барышне. Она стесняется, — фыркает с издевкой Роднин, когда Яся садится на бортик и нерешительно свешивает ноги в воду.

Непроизвольно сжимаю челюсть и подплываю к девчонке не отрываясь глядя в ее глаза. Она нервничает, и я никак не могу понять, по какой причине. То ли из-за меня? То ли потому, что минут пятнадцать трясла какой-то бумажкой перед лицом тренера, пытаюсь отмазаться от занятий?

Подплываю к бортику вплотную и жду, когда она прыгнет в воду. Но девчонка так судорожно цепляется пальцами за края кафеля, что того и гляди оторвет его.

— Прыгай! — тихо командую, чтобы тренер не услышал, что мне эту малахольную еще и упрашивать приходится.

— Сверчкова, Юсупов, долго вас ждать? — снова зверствует тренер, попутно отправляя другие пары на разные участки бассейна.

— Я не умею плавать! — вдруг нервно выдыхает девчонка и совершенно ошалевшими глазами смотрит на меня в упор.

Нет, ну правда, что ли? Ей сколько? Пять? Что значит «не умею плавать»? С другой стороны, вот Глеб, твой шанс поквитаться и за «слона», и за каменный стояк, и за то, что вчера из головы эту пигалицу тощую выкинуть не смог.

Осторожно веду руками по ее бедрам и смыкаю на просто охрененной заднице. Сам едва ко дну не иду. Дымлюсь уже. Но рожу держу, словно мне все ни по чем.

Девчонка мои руки чувствует, деревенеет вся и замирает, как статуя. Меня вроде и бесит ее реакция, а вроде и оправдана она. Это я мину при плохой игре держу, мол: ничего особенного, а так... Какой-то левый пацан за задницу хватает. Правильно делает, что по

роже мне хочет вмазать.

Ладно. Прорвемся.

— Прыгай, я поймаю, — снова команду выдаю, так как вижу, что Роднин уже нас недобрый взгляд прошивает. — Прыгай, говорю! Тренер смотрит.

Она вскидывает испуганный взгляд на Давыдыча, а тот словно специально перстом своим царским и рожей от злости перекошенной ей на воду тычет. Яся вся сжимается и тихонько опускает руки мне на плечи. Вперед поддаюсь и, обхватив ее совсем уже в наглуую за попу, снимаю с бортика в воду. Она тут же нервно выдыхает и от испуга вцепляется мне в гриву. А потом и вовсе, как мартышка по пальме, заползает почти на голову. Да так быстро, что не успеваю среагировать и ухожу под воду.

Девчонка сразу паникует и начинает меня откровенно топить. Беспредел полный! Хватаю ее за руки, всплываю на поверхность и слегка встряхиваю, чтобы в себя пришла. Она вроде моргать осознанно начинает и, стуча зубами от страха, шепчет мне почти в губы:

— Прости...

Замираю на минуту и забываю как дышать. Сердце с ума сходить начинает от ее близости. Непроизвольно взгляд на ее губы пухлые, влажные, дрожащие перевожу и понимаю, что на вкус хочу их попробовать. Член снова дергается в плавках, а я сжимаю зубы и сам ее ноги вокруг своей талии оборачиваю, а руки вокруг шеи.

— Сейчас встанем на точке, скажу, когда и ты удержишь дыхание. Я опущу тебя в воду и тут же подниму. Тренер поставит тебе зачет, и ты спокойно пойдешь в раздевалку и поплачешь.

Специально жестко высекаю, потому что размотало ее уже не по-детски. Если прямо здесь реветь начнет, то точняк воды нахлебается. А так хоть есть возможность с макушкой ее в воду опустить.

Роднин, словно издеваясь, назначает нам точку на глубине пяти метров. Пока плывем, Яся всю дорогу зубами стучит.

Ну как плывем...

Она в меня вцепилась так, что клещами не оторвать. Едет на мне, как на круизном лайнере, и за шею слегка душит. Мне и заржать хочется, и в воду ее скинуть, чтобы сразу плавать научилась.

Встаем на точке. Внизу пять метров бездны. Яся на мне сидит и даже помочь никак не хочет.словно я подрядился ее по этому бассейну таскать. Мельком по сторонам взглядом вожу и вижу, как мои парни девчонок нырять учат. Кир придурок, за волосы одну макает, а сам театр показывает: будто она там ему отсасывает, а он кайфует. Роднин только головой мотает и секундомером щелкает.

— Глеб, готовы? — кричит он нам.

А я хрен знает, готовы мы или нет. Понимаю, что театр вряд ли как у Водяного получится. Я как девчонку приволок сюда, так, по ходу, и нырять с ней, и волочь ее обратно буду. Не то чтобы я жалуясь. Возможно, я даже был бы рад, если бы не одно «но». Яся за меня держится не потому, что хочет, а потому, что ей до усёру страшно.

— Готовы, — топлю уверенно и на девчонку смотрю.

— К чему готовы? Я не готова! — вдруг она снова начинает психовать.

Да твою же мать!

— Воздух набирай! — бескомпромиссно выдаю.

— Нет, — мотает она головой, но щеки надувает.

Незаметно Давыдычу знак показываю, чтобы счетчик свой включал, а сам ей нос пальцами зажимаю, впиваюсь в ее губы своими и утаскиваю на дно.

Мне даже обидно за этот украденный поцелуй становится.

Кто ему права давал?

©Ясинья Сверчкова

— Воздух набирай! — командует он, а я от раздирающего мозг страха уже почти не соображаю ничего.

Понимаю, что повисла на нем так, как будто имею права, но и руки хоть на мгновение разжать боюсь. А после его команды еще сильнее в его шею вцепляюсь и ногами крепче обхватываю. Говорю «нет», а сама, будто по инерции, выполняю его приказ и заглываю полные щеки воздуха.

А дальше происходит все так быстро, что я даже не успеваю ничего понять. Исполин зажимает мне пальцами нос и вдруг прижимается своими губами к моим. Он словно перекрывает мне пути к отступлению, закрывая рот и нос, и утягивает под воду.

Первые секунды — шок. Просто ощущаю его жесткие губы на своих и чувствую, как кожу покрывает тысяча мелких мурашек. Сердце в груди делает тяжелый «бух» и тут же начинает разгонять кровь по венам. От этого контакта, сама не понимаю как, но я распахиваю глаза. Прямо под водой! И натываюсь на внимательный взгляд Юсупова.

Тут же дергаюсь в его руках и на автомате выпускаю воздух, чтобы закричать. А он, словно предвидя это, крепко прижимает меня к груди, практически впечатывая в свое каменное тело, и вдвывает потерянный воздух из своего рта в мой. Зависаю на мгновение, а он отталкивается ногами от дна и начинает мощно выталкивать нас на поверхность.

Только в этот момент до меня доходит, что мы только что на глубине пяти метров были. Уже мысленно готовлюсь умереть, захлебнувшись водой, когда Глеб делает мощный рывок телом и вытаскивает нас на поверхность. Заглываю в горящие легкие кислород и открываю глаза.

— Сверчкова, зачет! — слышу радостный вопль тренера, а потом еще более веселое, — вот учитеесь, дамы, как нужно задерживать дыхание. В первый раз и сразу же на рекорд пошла.

— Ага, с Князем и я бы на рекорд пошла, — рядом раздаются недовольные голоса других студенток.

А я, проморгавшись, осторожно смотрю в абсолютно невозмутимое лицо Юсупова. У меня сердце бьется, словно пойманная птица, а ему хоть бы что. Хотя чему я удивляюсь? Это же не у него только что первый в жизни поцелуй случился, да еще на глубине пяти метров. Мне даже обидно за этот украденный поцелуй становится. Кто ему права давал?

Снимаю ноги с его талии, чтобы максимально, насколько возможно, отодвинуться. Нечего на нем сидеть! Только вот пока ноги спускаю, случайно коленом задеваю его пах, а там... Глаза на него потрясенные таращу, а у Глеба даже лицо заостряется от злости, когда я понимаю, что он вовсе не спокоен. Он возбужден! От меня, что ли? Или от этого недопоцелуя?!

Губами судорожно воздух захватываю и, совершенно не соображая, что делаю, одергиваю от него, словно обожглась руки. Секунда недоумения на его лице, и я снова ухожу под воду. «Вот теперь точно утону. От стыда», — мелькает мысль, когда меня снова вылавливают и тянут на поверхность.

Кашляю и в своего спасителя вцепляюсь, как и до этого руками и ногами. Мало ли что там с ним. Я еще жить хочу. Может, это и не из-за меня у него такая реакция. Может, это из-за девчонок, которые в соблазнительных купальниках здесь водную гладь рассекают.

Глеб молча дотаскивает меня до бортика, хватая за задницу и бесцеремонно плюхает ее на бортик бассейна. Не успеваю даже поблагодарить его, как он срывается в воду и широкими мощными гребками начинает плыть по дорожке.

Подрываюсь на ноги и бегом в раздевалку. Только не реветь, а в себя прийти от водных приключений. Сегодня столько всего в первый раз в моей жизни произошло. Первое погружение. Первые пять метров глубины. Первый почти поцелуй. И первый зачет по физкультуре!

— Так, Сверчкова, — снова уже почти ненавистный бас тренера. — На следующем занятии будем отрабатывать плавание кролем. Не забудь шапочку.

Да что б тебя... Дальше мысль не заходит, но я все равно торможу рядом с довольным Родниным.

— Олег Давыдович, боюсь, кролем я не умею, — терпеливо объясняю я и даже улыбнуться ему пытаюсь.

— Красный диплом хочешь? — задает он риторический вопрос.

— Конечно, хочу, — скриплю зубами, но все еще улыбаюсь.

— Тогда научись.

Нет, ну он серьезно, что ли? Что за удивительный человек этот... тренер!

— Да как же я научусь, Олег Давыдович, к следующему занятию не то что кролем, в принципе плавать? — злюсь уже откровенно, поэтому не обдуманно делаю первый промах. — Или вы еще кого-нибудь попросите меня по бассейну покатать?

А этот тиран будто только и ждал от меня таких слов. Его красная физиономия растягивается в довольной улыбке, словно я ему только что сказала, что выиграла Олимпиаду на длинную дистанцию с золотой медалью.

— Давай договоримся, Сверчкова, — выдает тренер, и я настораживаюсь. — Ты натаскаешь по трем предметам моего капитана команды к университетской олимпиаде, а он научит тебя плавать. И ты сдашь у меня все зачеты.

— В чем подвох? — настороженно спрашиваю этого узурпатора. Уж больно мне не нравится этот его шальной блеск в глазах.

— Никакого подвоха. Дашь на дашь. Ты мне помогаешь. Я тебе.

— А если он не сможет меня научить? Или я его? Он, возможно, у вас тупой? — злюсь уже откровенно, так как понимаю, что выбора у меня особо нет.

Тренер скептически смотрит на меня, потом его взгляд становится колким и уже не таким радушным, и он рявкает:

— Ты, Сверчкова, не заговаривайся. Понаехали тут из своего Дрездена! В России плохо жилось? А может вы инагенты? Или ты русских тупыми и недалекими считаешь? — на последних словах он уже орет на весь бассейн. Красный, как рак, брошенный в кипяток, и брызгая слюной во все стороны, трясет пальцем перед моим носом.

— Нееттт, — снова заикаясь, бормочу я, понимая, что, кажется, перспектива закончить университет с отличием тает, как снежный ком на апрельском солнце.

— То-то же! — вдруг выдыхает тренер и уже спокойно, но безапелляционно произносит, — значит так, Сверчкова! Либо ты соглашаешься, либо я приложу максимум своего влияния, и тогда уж ты вряд ли вообще закончишь наш прекрасный университет.

У меня начинает трястись губа, но я беру себя в руки и покорно киваю головой. Ни за что перед этим тираном не расплачусь. Опускаю голову вниз и покорно бреду в сторону раздевалки.

— Сверчкова, так что ты мне ответишь? — гремит строгий бас мне в спину.

«Гад ты», — вот что мне хочется сказать, но вместо этого я притормаживаю на мгновение и, посмотрев в его непоколебимые глаза, обиженно рапортую:

— Служу России!

*Странно, что последняя мысль в моем сознании
промелькнула именно о нем.*

©Ясинья Сверчкова

— Яся, погоди! — кричит мне Таисия, когда из раздевалки я вихрем вылетаю прочь. — Да погоди ты. Куда так спешишь, словно за тобой черти несутся?

Замедляюсь на секунду и жду, когда новая подруга добежит до меня. У самой от злости даже волосы наэлектризовались. Того и гляди, бабахнет сейчас.

— Что случилось? Что там тренер от тебя хотел? — она с тревогой заглядывает мне в глаза и требует ответа.

— Он хочет, чтобы я за неделю научилась плавать, — с иронией бубню я, а после и вовсе начинаю с издевкой смеяться. — А через две он, наверное, захочет, чтобы я на КМС сдала.

— Роднин может, — с сожалением подтверждает она мои худшие опасения.

— Это конец моей многолетней зубрежке в погоне за красным дипломом. Гасите свет! — хлюпаю я все-таки носом, совершенно раскисая.

— Да погоди ты. А договориться пробовала? — ищет Тася пути к отступлению.

— Ага. Не помогло, — горестно вздыхаю.

И что-то мне себя так жалко становится, что я плюхаюсь задницей на пол прямо в коридоре. Таисия подсаживается ко мне и сочувственно гладит по еще слегка влажным волосам.

— А что он говорит? Он ведь так просто никогда не зверствует, — рассуждает подруга и заглядывает мне в глаза.

— Он хочет, чтобы я какого-то тупицу подготовила к университетской олимпиаде, — скулю я в голос. — А как я могу? Если тут даже преподаватели не в силах.

Но вместо того, чтобы поддержать меня, Тася лишь весело фыркает и отвечает:

— Нашла из-за чего переживать. Глеб не тупица. Он очень даже умный. Просто они все время тренируются и им некогда учиться. А олимпийцы хотят реванш в...

— Глеб? Какой Глеб? — испуганно шепчу, даже на время забыв, что я реветь собиралась.

— Как какой? — удивляется она. — Тот, с которым ты сегодня ныряла.

— Но Роднин сказал, что капитан команды...

— Все правильно, — перебивает меня Тася. — Глеб Юсупов — капитан команды нашей звездной четверки. Да ты не переживай, он быстро втянется. Мне вот тоже Левина подсунули, а Водянова нашей зубриле Алене Григорьевой. Да и Царева тоже к лучшему ученику универа Сереже Коневу в пару поставили.

— Боже мой! Что такое не везет и как с этим бороться? — бормочу устало и поднимаюсь на ноги.

— Да пойми, Роднин все это специально подстроил. Ему нужно, чтобы его четверка спортсменов порвала олимпийцев еще раз. В воде наши доказали, что лучшие. Осталось доказать, что и мозги у них работают как надо.

— То есть, если я откажусь, он точно меня завалит?

— Для него победа его команды важнее всего на свете. Тут даже мой отец бессилён. Так

что ты лучше помоги нашим выиграть, и он тебе за это все косяки спишет.

— Ну почему я? — все еще ищу причину, чтобы отказаться от этого бреда, хотя в душе уже понимаю, что выхода особо нет.

— Потому что ты единственная из нас участвовала в международных олимпиадах и даже выиграла их, — смеется Тася, словно приходится объяснять и так очевидные вещи. — Глеб — капитан, и у него должен быть лучший тренер.

— Ну, тогда ладно, — вроде мне и правда становится легче.

Понимаю, что силы на сегодня покинули и все, что мне сейчас хочется, так это оказаться в своей комнате. И в своей кровати. И под своим теплым одеялом. Ой, мамочки! Прощаемся с Тасей, и я иду уже выбранным маршрутом, еле переставляя ноги.

На улице тепло, несмотря на то, что середина сентября. Я в учебе пропустила всего лишь две недели, но сегодня на занятиях поняла, что с легкостью все нагоню. Учеба вообще никогда не вызывала у меня трудностей. Еще бы. Болезненный ребенок, слишком опекаемый своей мамой. Все время дома с книгами и учебниками. От скуки в пять я уже самостоятельно научилась читать и писать, а когда пришло время идти в школу, я прочитала столько книг, что даже преподаватели старших классов тайком совали мои результаты тестов на всевозможные местные олимпиады. К старшим классам я с легкостью побеждала уже в международных конкурсах, принося славу нашей школе.

В универе было примерно так же, пока Бруно не получил повышение. Как не уговаривали его мои преподаватели оставить меня в Дрездене, отчим был непреклонен. Мама не хотела оставлять меня одну, а он не желал отпускать от себя мою мать. Так мне и пришлось забрать документы и перевестись сюда. Где теперь всем моим победам и многолетним усилиям угрожал фанатик спорта. Уму непостижимо!

— Эй, красивая, куда так спешишь? — раздался мерзкий голос, когда я уже пересекала парк, который находился рядом с моим домом.

Вскинула взгляд и увидела вокруг себя троих типов, очень похожих на гопников из девяностых. На мгновение мне даже смешно стало. Спортивные костюмы, белые носки, торчащие из кроссовок, и какие-то нелепые кепки поверх почти бритых голов.

Сначала, даже особо не испугалась. Ну что они мне сделают среди бела дня. Но потом, оглядевшись, я почему-то не увидела вокруг ни одного человека. Все обходили эту тропинку стороной. С одной стороны парк, а с другой дорога. Поэтому люди спешили обойти эту шайку другими тропинками и только я в своей задумчивости свернула не туда.

Сделала попытку обойти, но мне наперерез выступил, видимо, их заводи́ла. Он мерзко перекидывал сигарету между своих тонких губ и гадко скалился. Лицо худое, в прыщах. Таким только детей ночью пугать.

— Дайте пройти, — произнесла спокойно, но строго, в надежде, что стайка придурков не предпримут никаких противозаконных действий в отношении меня.

Но, видимо, у них были другие планы. Главарь смачно сплюнул и подошел ко мне вплотную. От него мерзко пахло каким-то дешевым одеколоном и табаком, и я подумала, что дело плохо. Дыхание перехватило, а глаза сразу заслезились. Так всегда было от резких неприятных запахов. Почувствовала, как в носу запершило и закружилась голова. Попыталась обойти этого мужлана, но каждый раз он преграждал мне дорогу, мерзко хихикая. Словно играючи. Остальные двое наблюдали, но пока не вмешивались, и это вселяло надежду.

Собралась, сконцентрировалась и когда прыщавый снова попытался преградить мне

путь, зарядила ему коленом по яйцам. Он громко завопил и согнулся пополам, а я рванула в сторону. Только вот далеко убежать не успела. Оставшиеся подонки схватили меня за волосы и сильно толкнули, выхватывая из рук рюкзак. Если честно, мне было не жалко, пускай забирают, вот только там было то, без чего я могла умереть.

Дернулась за своей поклажей, а они, явно развлекаясь, начинают толкать меня, перекидывая рюкзак из рук в руки. В какой-то момент чувствую, как воздух перестает поступать в мои легкие и, громко хрипя, падаю на колени.

— Ой, смотрите, а она уже на все готова! — мерзко скалится их главарь и шагает в мою сторону.

В глазах уже потемнело. Если они сейчас попытаются изнасиловать меня, я даже не смогу сопротивляться. Я просто умру под этими подонками. Протянула руку в молящем жесте к своему рюкзаку, но придурки только смеялись и начали вытряхивать из него все содержимое прямо на землю. С надеждой смотрела на то, как выпадают тетради и учебники. Мой влажный купальник, расческа и кошелек. На мгновение они заинтересовались им и бросили полупустой рюкзак на землю. Из последних сил поползла до него и начала искать свой спасительный флакон.

— Там еще что-то есть. Смотри, как краля ищет! — гогочет один из них и снова выхватывает заветную поклажу из моих рук.

— Да хрен с ним, Серый, давай с ципой развлечемся. Смотри, какая фифа! — предлагает прыщавый и разворачивается ко мне.

В легких почти уже не осталось кислорода. Я с громкими хрипами заглатывала воздух, который отказывался поступать к заветной цели. Какой трагичный финал. Я умру в парке возле дома, так и не сдав Роднину чертов кроль. Да и Глеб какую-нибудь другую отличницу будет учить нырять своим офигительно-волнительным способом.

Странно, что последняя мысль в моем сознании промелькнула именно о нем. Заваливаясь на траву, я уже практически перестала хрипеть. Лишь тихие шипящие звуки из моих многострадальных легких.

Пока сознание еще не покинуло меня окончательно, хватая и собирая последние крупинцы жизни, рядом послышался свистящий, оглушающий звук тормозов. Потом громкий крик. Звуки борьбы. Четкие удары о чью-то плоть. А потом из угасающего сознания я поймала тревожный взгляд склоненного надо мной Глеба. Он тряс меня за плечи. Ощупывал тело, пытаясь понять, почему я не шевелюсь. Просто каким-то чудом выставила указательный палец в сторону своего рюкзака, бесхозно валяющегося рядом.

Глеб схватил его и начал трясти. На газон выпал ингалятор, и я почувствовала, как из моих глаз выкатываются слезы. Он схватил флакон, приподнял мою голову и поднес к губам. Один пшик и я делаю долгожданный вздох.

*Она была словно ангел,
которого я хотел запятнать пороком.*

©Глеб Юсупов

Сначала тренер задержал нас, заставляя разобрать ошибки, допущенные на соревнованиях, и отработать их. Потом Роднин позвал меня к себе и на серьезных щах велел научить новенькую плавать взамен на то, что она мне поможет подтянуть отстаивания.

Перспектива была заманчива, а вот способы его воздействия мне не понравились. Попытался возразить. Но тут тренер начал рассказывать о моем долге перед Родиной и о том, что если я не выиграю университетскую олимпиаду, он сделает так, что Сверчкову отчислят.

Казалось бы, какая мне разница? Но тут сердце почему-то предательски кольнуло и я сразу допер, что этот старый сводник специально нас в пару поставил. Чтобы иметь на меня рычаги давления.

Из универа сваливаю, более чем раздраженный. Мне бы как сегодня семейный ужин пережить, а тут еще этот великий махинатор мозги клюет. Прыгаю в тачку и по газам. Обычно гоню по окружной до коттеджного поселка, где живут родители, а тут отчего-то захотелось прокатиться около парка, где, как я уже выяснил, живет Сверчкова.

Вот почему меня тянуло к ней, словно магнитом? Ну, смазливая. Ну фигура — отпад. Но я и красивее видел, и круче. Только вот ни одна до нее не вызывала в моей душе такой бури. Она казалась мне какой-то светлой, что ли. Неиспорченной. Она была словно ангел, которого я хотел запятнать пороком. Или наоборот... Да черт бы все побрал. Пока ехал, смотрел на тот самый парк в надежде ее увидеть. И увидел! Она лежала на газоне практически бездыханная, а три отморозка в «камень, ножницы, бумагу» прикидывали, кто из них будет первым.

Что такое гнев? Вообще я негневливый человек. Стараюсь все переваривать в себе, не показывая лишних эмоций и не предпринимая ненужных действий. Все мои поступки всегда выверены и рассчитаны. Но здесь! Я даже не понимаю, как вылетаю из машины. Не помню, заглушил ли мотор. Просто резко торможу, выскакиваю из нее и тараном прую в толпу этих мразот с одной единственной целью: разорвать. Они даже ничего понять не успевают, когда я со всей дури пробиваю одному в челюсть, сразу вырубая и опрокидывая на спину. Не мешкая ни секунды, тут же налетаю на остальных. Прыщавый что-то еще пытается мне втирать и, кажется, даже благородно предлагает поделить девчонку. Ему я всаживаю между глаз, а потом по яйцам с особым изощренным удовольствием. Эта сука еще не скоро захочет к девчонкам в парке приставать, если вообще захочет. Третий плюгавый не ждет своей участи, а просто пускается на самотек. Не бегу за ним, но запоминаю. Не дай Бог ему попасться еще раз на моем пути! Хотя лучше пускай попадается. Яйца откручу ублюдку.

Когда все мразоты обезврежены, бегу к Ясе. Она вся какого-то неестественно синего цвета и почти не дышит. Ощупываю ее с ног до головы в поисках ран. Видимых повреждений нет, но она ведь и головой могла удариться.

— Яся? — в панике встряхиваю ее за плечи.

Девушка тихонько хрипит, и все, что у нее получается, это распрямить палец в направлении своей сумки. Хватаю ее, даже не понимая, что искать, и начинаю трясти. И вот

из недр рюкзака выпадает ингалятор. Чееер! Сразу соображаю, что к чему. Подбегаю к ней, подставляю к губам и делаю впрыск.

Ясинья громко делает вдох и почти сразу же начинает розоветь. Из ее глаз брызжут слезы, и она, уже не сдерживаясь, плачет на моей груди, крепко вцепившись руками в мою толстовку. Не мешкая, поднимаю ее на руки и несую в машину. Устраиваю на пассажирском сиденье и сую в руки ингалятор. Вижу, что она уже осознанно берет его в руку и еще раз прыскает в рот. Захлопываю дверь с ее стороны и возвращаюсь на поляну. От одной мысли, что я мог поехать другой дорогой, меня такой дрожью пробивает, что не выдерживаю и с разгону забиваю штрафной по яйцам прыщавого. Он, сука, стонет, а я достаю мобилу и набираю Водянову.

— Кир, тут три упыря в парке к девчонке приставали. Двоих я оформил, надо третьего найти.

— Не вопрос, — слышу в трубку. — Этих забрать?

— Да, — и адрес диктую.

Пока подмогу ждем, вещи Яси в рюкзак закидываю и ей в машину приношу.

— Мы можем отсюда уехать? — жалобно спрашивает она.

— У тебя, где-то болит? Они били тебя? Трогали? — вопросы вроде со спокойной рожей задаю, а в душе только одна мысль: убью ублюдков!

— Нет. Толкали только. А потом у меня...

Она не договаривает, хлюпает носом и отворачивается. Ясно все. Не хотела, чтобы знали. Вот, значит, какой справкой она у носа тренера трясла. Что же он за гондон? А если бы ей в воде плохо стало? Она же, твою мать, и утонуть могла. Чувствую, что разгоняю себя и громко выдыхаю. Нельзя гневу поддаваться. Нельзя! Если здраво рассуждать, то даже если бы и случился у нее этот приступ, утонуть я ей бы все равно не дал. И Роднин это знает. Поэтому этот маньяк нас вместе в пару и поставил. Надежней меня только швейцарский банк.

Ладно. Выдыхаем.

Минут через десять к нам подъезжают две машины. В одной Кир, в другой охрана клуба. Они поднимают контуженных и грузят в багажник.

— Не волнуйся, Глебыч. Парни популярно объяснят этим двум джентльменам, как нужно вести себя с девушками, — скрипит зубами Водянов и через стекло на Ясю смотрит.

— Прыщавый, первым быть хотел, — все, что выдаю абсолютно лишенным красок тоном.

Мужики меня без слов понимают, кивают и отчаливают. Наконец сажусь в машину и вроде первый раз вздыхаю полной грудью.

— Куда их увезли? Что с ними будет? — испуганно спрашивает девчонка.

— А это имеет значение? — выдаю чуть громче, чем планировал.

— Они же люди и...

— Они не люди, Ясинья! — перебиваю ее жестко. — Это мрази, которые не заслуживают копить эту землю.

— Это не нам решать, — продолжает гнуть какую-то богобоязненную херь. Еще заповеди бы вспомнила.

— А кому?

Она заминается на мгновение, но потом уперто гнет свое:

— Закон. Бог, в конце концов.

— Бог? — даже ржу в голос.

Потом смотрю в ее наивно распахнутые глаза и удивляюсь. Как она до девятнадцати лет такая наивная осталась?

— Ну а если бы я не приехал? Если бы не помог. Ты понимаешь, что они хотели сделать с тобой?

Она замолкает. Хлопает своими ресницами, а потом шумно и судорожно выдыхает.

— Понимаю, но...

— Никаких «но» быть не может. Тебя бы поймали среди бела дня, пока ты задыхалась бы на этом газоне.

Жестко? Возможно! Но, на мой взгляд, необходимо. Потому что в этом мерзком, прогнившем мире нельзя быть такой чистой и наивной. Особенно, когда почти сама же и попалась.

— В прошлом году вот такие же отморозки изнасиловали девчонку с моего потока. Их было двое, и их поймали. Но у одного батя оказался депутатом, и его адвокат доказал, что мальчики во время акта насилия были в состоянии аффекта, а девчонка их сама спровоцировала. И знаешь что? — саркастически высекаю я.

Яся вся сжимается и только отрицательно мотает головой.

— Их отпустили. А девчонка вышла в окно на семнадцатом этаже. И где был твой закон? Ну или Бог?

— Мне жаль, — дрожащим голосом шепчет она.

— Мне тоже, — шумно выдыхаю и словно броней обрастаю, засовывая все переживания далеко внутрь себя. — Хорошая была девчонка. Мы впятером все вместе росли. Ей надоело, что мы вечно ее опекаем, и в тот вечер ушла тусить в другую компанию.

— И что с ними стало? С насильниками?

Завожу мотор и тихонько трогаюсь, стараясь не делать резких движений. Слежу за дорогой, но чувствую, как Яся внимательно за мной наблюдает, терпеливо дожидаясь ответа.

— Бог их твой наказал, Яся, — выдыхаю задумчиво. — Они, стритрейсеры. Забились на тачку Левина, что выиграют и... И проиграли. Не справились с управлением и въехали в бетонную стену. Один наглухо. Второй до конца своих дней будет есть и срать через трубочку, вспоминая, как круто когда-то куролесил. Хотя нет... вряд ли он что-то вспоминает. Потому как тем, чем надо вспоминать, там, на бетонной плите осталось.

— И как Левин после этого живет? — слышу вполне ожидаемый вопрос.

Пожимаю плечами и честно отвечаю:

— Нормально живет. Ведь за рулем его тачки был я.

*Он разобьет мое сердце,
а я потом буду рыдать в подушку,
проклиная всех мужиков в мире.*

©Ясинья Сладкова

Не знаю, как так получается, только Глеб, не спрашивая моего адреса, привозит меня прямо к крыльцу дома. Я не спрашиваю, откуда он знает, где я живу. Его ответов на сегодня мне хватает. Молча забираю свой рюкзак с заднего сиденья, отстегиваю ремень безопасности и открываю дверь. Глеб тоже молчит. Он даже головы больше ни разу в мою сторону не поворачивает. Сделал свое шокирующее признание и молчит, позволяя мне самой делать выводы.

И я сделала.

Открываю дверь, выбираюсь из машины и на прощание все же решаю сказать то, что в данную минуту лежит грузом на сердце:

— Спасибо, что оказался рядом, Глеб! Ты спас меня сегодня. Дважды.

Он лишь кивает головой, давая понять, что услышал, но тут я замечаю, как опадает его грудная клетка. Словно все это время он находился в сильнейшем напряжении и, наконец, смог выдохнуть. Захлопываю дверь и поворачиваю к дому, когда слышу через приоткрытое окно:

— Яся! — оборачиваюсь и с какой-то глупой и нерациональной радостью смотрю в его суровое лицо. — Утром я заеду за тобой. Одна ты больше ходить не будешь.

Послушно киваю головой и силуюсь улыбнуться, когда он внимательно осматривает меня с ног до головы и нагло произносит:

— И купальник захвати. После пар будем учить тебя плавать.

С этими словами Юсупов мне подмигивает и срывается с места, в мгновение исчезнув за поворотом. Только сейчас осознаю, что он специально ехал тихо, потому что не хотел гонять со мной в машине. Из-за этого открытия улыбаюсь от уха до уха и шагаю к дому.

Дом встречает меня полной тишиной. Сегодня у Бруно какой-то корпоратив, и они с мамой вернуться не скоро. В общем-то, это и к лучшему. Не хочу, чтобы она видела меня в таком состоянии.

Принимаю душ, закидываю вещи в стирку и иду на кухню. Аппетита нет совсем, но я послушно впикиваю в себя приготовленное мамой картофельное пюре и салат из зеленых овощей. Горсть таблеток и в награду печенье из злаков. Как ни странно, но домашку делаю очень быстро, несмотря на разрывающийся мозг. Мне очень хочется отвлечься и не думать о том, что сегодня произошло и то, что я услышала от Глеба. Но мысли каким-то сумасшедшим потоком сменяют одна другую.

Наконец, не выдержав, хватаю телефон, чтобы позвонить Люсиль и поделиться с ней своими кошмарными приключениями. Пока пролистываю телефонную книгу, чтобы найти номер подруги, совершенно случайно натыкаюсь на новый контакт: «Глеб Юсупов». Когда он успел? Хотя... Видимо, пока собирал мои вещи на газоне и ждал, когда подъедут те странные типы. Ладно. Открываю мессенджер и несколько раз порываюсь написать ему сообщение. Только вот набираю и тут же стираю, так и не придумав, что же ему сказать.

Решительно закрываю его контакт и быстро набираю подругу.

— Хай, детка, как там суровая Россия? Ты уже видела медведей на улице?

Смеюсь, конечно, на этой бурный поток энергии. Люсиль верит во все эти стереотипы и на полном серьезе считает, что здесь все ходят в валенках и шапках ушанках, вечерами играя на балалайке и без тормозов хлещут водку, заедая солеными огурцами. Хотя, что касается последнего, то она недалеко от истины.

— Ох, моя Люся! Медведя не встретила, но трех гопников довелось увидеть.

Рассказываю ей приключения сегодняшнего дня, но вместо сочувствия, которое я надеюсь услышать, подруга выдает мне ряд каких-то пищащих восторженных звуков, от которых у меня закладывает уши.

— Яся, так это же прекрасная новость. Тебе давно пора забыть на свою учебу и с головой окунуться в головокружительный роман с этим красавчиком!

— Я не говорила, что он красавчик, — обижено бурчу в трубку, но подруга игнорирует мое настроение полностью.

— Я уже представила, что он красавчик, и ничто на свете не сможет меня в этом переубедить! — визжит Люся и хлопает в ладоши, словно тюлень в цирке.

Уже готовлюсь сказать ей пару лестных комментариев, когда на экране всплывает сообщение от абонента «Глеб Юсупов».

— Люся, это он! — визжу в камеру.

— Кто? — не допирает она.

— Глеб. Тот, что красавчик! Он что-то пишет.

— Что?

— Откуда мне знать? Я же с тобой разговариваю!

— Так посмотри, глупая, — командует она, как генерал на плацу, и ставит телефон в спящий режим.

Захожу в мессенджер и дрожащими пальцами нажимаю на иконку сообщения.

«Глеб Юсупов. Почему ты набирала текст, но так и не отправила?».

Вот же... Засада!

«Ясинья Крикет. Я думала, что пишу подруге. Прости, ошиблась».

«Глеб Юсупов. Странно. Ты думала, что пишешь подруге минут пять».

«Ясинья Крикет. Да, я невнимательная».

Дальше с напряжением наблюдаю, как курсор бежит по экрану. Он замирает, и я перестаю дышать. Уже хочется закричать, чтобы скорее скидывал сообщение, когда курсор начинает снова двигаться.

«Глеб Юсупов. Я предлагаю сделку».

Хм. И все?

«Ясинья Крикет. ???»

«Глеб Юсупов. Я придумал, как нам быстрее добиться результата в нашем обучении».

«Ясинья Крикет. Вся во внимании»).

«Глеб Юсупов. Давай так! Если я правильно выполняю свое задание, то ты выполняешь одно мое желание. Если у тебя получается, то я выполняю твое».

Уф-фф. Срочно включаю Люсиль и воплю ей в трубку:

— Что же мне делать?

— Соглашаться, конечно! — авторитетно заявляет она.

— А если он попросит что-то, что я сделать не смогу, — я так растеряна и потрясена, что совершенно не соображаю, как поступить.

— Что, например, Яся? Ты про секс, что ли?

— Даааа, — скулю в камеру и закрываю глаза. — Ну откуда мне знать, что он захочет?

— Ясынья Крикет, — строго рявкает Люсиль в трубку. — Тебе девятнадцать. Уже позволь себе расслабиться и насладиться своей молодостью. Секс — это прекрасно! И если этот красавчик попросит... смело соси!

А потом она начинает ржать, как драгунский конь. Фыркаю от досады и полностью отключаю с ней связь. Вот же зараза!

«Глеб Юсупов. Эй, ты там?».

«Ясынья Крикет. Что ты подразумеваешь под „исполнить желание“?».

«Глеб Юсупов. Все!».

А-ха-ха! Ну да, конечно! Что, собственно, и следовало ожидать!

«Ясынья Крикет. Пока, Глеб. Спасибо, что написал, но НЕТ!!!».

Придумал тоже. Все! Да я... Боюсь! Вот. А еще... Сто раз боюсь! Он разобьет мое сердце, а я потом буду рыдать в подушку, проклиная всех мужиков в мире. Не хочу! Не буду! Не желаю!

«Глеб Юсупов. Все... Но будет стоп-слово».

«Ясынья Крикет. Какое еще стоп-слово, Кристиан Грей».

«Глеб Юсупов. Ахахаха. Шутка удалась. Стоп-слово, которое будет отменять желание. Но им можно будет воспользоваться только один раз!».

«Ясынья Крикет. Я подумаю. Лет сто. Можно?».

«Глеб Юсупов. Трусиха)))».

Кто трусиха? Я? Вот же ты... не знаю кто. В голову ни одного ругательства не приходит. Отбрасываю телефон в сторону и минут десять тупо пялюсь в потолок. Если за две недели я не научусь плавать, то мне конец. Стимул мне нужен. Особенно когда впереди маячили красный диплом и свобода от отчима. Снова хватаю телефон.

«Ясынья Крикет. Миндаль».

«Глеб Юсупов. Это намек?».

«Ясынья Крикет. Это то, что я никогда в своей жизни не пробовала, но мечтала бы... когда-нибудь...».

«Глеб Юсупов. Принял. Тогда до завтра».

«Ясынья Крикет. Подожди! А какое твое стоп-слово?».

«Глеб Юсупов. Мне не нужно».

«Ясынья Крикет.???».

«Глеб Юсупов. Поражение!».

Пялюсь на экран и шумно выдыхаю. Потом беру ингалятор и впрыскиваю лекарство. Так, на всякий случай. Этот Глеб не такой простой, и сдается мне, что я иду на сделку с самим дьяволом. Но как же это волнительно!

«Ясынья Крикет. Почему-то мне кажется, что ты им никогда не воспользуешься!».

«Глеб Юсупов. Спокойной ночи, Ясынья Сверчкова)))».

Божечки! И на что я только что подписалась?!

*Мой взгляд все время, будто магнит,
выискивает среди серой массы ее белокурую головку.*

©Глеб Юсупов

С легким раздражением смотрю на то, как Ясинья идет к машине. Она снова в своих широких джинсах и объемном свитере. У нее что, другой одежды нет? Зачем она все время прячет свою охренительную фигуру под этими безразмерными тряпками?

Девушка с улыбкой ангела подходит к машине и робко тормозит у самой двери, так и не сев в салон.

— Садись, чего встала?

Грубить, конечно, в планах не было. Но при виде ее в очередной раз чувствую, как заходится сердце в сумасшедшей скачке, и громко выдыхаю в надежде скинуть напряжение.

Понять не могу, почему меня к ней так тянет, но то, что мой взгляд все время, будто магнит, выискивает среди серой массы ее белокурую головку, начинает всерьез меня беспокоить.

— И тебе доброе утро, Глеб! — слышу ее спокойный ответ.

С этими словами девушка улыбается, как милый персонаж из какого-то мультика, и, наконец, садится на пассажирское сиденье. Она молча пристегивает ремень безопасности, выпрямляется, словно кол проглотила и складывает руки на коленках. Осталось только повелительно сказать «трогай» и я, как кучер, должен буду погонять своих лошадей. Даже головой трясу несколько раз, чтобы прогнать это видение, и осторожно отъезжаю от ее дома. Уж не знаю как, но эта девчонка даже в своих безразмерных тряпках выглядит как чертова королева.

От ее района до универа рукой подать, но я, покой-то черт, сворачиваю на улицу, где с утра и в час пик всегда пробки. Естественно, мы сразу же попадаем в самую гущу, но впервые в жизни я не раздражаюсь, а по какой-то мне неведомой причине радуюсь. Поскольку за все это время мы так больше не говорим друг другу и слова, атмосфера в салоне явно накаляется. Изредка громко выдыхаю и постукиваю пальцами по рулю в такт музыке, льющейся из динамиков, а Яся все еще сидит в позе королевы и все так же безмятежно улыбается, глядя вперед.

В какой-то момент не выдерживаю и все тем же грубым голосом спрашиваю:

— У тебя другой одежды нет? Почему ты все время одеваешь на себя чехлы от танков?

Яся вздрагивает, поворачивает голову в мою сторону и спокойно произносит:

— Мне в них удобно.

И? Это все? Понимаю, что такой ответ меня ни фигу не устраивает, и снова рывкаю:

— У тебя офигенная фигура. Зачем ты ее прячешь?

Господи, и чего я так ору с утра пораньше? Может, с голодухи?

— Спасибо, Глеб! Ты невероятно мил с утра! — улыбается она и я вдруг ловлю себя на том, что скалю зубы ей в ответ.

А эта маленькая нахалка решает меня добить окончательно. Она вдруг делает глаза на пол-лица, складывает губу буквой «о» и потрясенным шепотом восклицает:

— Невероятно! Оказывается, ты тоже умеешь улыбаться.

Не понял. Это стиб такой?

— Были сомнения? — стараюсь раньше времени не бычить. Может быть, я не правильно ее понимаю.

Яся перестает улыбаться, смиренно выдыхает и поясняет:

— Ты всегда такой серьезный... И молчаливый... И угрюмый... И

— Да понял я уже, понял...

— А сегодня впервые улыбнулся. У тебя красивая улыбка, — кидает свой возмутительный комплимент и дальше в окно смотрит, как ни в чем ни бывало.

А мне что с этим делать? Это вообще что? Подкат? Или она берегов не видит и всем мужикам комплименты отвешивает? Просто так.

А потом вдруг меня осеняет, что я с самого начала как-то неправильно все начал. Грублю, критикую, хмурюсь. Она же не виновата, что у меня настроение дерьмовое.

— Ладно, — вдруг неожиданно сам для себя выдыхаю, — давай начнем все сначала.

Она глазами недоуменно хлопает и губу нижнюю зубами зажимает, словно раздумывает: давать мне второй шанс или не стоит. Только я так засматриваюсь на то, как пухлая, влажная, розовая плоть исчезает за рядом белых жемчужных зубов, что чуть не въезжаю в бампер соседней машины. Звук клаксона выводит меня из дурмана, а я даже стону в голос от своего идиотизма.

Резко сворачиваю на стоянку рядом с кафе и заглушаю двигатель. Ясинья смотрит на меня своими потрясающими серо-голубыми глазами и неуверенно хлопает ресницами. А я решаю, что двум смертям не бывать с улыбкой выдаю:

— Привет, Яся. Отлично выглядишь, — но уже на следующей фразе включаю свою обычную манеру общения и спокойно добавляю, — давай зайдём в кафе и перекусим. Я сегодня еще не завтракал, поэтому слегка кусаюсь.

Девчонка неохотно, но выходит из машины и с обреченностью человека, идущего на казнь, медленно переставляет за мной ноги. Выбрав свободный столик у окна, беру меню и, не особо запариваясь, тыкаю пальцем в омлет с беконом, блинчики и кофе.

— Что ты будешь? — смотрю на девчонку, которая даже не притрагивается к меню, а только дрожащими пальцами нервно сжимает телефон.

— Эмм, — некоторое время мнется она, словно ответ придумывает на ходу. — Я уже позавтракала.

По лицу вижу, что врет. Стесняется? На диете, может? Только вот куда ей диета? И так прозрачная почти.

— Кофе? Чай? Сок? — даже интересно становится, что она ответит.

Яся снова мило улыбается и отрицательно мотает головой.

— Могу выпить стакан воды без газа, если тебе неудобно при мне есть.

Правда, что ли? Вода без газа? Никогда мне не нравились зацикленные на диете девицы. Уже костями гремят при ходьбе, а все туда же.

— Воды?

— Ага, — и ресницами безмятежно хлопает.

Пока официантка с явным раздражением мнется у столика в ожидании заказа, облакачиваюсь на спинку стула и накидываю варианты:

— Омлет, яичница, яйцо пашот?

— Там белок, — не задумываясь, произносит Яся.

— Фрукты, десерт?

Здесь девчонка просто фыркает и весело заказывает глаза.

— Может, просто морковку тогда погрызешь? — мне уже и самому интересно, чем эта перепалка закончится.

— Нет. Благодарю, — улыбка сходит с ее лица, а я добиваю.

— Почему?

— Она оранжевая, — зло выдыхает Яся и порывается встать со стула.

За руку ее хватаю и практически насильно усаживаю обратно. Официантка сбегает, а мы подвисяем в каком-то вакууме, сразившись взглядами. Ее — мятежным и моим — непоколебимо-настойчивым. В какой-то момент Ясинья выдыхает и словно сдувается, отводит взгляд в сторону. Руку ее выпускаю и снова разваливаюсь на стуле.

— Ты не ешь оранжевое, фисташки и белок, — задумчиво высекаю, следя за ее реакцией. — Если ты не модель или веган, то ты...

Девчонка на каждое мое слово лишь фыркает и глаза закатывает. Мне становится любопытно, почему она так тщательно скрывает свои проблемы со здоровьем. Не хочет, чтобы жалели?

— Ну, давай, Яся, помоги мне. Нам придется много времени проводить вместе. Я все равно рано или поздно узнаю правду, — задумчиво смотрю в ее глаза. — Обещаю, что это останется между нами.

Она несколько минут молчит, словно сама с собой борьбу ведет, но снова не выдерживает и громко вздыхает.

— Я аллергик. Ясно! Вся еда, которую ты перечислил, способна меня убить. Особенно фисташки, — весело произносит она, будто ничего такого не сказала, и пожимает плечами.

У меня от этой информации даже озноб по коже проходит. Никогда до этого дня не приходилось сталкиваться с такой формой аллергии. Для меня это понятие означает красный сопливый нос и еще, быть может, сыпь на теле. Но не более. А здесь Яся заявляет, что гребаные фисташки могут ее прикончить.

Потом вспоминаю, как она, практически не дыша, умирала на газоне, и понимаю, что тут что-то не сходится.

— Ингалятор тебе нужен для этого? — даже лоб хмурю от того, в каком ускоренном режиме начинают шевелиться мои мозги.

Она громко и судорожно переводит дыхание. Мнется еще какое-то время и, наконец, решается.

— Лекарства в нем снимают отек и позволяют мне дышать, — послушно отвечает девушка, и я замечаю, как трогательно дрожат ее пальцы, скручивая ни в чем неповинную салфетку.

— Что-то все равно не сходится, Яся.

— Что именно?

— Ты отключилась в парке вовсе не потому, что съела морковку. А потому, что тебя напугали те упыри.

*Я же в мужской раздевалке,
где Глеб Юсупов собирается штаны снимать!*

©Ясинья Сверчкова

Еле пережила этот завтрак. А Юсупов оказался настойчивым, а главное — наблюдательным. Всем прежде хватало моих объяснений, а он прицепился, как следователь на допросе. Даже странно. И какое ему дело до моей аллергии? Но нет же. Вопрос за вопросом! Невероятно.

От дальнейшего допроса с пристрастием меня спас звонок его телефона. Ему позвонил, кажется, Водянов и, Глеб быстро проглотив свой завтрак, ринулся на вход. Только перед тем, как выдвинуться к университету, погрозил мне пальцем у носа и с нажимом произнес:

— Мы с этим еще не закончили!

Ага, как же. Нечего тут обсуждать. В конце концов, его это не касается.

Перед занятиями забежала в деканат, чтобы взять вопросы для олимпиады. Вот пускай лучше тесты решает и плавать меня учит, как и договаривались. Вместо того, чтобы нос совать, куда не просят.

Пары пролетают на одном дыхании. Все-таки хорошо, что учеба мне легко дается. Это экономит много сил и нервов.

После занятий мы выходим в коридор, и Таисия ведет нас новыми тропами. Я пока вообще плохо ориентируюсь на местности. Зато Тася здесь своя.

— Надо зайти в деканат и спросить, где есть свободные аудитории для занятий. Насколько я знаю, сейчас с местами туго. В университет по обмену опытом приехали другие филиалы. Но я уверена, нам что-нибудь подберут.

Словно в противовес ее словам, секретарь в деканате разводит руками и заявляет, что свободных кабинетов нет. Вместо тысячи слов она вручает нам в руки ключи от каких-то каморок и отправляет восвояси.

— Обязательно выскажу сегодня отцу все, что думаю по этому поводу! — гневно фыркает Тася и возмущенно откидывает со лба копну рыжих волос. — В конце концов, это они с Родниным придумали. Нам это вообще не нужно.

Тася так смешно возмущается, что мне становится на мгновение жаль ее отца. Несмотря на то, что он являлся ректором университета, дочь ему явно спуску не дает.

У стенда с расписанием уже стоят наши «ученики». Таисия, как генерал на плацу, машет Левину рукой в направлении отведенного им помещения и, гордо задрав нос, топает мимо, не произнеся ни слова. Левин возмущенно вскидывает свою черную бровь, скрипит зубами и с явной неохотой двигается следом.

— Кажется, рыжий гном не в духе, — хохочет Водянов, но как только видит свою «наставницу» меняется в лице, и такое ощущение, что сейчас заплачет.

Алена Григорьева, хоть и отличница, выглядит, мягко говоря, странно. Брекеты на зубах, роговая оправа на старомодных очках и прикид, как у Кати Пушкаревой. Забавно наблюдать, как Кирилл весь подбирается, когда она подходит, кривится и нехотя бредет за девушкой.

— Ему хоть девчонка досталась, — недовольно бормочет Царев и при виде Конева осеняет себя крестным знаменем.

Потом и вовсе достаёт антисептик из кармана своих явно дорогих брендовых брюк и с брезгливостью прыскает на спину Сергею.

— Ну что, идем? — произносит Глеб, когда мы с ним остаемся вдвоем.

Сразу протягиваю ему ключи, на которых висит брелок с номером кабинета, и послушно семеню следом. Когда мы подходим к заветной двери, Глеб в недоумении даже оглядывается по сторонам, словно сомневается, та ли это комната. Потом громко и недовольно выдыхает и все же толкает заветную дверь.

Решив, что он сейчас шагнет вперед, я делаю рывок и сразу же врезаюсь в его неподвижное тело. Громко застонав от встречи с мраморной стеной, я выглядываю из-за его плеча, чтобы понять, что его так задержало на пороге. И теряю дар речи.

Нам выделили какое-то бесхозное помещение десяти квадратных метров с маленьким окном под потолком и стеллажами, заваленными разными учебными пособиями, картами и даже моделью человека в разрезе. Странно, что этот макет забыл в универе по бизнесу?

— Это что еще за помойка? — зло рычит Глеб и резко разворачивается.

— Сказали, что больше аудиторий свободных нет. Но если тебе здесь не нравится, то мы можем позаниматься в парке, если хочешь, — не успеваю договорить, как в окно под потолком ударяет сильный ветер, и крупные капли дождя начинают барабанить по козырьку.

Зайдя в маленькую каморку, Глеб кидает рюкзак на запыленный стол и тут же громко ругается.

— Мы не можем здесь заниматься! — констатирует он очевидный факт и, схватив рюкзак, тут же захлопывает дверь. — С твоей аллергией ты здесь загнешься раньше, чем я учебники открою.

Конечно, он прав. Но мне вдруг так приятно становится. Он переживает обо мне.

— И что же делать? — комфорт комфортом, но меня Роднин со свету сживет, если я его, чемпиона, к олимпиаде не подготовлю.

— Пошли! — строго произносит Юсупов, и я, как преданная собачонка, трушу следом.

Странные он вызывает во мне эмоции. Меня так волнует его присутствие, что только одна мысль, как мы сидим вдвоем в этой душной запыленной комнате, вдруг вызывает во мне такую волну возбуждения, что я вся красными пятнами покрываюсь.

— Яся, ты случайно морковку сегодня не ела? Или что-то типа этого? — вдруг спрашивает Глеб и внимательно меня разглядывает. — Ты красная вся. Где твой ингалятор?

Да Боже ты мой! Все-то он видит. Все-то замечает. От его слов еще больше краснею и сдавленно пишу:

— Душно просто, — и ворот показательно на джемпере оттягиваю.

Юсупов неопределенно хмыкает и топает пряником к раздевалкам.

— Но как же твои занятия? — начинаю возражать еще раньше, чем мы в помещение заходим. — Если Роднин узнает, мне же конец...

— Давай тест.

— Что? — понять ничего не успеваю, как Глеб скидывает рюкзак и садится на лавку.

— Тест давай, который сегодня хотела прорешать.

— Это экономика. Там сложная тема...

Договорить не успеваю. Глеб руку протягивает и выжидательно смотрит на меня. Громко вздыхаю и вытаскиваю из сумки подготовленный тест. Юсупов несколько минут молча смотрят на листы и начинает писать ответы. А я встаю за его спину и офигеваю от того, что он пишет все точно, без единой ошибки. Не проходит и десяти минут, как он

протягивает мне решенный тест.

— Но как... — блею недоуменно, а он поднимается с лавки и, совершенно игнорируя мой удивленный взгляд, скидывает с себя толстовку.

— Мы этот тест еще в прошлом году писали. Я все помню.

— Но... почему же ты не сказал... я бы...

У меня от возмущения даже дар речи пропадает. Зачем я тогда тратила на это время? Зачем прорешивала этот тест на парах, если он все это помнит?

— Так может, тебе и репетитор не нужен? — подозрительно вскидываю на него взгляд.

Только этот несносный человек вдруг мне улыбается и резво стягивает с себя футболку. Я, конечно, уже видела его голым. Ну, то есть только в одних плавках, но тут вдруг снова краснею и во все глаза смотрю на широкую грудную клетку, раскаченные плечи и узкую талию. «Как бы слюной не закапать», — произносит ехидный голосок в голове.

— Конечно, нужен, — отвечает Глеб, а я уже даже не соображаю, о чем он.

Пока пытаюсь вспомнить, о чем мы все-таки разговариваем, он скидывает кроссовки и развязывает шнурок на спортивных штанах. Шумно выдыхаю и, наконец, поднимаю взгляд на его лицо. А там хитрый прищур и явное осознание того, как он действует на меня. Вернее, как действует на меня вид его обнаженного тела.

— Ясь, у меня под штанами ничего нет, — вдруг с насмешкой произносит он. — Дальше смотреть будешь или все же сама переодеваться пойдешь?

— А? — шепчу испуганно и вдруг резко поворачиваю к дверям.

Я же в мужской раздевалке, где Глеб Юсупов собирается штаны снимать! Настолько проникаюсь этим открытием, что, не глядя, шагаю к дверям и с размаху влетаю в косяк. Смачный удар лбом об деревянный обналичник быстро приводит меня в чувство. Громко стону и, схватившись за пострадавший участок рукой, спешно открываю дверь.

— Ты в порядке? — кричит насмешливо мне вдогонку Глеб. — Может, холодненького приложить?

— Ага. Обязательно, — бормочу в ответ и топаю к женской раздевалке.

*Мне вся эта возня так по кайфу,
что отпустить ее от себя не хочется.*

©Глеб Юсупов

Когда Ясинья выходит из женской раздевалки, я уже нарезаю седьмой круг по дорожке. Надо признаться, меня возбудил собственный стриптиз. То есть не стриптиз, конечно, а скорее реакция Яси на него.

Она для меня загадка, которую я во что бы то ни стало решаю разгадать. То, что девчонка скромная и малость зажата, это я уже понял. Но что-то в ней есть еще, что отличает от всех остальных и притягивает меня, словно магнитом.

Достоинство и чистота.

В то, что у Ясиньи до меня не было мужиков, я не верю. В девятнадцать лет с такой внешностью... Бред! Да она богиня. И я просто уверен, что в этом ее Дрездене мужики за ее вниманием в очередь выстраивались и глотки друг другу грызли. А вот здесь еще не успели. И уже не успеют. Потому что я решил застолбить этот экземпляр для себя.

Правда, в серьезные отношения я тоже не верю. Но вот в то, что она не будет ни с кем, кроме меня, пока мы вместе, я почему-то не сомневаюсь. Яся не такая. Да и я не позволю. Пока она мне не надоест, пока я не изведу все ее возможности, все, что «можно» и «нельзя» я ее от себя не отпущу. Это я уже четко для себя решил. И девчонка вряд ли хотя бы отдаленно подозревает о моих планах.

Доплыв до бортика, чувствую, что вполне способен адекватно реагировать на ее тело в купальнике, не показав себя озабоченным идиотом. Яся неуверенно мнетя и никак не может решиться зайти в воду.

— Где твой ингалятор? — спрашиваю, прежде чем она садится на бортик.

— В сумке, — неуверенно шепчет она.

Ок, ладно. В случае чего до сумки я сумею добежать вовремя.

Ясинья, наконец свешивает ноги в воду, а я подплываю и, как в прошлый раз, встаю напротив. Обхватываю за попу обеими руками и стягиваю в воду. Она уже более уверенней, но все еще робко держит меня за шею и, слава Богу, уже не топит. В тот момент, когда девчонка погружается в воду, я чувствую, как перехватывает у нее дыхание и замираю. Судорожный вздох, и она продолжает ровно дышать. Отлично. Отстранено понимаю, что сам на это время задерживаю дыхание в ожидании ее вдоха.

Осторожно перехватываю девчонку за руку и заталкиваю себе на спину. Она, как обезьянка, уже почти привычно цепляется за меня, и я отплываю на глубину двух метров.

— Ты не умеешь плавать из-за своей болезни? — начинаю задавать вопросы, чтобы узнать о ней чуточку больше. И дело даже не в том, что она будет говорить, а том, как будет звучать ее интонации.

Яся шумно выдыхает мне в ухо и неосознанно начинает душить. Хотя, может и осознанно, судя по раздраженным звукам, которые она издает у меня за спиной.

— Моя мама — паникерша. Она очень опекает меня с самого детства, и поэтому там, где есть хоть малейшая возможность проявиться астме, она сразу впадает во вселенскую панику.

— Астма?

— То, из-за чего я не могу нормально дышать.

Останавливаюсь и сам разворачиваюсь в ее руках, чтобы оказаться нос к носу. Самое удивительное, что Ясинья, видимо, так доверяет мне, что вообще не предпринимает никаких попыток, чтобы хоть как-то помочь. Она просто цепляется за меня и ждет, когда всю сложную работу я сделаю за нее.

— Но я думал, что это аллергия из-за продуктов. Или нет? Объясни мне, — пока зубы ей заговариваю, медленно снимаю ноги девушки со своей талии.

Яся, казалось, этого даже не замечает. Она просто послушно выполняет то, что я говорю или как направляю.

— Это сложно объяснить, — закатывает глаза девушка, и я чувствую, как она начинает тихонько шевелить ногами в воде, словно повторяя за мной движения. Что же. Неплохо!

— А ты попробуй, — все так же ровно парирую, а сам руки ей на талию отпускаю.

Вроде и учить ее надо, а мне вся эта возня так по кайфу, что отпускать ее от себя не хочется. Но тут громким басом в голове проносится угроза Роднина о том, что он отчислит девчонку, и я сразу перестаю ловить блажь и сосредотачиваюсь на результате.

— Когда я была маленькая, у меня была пищевая аллергия. То есть я не могла есть определенные продукты. Но с годами эта проблема переросла в астму, которая время от времени пытается меня убить.

— И что нет никаких лекарств? — вот не верю, что в двадцать первом веке нет возможностей побороть эту ерунду.

Яся мнетя какое-то время. Но потом нехотя отвечает:

— Лекарства, которые облегчают мне жизнь, позволяя жить практически как здоровый человек, есть. Только они дорогостоящие и в России не производятся. В Дрездене я подходила под специальную социальную программу, благодаря которой получала эти препараты. Но здесь их нет, и за три месяца я откатилась снова к рецидивам.

— Ты хочешь сказать, что твоя семья, рискуя твоим здоровьем, все равно переехала сюда, несмотря на то, что ты теряла эту свою социальную программу?

Яся вдруг так нервничать начинает, что отпускает руки с моей шеи в воду, совершенно не обращая на это внимание. Если бы я не держал ее в воде, она бы точняком пошла ко дну. Но девчонка так переживает, что, ничего не замечая, опускает ресницы и судорожно выдыхает:

— Мама, конечно же, не хотела уезжать, но Бруно... мой отчим, был непреклонен. Ему здесь предложили хорошую должность, и он просто не оставил нам выбора.

— Ясно, — хотя ни хрена мне не ясно.

Когда Ясинья произносит имя своего отчима, там явно сквозит неприятие, и мое желание узнать о ней как можно больше только возрастает. Потом, решив рискнуть, я тихонько разжимаю руки и Яся, как торпеда, выпущенная с подводной лодки, улькает вниз.

Вот как ее учить? Когда она даже элементарно на воде держаться не может!

Тут же вытаскиваю. Отплевывается. Снова в шею мне вцепляется и ногами овивает. Это так волнительно, мне кажется, что реально начинаю рассматривать возможность оставаться в бассейне вечно. Но здравый смысл и народ, который тихонько подтягивается на тренировку, спутывают мне все карты.

— Ладно, — команду я и занимаю одну дорожку, чтобы не мешать другим заниматься. — Будем пробовать учиться держаться на воде.

— Лучше сразу утопи меня, чтобы не мучиться, — как обиженный ребенок, сопит Яся и

шмыгает носом.

— Не раскисай, боец, — со смехом выдыхаю, уж больно уморительно она выглядит в своих стенаниях. — Будем учиться по методу моего деда...

— Ой, нет. Если это сразу закинуть меня на глубину и смыться, то это точно не мой вариант, — тут же голосит Яся и снова ползет мне на голову.

— Успокойся! — гаркаю весьма решительно и, дождавшись ее полной концентрации, спокойно продолжаю, — такое тоже дед практиковал, но мы так делать не будем. Смотри, до бортика примерно четыре метра. Ты ложишься на спину. Ровно только! И смотришь на потолок. зуб даю, что не утонешь, если не будешь по сторонам смотреть.

— А ты? — в панике сразу тарабанит Ясинья.

— А я, Сверчкова, — буду тебя снизу страховать.

После того, как по фамилии ее называю, она даже успокаивается и головой кивает. Надо запомнить будет.

Яся на спину переворачивается, а сама меня так за руку держит, того и гляди, кость переломит. Отдираю с трудом ее пальцы и под нее подныриваю. Ну, твою мать, один в один: выдра и ее детеныш.

— Не бойся, ложись, — командую, а сам аккурат под ней, в воде, только голова на поверхности.

Ясно, что сразу, как ложится, задницу по инерции вниз тянет. Осторожно ее ногой под попу поддеваю и наверх толкаю.

— Ровно держись. В потолок смотри. Молодец. А теперь аккуратно ступнями, как ластами подгребай. Умница!

Четкие команды даю. Она все выполняет. Старается. С грехом пополам даже до бортика доплываем. Там, чтобы она головой об стену не приложилась, аккуратно придерживаю и сам ноги ее в воду опускаю, потому что она от страха не в состоянии самостоятельно это сделать.

— Получилось! — радостно визжит Яся и от счастья мне на шею кидается.

Мне и самому вдруг так все по кайфу становится, словно я олимпийскую медаль выиграл. Подхватываю ее под попу и черт его знает, как это получается, только за затылок девчонку прихватываю и к ее влажным губам прижимаюсь.

Это второй поцелуй, украденный им у меня.

*И второй раз я теряюсь настолько,
что перестаю соображать.*

©Ясинья Сверчкова

Когда губы Глеба накрывают мои, я даже дышать перестаю. И тут дело даже не в моей астме, а в тех ощущениях, которые рождают у меня эти касания. Он целует меня по-настоящему. Без языка, но глубоко и страстно. Это не простой радостный чмок. Его губы раскрываются и накрывают мои в чувственном порочном прикосновении.

Отреагировать или ответить просто не в состоянии. Замираю в его руках, словно глыба льда, и даже глаза закрыть не получается. Я настолько захвачена этими новыми эмоциями, что боюсь пропустить хоть малейший незначительный миг.

Головой понимаю, что Глеб это от эмоций делает и, возможно, сейчас одумается и оттолкнет меня. Но какие же сладкие его касания. Это второй поцелуй, украденный им у меня. И второй раз я теряюсь настолько, что перестаю соображать. А самое главное, я не отталкиваю его, а принимаю и запоминаю эти эмоции.

Вдруг над нашими головами раздается зычный бас Роднина, после которого я сразу же становлюсь цвета спелой помидорины.

— Смотрю, тренировка полным ходом проходит. Да, Юсупов? — хохмит этот несносный человек, с какой-то довольной улыбкой рассматривая нас. — Молодцы! Продолжайте!

А дальше ржет, как конь и отходит в сторону.

Глеб почему-то тоже весело хмыкает, но ничего не комментирует. Мне же от стыда провалиться хочется. Только вчера нас в пару поставили, а сегодня мы уже в бассейне целуемся. Что дальше? Секс на заднем сиденье его машины?

— Думаю, что на сегодня хватит, — отодвигаюсь от Глеба по возможности как можно дальше, цепляясь рукой за бортик.

Юсупов смотрит на меня, как на второе пришествие, а после молча кивает головой. Он без объявления легко подхватывает меня под задницу и сажает на бортик. Пока думаю, как бы ему тактично намекнуть, чтобы перестал меня лапать за пятую точку, он срывается в воду и начинает грести плавными размеренными гребками по дорожке.

Иду в раздевалку. Принимаю душ, переодеваюсь и сушу волосы. Может, я излишне драматизирую? Ну, поцеловал! Так это он от радости. Я сама же первая к нему на шею прыгнула. Ну, за задницу постоянно хватает. С другой стороны, лучше за задницу, чем за волосы. Видела я, как Водянов девчонок по бассейну таскал.

Когда выхожу из раздевалки, Глеб уже стоит полностью одетый и ждет меня. Он выглядит настолько невозмутимым, что тут же принимаю решение тоже не придавать значение этому инциденту. Подумаешь, поцелуй!

Юсупов все так же невозмутимо оглядывает меня с ног до головы и указывает головой на дверь. Молча выходим из универа и под струями проливного холодного дождя бежим к его машине. В машине прохладно, и я тут же начинаю стучать зубами. Глеб включает печку и пока она прогревает салон, поворачивается ко мне.

— Ты уже придумала желание? — спрашивает он, а я понять не могу, что еще за

желание.

— Ты о чем? — туплю, конечно, потому что все мысли поцелуем заняты.

— Ну, Ясь, соберись. Мы с тобой договорились исполнить желание друг друга, если выполним задание. Ты проплыла четыре метра. Какое у тебя желание? Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Ух! Про это я, если честно, забыла. Но как только Глеб начинает говорить, мне тут же хочется выкрикнуть: поцелуй меня снова. Так хочется почувствовать его губы на своих, что я невольно обращаю взгляд на предмет своих мечтаний. Юсупов тут же весело улыбается, словно мысли мои читает. Сразу чувствую, как сбивается дыхание, и тут же испытываю нестерпимую потребность воспользоваться ингалятором.

— А что хочешь ты? — решаю сначала уточнить у этого затейника.

А то вдруг он захочет, чтобы я голой по универу прошлась, а я у него какую-нибудь ерунду попрошу. Желания должны быть соизмеримы. А для этого я должна понять степень его воображения.

— Ты первая, Яся, — давит Глеб, но я тут же начинаю отрицательно мотать головой.

— Мне нужно подумать, — нахожу выход. — Но если ты готов, то озвучь свое.

Вот молодец какая. Выкрутилась. Глеб громко выдыхает, словно с детским садом разговаривает, и изрядно устает от этого, но потом все же произносит.

— Я хочу, чтобы мы перенесли наши занятия в мою квартиру. В том пыльном чулане мы заниматься все равно не сможем. А у меня просторно и чисто.

— Нет, — мгновенный ответ, и я снова заливаюсь краской смущения.

К нему домой? Да не в жизнь! Какие занятия могут быть с парнем наедине!

— Почему? — тут же недоуменно произносит он.

— Нет и все. Придумай что-нибудь другое, — у меня с таким возмущением это вылетает, что я сама вздрагиваю.

— Ну, ок, — тут же скрипит зубами Юсупов. — Тогда я хочу, чтобы ты завтра пришла на занятия в универ голой.

Что?! Совсем что ли... Блин! Вот!

— Тогда и ты тоже голый приходи!

— Договорились! — тут же отбивает Глеб и как ни в чем ни бывало заводит мотор. Слово разговор окончен.

— То есть ты хочешь сказать, что завтра придешь голым? — от возмущения мой голос интонациями похож на голос портового грузчика.

— Ну, если таково твое желание, — пожимает плечами Юсупов и вырубивает со стоянки на дорогу.

Минуты три едем в тишине. Он привычно и невозмутимо выбивает пальцами по рулю в такт музыке, а я киплю, как самовар на огне. В конце концов не выдерживаю и с возмущением заявляю:

— Как ты не понимаешь, что заниматься с парнем наедине в его квартире — не самое удачное решение. Люди же черте что подумают!

— Ой, Яся, — выдыхает этот затейник и устало, но спокойно отвечает, — что скажут люди, мне до лампочки. Но вот почему ты так боишься остаться со мной наедине — вопрос? На маньяка я вроде не похож. На насильника тоже. Если ты боишься, что сама с собой не совладаешь и накинешься на меня... Что же, тут я бессилен.

— Ты совсем, что ли, Юсупов! — продолжаю басыть, почти как Роднин. — Ничего

такого я делать не собираюсь!

— Ну и прекрасно. Тогда нам точно нечего бояться. А в этой пыльной камерке с тараканами и дохлыми мышами заниматься я не буду.

— Какие еще мыши и тараканы? — тут же отвлекаюсь от главной темы.

— Те, которые строение кишек манекена изучали. Там как раз в печени вот такая мыш лежала, — и для убедительности он еще руль отпускает и руками разводит, словно там не мыш, а ондатра была.

Правда, и то, и другое я до жути боюсь, поэтому сразу же ему верю.

— А что твои родители скажут? — все еще доводы ищу, чтобы отказаться.

Глеб на это только фыркает и со смехом отвечает:

— Родители уже давно мне ничего не говорят. Я живу отдельно от них, так как уже большой мальчик.

С одной стороны понимаю, что это выход. С мышами и тараканами нам точно не по пути. В парке не получится, так как погода ужасно испортилась, да и кафе, как показала практика, нам противопоказаны. Я, конечно, могла бы еще предложить ему местную библиотеку, но там шуметь нельзя. Так что тоже не вариант. Но с другой стороны, страшно мне было с ним наедине оставаться. Да еще в его квартире.

Тем временем мы подъезжаем к моему дому, и я молча, схватив рюкзак, даже не прощаясь, выскакиваю из машины. Глеб еще какое-то время стоит, видимо, ожидая от меня хоть каких-то слов, но, так и не дождавшись, срывается с места и уезжает.

Дома ужин проходит в какой-то гнетущей тишине. Бруно недовольно клацает вилкой по тарелке, а мама, уткнувшись носом в свою, только изредка тяжело вздыхает. Видимо, отчиму снова что-то стрельнуло в голову, и они поссорились. Так часто бывает. Мама вроде и повода не дает, но он умудряется прицепиться к любой мелочи. Он, слава Богу, маму физически не обижает, зато на вольные эпитеты не скупится. Мама потом плачет, а он на следующий день приносит ей букет цветов и встает на колени, прося прощения. И она прощает. Потому что выбора у нее нет.

Помогаю убрать со стола и ухожу в свою комнату. Мама не любит, когда я слушаю их разборки, и всегда велит сидеть у себя. Прислушиваясь к возмущенному бубнежу Бруно, я беру телефон и открываю соцсети. Мне нужно отвлечься, чтобы не сорваться и не ринуться защищать маму.

Пока смотрю смешные ролики про котиков, пиликает мессенджер, сообщая, что пришло послание от Глеба:

«Глеб Юсупов. Ты подумала?».

Подумать я не успела. Как-то не до этого было. Но тут, прислушиваясь к крикам Бруно из-за стенки, меня вдруг такая тоска разбирает, что сразу решаю действовать. Бруно Штольц всю нашу жизнь контролирует, указывая, куда ходить и что делать. И я впервые в жизни из-под этой опеки решаюсь выйти.

«Ясинья Крикет. Подумала».

«Глеб Юсупов. И???».

«Ясинья Крикет. Я знаю, какое мое желание ты должен исполнить».

«Глеб Юсупов. Весь во внимании. Если что, уже начал раздеваться».

«Ясинья Крикет. Оставь штаны при себе».

«Глеб Юсупов. Жаль (((».

Я даже прыскаю от смеха. Сразу представляю, как Глеб натягивает обратно свои штаны

и грустит.

«Ясинья Крикет. Готов?».

«Глеб Юсупов. Жги не по-детски».

«Ясинья Крикет. Я хочу, чтобы мы с тобой участвовали в гонке стритрейсеров».

Глеб замолкает минут на пять. Мое сердце уже в груди пляшет от этого ожидания, а он молчит. Руки трясутся, когда я вижу, как по экрану начинает бегать курсор.

«Глеб Юсупов. Принял, Ясинья Сверчкова».

Это что? Он согласился? Значит, и я то же? Ой, мамочки!

Ноги, словно ватные, отказываются нести меня в место, которое для каждого смертного должно являться самым теплым и уютным на земле. Домом!

©Глеб Юсупов.

Когда Ясинья задвигает свое желание, немного теряюсь. Она выбирает гонки. И адреналин! С ее-то здоровьем и так рисковать. Она же с испугу может и откинуться! Это кажется странным, но решаю действовать по обстоятельствам. В конце концов, если я пойму, что ей плохо или она испугалась, то всегда можно будет уехать.

Меня, скажем так, совершенно нездорово волнует вопрос о ее здоровье. Многого я не понимаю, но честно пытаюсь. И разобраться с этим мне может помочь только один человек. Моя мать!

Без особого энтузиазма запрыгиваю в тачку и отправляюсь по известному адресу. С восемнадцати лет я живу в городской квартире, отдельно от родителей. Единственная прихоть моих предков — это чтобы я ночевал в отчем доме, ходя бы раз в неделю по выходным.

Именно в эти два дня мои родители строят из себя вполне себе нормальных людей и не занимались той дичью, что творят в обычное от этих дней время. Сегодня вторник, а это значит, что у меня есть шансы застать их за очередным, как они любят выражаться, психологическим экспериментом.

Мои родители в узких кругах довольно известные люди. Они психологи с международным именем. Оба выглядят вполне респектабельно и, я бы даже сказал, безупречно. Этакое благопристойное семейство. Это если ты их знаешь с профессиональной точки зрения. А вот если копнуть глубже, там только грязь и порок. Идеальные снаружи и гнилые внутри.

Лилия Константиновна и Олег Валерьевич Юсуповы, кроме того, что мои родители являлись больными на голову ублюдками. Порой мне казалось, что я родился у них случайно и постоянно мешал их исследовательской деятельности. Поэтому мы все дружно выдохнули с облегчением, когда я собрал свои вещи и свалил из родительского гнезда.

Подъезжая к коттеджному поселку, привычно проезжаю пост охраны и сворачиваю на дорогу, ведущую к нашему дому. Каждый раз, как приговоренный к смерти по пути на Голгофу. Паркуюсь у ворот и, громко выдохнув несколько раз, все же вхожу из тачки. Смешно, но ноги, словно ватные, отказываются нести меня в место, которое для каждого смертного должно являться самым теплым и уютным на земле. Домом!

Набираю код на замке, толкаю дверь в прихожую и сразу же чувствую тошнотворный запах опиумных палочек. Ясно! Вечеринка-эксперимент в полном разгаре. Из кабинета отца сразу слышатся громкие женские стоны, а потом и вовсе крики. Не выдерживаю и сразу сворачиваю в к лестнице, ведущей на второй этаж. Там ситуация не лучше. Из кабинета моей матери раздаются не менее громкие звуки. Значит, эксперимент носит соревновательный характер. Кто больше и лучше. Находиться в этом притоне особо долго не хочется, поэтому, остановившись у дверей кабинета, я спецом громко кричу:

— Мам, я дома!

Стоны тут же прекращаются, и в комнате слышится возня.

Знаю, что мать так сразу не выйдет, поэтому разворачиваюсь и прохожу в малую гостиную. Трогать руками ничего не хочется. Неизвестно, где все эти предметы побывали до этого. Мои родители занимаются не просто психологией. Они еще и достаточно востребованные сексологи. То есть они сначала проникают в вашу голову, а потом трахают тело. Изучают возможности влияния секса на взаимоотношения. Ищут границы удовольствия и с упорством маньяков нарушают их. Они якобы помогают парам, которые потеряли радость в интимной сфере, восстановить сексуальную энергию. А по факту просто трахаются со всеми.

Когда мне было лет пять, они, видимо, к этому времени утратили интерес друг другу. Понимая, что никакая психологическая хрень уже не воскресит погасшее либидо, приняли решение начать изучать границы удовольствия. А потом еще в этой сфере ставить свои эксперименты. Раскрепощаться. Они сначала приглашали проституток прямо в наш дом, потом начали продвигать эту шнягу между своими друзьями и знакомыми. Групповушки, извращения, свингер тусовки — я все видел в этом доме.

Вся эта муть про брак и светлые отношения в моем сознании разбилась о реальность уже лет в десять. На мое тринадцатилетие отец и мать подарили не плейстейшен, как я мечтал, а девочку по вызову, которая в ту ночь продемонстрировала все свои умения. Помню, как отец гордился мной. Смешно. Он не был ни на одних моих соревнованиях, где я с завидным упорством пытался доказать, что способен на большее, чем они думали обо мне. Но зато отца разбирала гордость, когда его мальчик смог 'кинуть три палки подряд.

До блевоты устав терпеть это, я просто свалил из их жизни, изредка напоминая о себе звонками и редкими встречами.

— Глеб, в чем дело? — обеспокоенно влетает в комнату мама, по пути запахивая халат.

В свои почти пятьдесят она выглядела охренительно хорошо. С генетикой мне явно повезло.

— Мне нужна консультация? — без особых расшаркиваний сразу перехожу к делу. — И помощь.

— Конечно, сынок! — тут же радостно тараторит мама. Несмотря на то, что наши отношения «мать и сын» давно похерены, она не оставляет надежды наладить связь. — Что случилось?

— Мне нужна информация о болезни одной знакомой. Знаю, что сможешь мне помочь. У нее аллергия, перешедшая в астму и...

— Глеб, погоди, — недоумевающе хмыкает мать, — ты знаешь, чем я занимаюсь. Какое отношение...

— Может быть, мне тогда поможет отец? — а вот это мы оба знали — удар под дых.

Отношения родителей давным давно перешли из семейных в деловые. Да, они трахались, но больше не испытывали друг к другу теплых чувств. Только сексуальные. Они постоянно соревновались, кто больше, лучше и дольше. Лишь бы кинуть вызов друг другу.

— Что ты хочешь знать? — строго произносит она и сразу натягивает на нос очки.

Через сорок минут звонков и изучения медицинских карт у меня на руках есть полная информация на Ясинью Крикет. Матери удастся выяснить, что те лекарства, которые ей прописали в Дрездене, действительно почти снимали все симптомы болезни, и их ни в коем случае нельзя было прекращать принимать.

— По сути, отказ от лекарств откинул ее в самое начало. Но тут странно другое. У девочки была обычная пищевая аллергия. И только в пять лет она сразу же резко дала скачок

и буквально за короткое время ввела ее в нестабильное состояние, — бубнит мать, вчитываясь в результаты анализов Яси.

— Что это значит? — не понимаю я.

Мама осматривает меня внимательным взглядом, а потом все же произносит:

— Это значит, что у твоей Ясиньи Крикет астма носит скорее психосоматическое расстройство.

— Те есть...

— То есть, сын, она впадает в это состояние, когда сильно нервничает, переживает или боится чего-либо. С ней вообще должны были работать психологи.

Так вот почему она вырубилась там, в парке. Ни хрена дело не в морковке. Она испугалась и поэтому начала задыхаться.

— Что касается пищевой аллергии: то тут обычная диета и осторожное обращение с продуктами, которые могут эту аллергию вызывать.

Меня даже облегчение какое-то накрывает. Слово камень с души. Смотрю на родительницу и понимаю, что сейчас готов многое ей простить. Все-таки она впервые так напряглась для меня. А возможно, я просто впервые сам что-то попросил.

— Мне нужны эти лекарства, — безапелляционно заявляю, а сам сгребая в кучу все распечатки с Ясиными анализами.

Мама начинает хохотать и возмущаться, словно я у нее звезду с неба потребовал.

— Ты хоть понимаешь, что это невозможно? Эти препараты в Россию можно ввезти разве только контрабандой. Да это в принципе невозможно.

— А отец сможет? — спрашиваю уже не для того, чтобы ее позлить или замотивировать, а просто хочу знать.

Мама смотрит на меня с вызовом несколько мгновений, словно пытается вразумить неразумное дитя. Только ведь мне по фигу все ее манипуляции. Я давно не мальчик и давно на это не реагирую. В конце концов она громко выдыхает и с явным поражением в голосе произносит:

— Ладно. Дай мне три недели.

— Две, мам, — сразу свои рамки устанавливаю. — И твоя подопытная кричала громче.

Это как поощрительная конфетка и мама довольно улыбается. А я, махнув рукой, быстро сбегая по лестнице и выбегаю за дверь. Думать о том, что происходит в этих стенах, мне не хочется.

Мне еще нужно придумать, как эти две недели, пока мы лекарства ждем, сделать так, чтобы Яся не нервничала.

Она невероятно трогательная и чистая.

Как большой ребенок, который не знает жизни.

©Глеб Юсупов

— Молодец! А теперь руку назад закидывай... так... умница! Прямее держи, Яся. Не сгибай...

Сегодня мы закрепляем результат. Яся на удивление очень старательная ученица. Прекрасно понимаю, что она из-за оценки так старается, но есть тут что-то еще. Она с таким восторгом реагирует на свои маленькие достижения, что я невольно сам заражаюсь ее радостью.

По методе деда она сегодня проплыла всю дорожку. Правда, возникли проблемы с торможением. Когда Ясинья доплывала до бортика, она не могла самостоятельно перевернуться в воде и затормозить. Один раз прозевал, так она на полном ходу так об борт головой приложилась, что сразу же пошла ко дну. Но даже этот инцидент не отбил у нее желание учиться плавать.

Пока я думал, как решить вопрос с остановками, девчонка накрутила на голове высокий пучок из волос. Мне сначала смешно стало, но когда ее пучок касался плитки, она сразу вытягивала руку и хваталась за бортик, тем самым избегая удара.

Сейчас мы пробовали освоить плавание кролем на спине и пока не очень в этом преуспели. Каждый раз, когда Ясинья закидывала руку, вода попадала ей на лицо, и она сразу начинала тонуть.

— Яся, в бассейне скоро воды не останется! — рывкаю я, когда она очередной раз начинает захлебываться и уходить под воду.

Я, конечно, всегда рядом и сразу же ее тяну вверх, но это не мешает ей пускать пузыри и отплеиваться.

— Это безнадежно! — жалостливо произносит она и сразу же обхватывает меня руками и ногами.

Она делает это неосознанно. Если по близости нет бортика, значит, она держится за меня. Яся уже даже этого не замечает. Просто обвивает меня своими длинными ногами и нежными тонкими ручками и сидит. И ей абсолютно все равно, на какой мы глубине. Она знает, что со мной не утонет.

— Сдаешься? — вопрос риторический, так как я уже знаю, что она боец по жизни и будет упираться до конца.

— Конечно же, нет! — тут же возмущенно топит она. — Я придумала еще одно желание, которое хочу получить.

Заинтригован. Чем больше мы общаемся, тем больше Яся открывается мне. Она невероятно трогательная и чистая. Как большой ребенок, который не знает жизни. Словно она так упорно все это время сражается со своим недугом, что забывает ощутить все прелести взросления. И теперь пытается их наверстать. Пока мама не видит.

— Ну, раз так, — отражаю ее улыбку. — Тогда условия усложняются.

— Это как? — тут же настаораживается она и сразу снимает ноги с моей талии.

Это тоже происходит неосознанно. Когда она чего-то боится или не понимает, сразу устанавливает дистанцию. А меня это жуть как бесит.

— От меня и до конца дорожки плывешь одна. Как и учились. Кролем на спине.

— А ты? — у нее такая паника на лице сразу отражается, что уже начинаю сомневаться в верности своего решения.

— А я буду здесь тебя ждать, — произноса все это, еле челюстью работаю, так как у самого от страха сердце сначала сжимается, а потом бухать в груди, как отбойный молоток начинает.

Ясинья смотрит на дорожку, потом на меня и все-таки неуверенно кивает головой. Потом, словно решившись, она упирается мне в живот ногами, отцепляет руки и толкается. Даже дышать перестаю, когда она слегка уходит под воду, но потом упрямо толкает тело наверх и закидывает руку за спину. Рука, идеально ровная, уходит под воду, и тут же на поверхности появляется вторая. Она, мать вашу, плывет!

Столько времени убил, чтобы объяснить ей, как плыть, и ни хрена. А стоило замаячить каким-то там желанием, и она поплыла!

Любуюсь ее длинным стройным телом, робко и неуверенно преодолевающим водную гладь, и пропускаю, как в бассейн заходят парни. Ясе остается до борта примерно метр, когда под нее хохмы ради подныривает Водянов. Он касается ее в воде, и девчонка от страха открывает рот и сразу складывается пополам.

— Кир, сука, держи ее, — воплю, как раненый мамонт и ныряю в воду.

Мне кажется, я так быстро даже на соревнованиях не плавал. Долетаю до нее, как ракета, а там довольная рожа Водяного, который держит на руках испуганную Ясю. Он на нее не смотрит, сосредоточив взгляд на мне, а я вижу, как она хлопает губами и не может вдох сделать.

Из воды вылетаю, злой, как черт. Пока Водянов, охреневаая, смотрит на то, как задыхается и синееет Ясинья, я бегу в раздевалку.

— Из воды ее вытаскивай! — рычу на него по дороге.

Вот какого лешего гребаный ингалятор хрен знает где находится? Влетаю в женскую раздевалку и к ящику Яськиному подлетаю. Рядом девки голые визжат, а я даже не смотрю на них. Хватаю баллончик и обратно со скоростью подстреленного гепарда. Тем временем Кирюха аккуратно укладывает Ясю на бортик и над ней склоняется. Пока бегу, вижу, как он ее сначала за плечи встряхивает, а потом, сука, видимо, решив поиграть в медбрата, собирается ей искусственное дыхание сделать. Рот в рот! А мне вдруг от этого так неприятно становится, что скорость набираю и на весь комплекс ору:

— Грабли от нее свои убрал! — с разгону подлетаю и в воду его сталкиваю.

Водянов воду отплевывает и к борту подгребает, я над Ясей склоняюсь и пшикаю ей в рот. Она захватывает воздух и дышать начинает. Чувствую, как руки дрожат, словно я алкаш заправский. К груди своей ее голову прижимаю и в макушку мокрую целую. От облегчения задницей на пол плюхаюсь и Ясю к себе прижимаю.

— Ты меня задушишь, — хрипит девчонка и пытается мою ладонь со своих сисек снять.

Руку, конечно, сразу убираю, но ее не отпускаю. Сам вдыхаю полной грудью пропитанный хлоркой воздух и хриплю:

— Задушу. И тебя задушу, и Водянова задушу, и себя задушу.

Кир на нас смотрит и совершенно охреневшим голосом сипит:

— Это что сейчас было? Сверчок, ты что, откинуться хотела, что ли?

Яся даже слабо улыбается этому упырю, а мне его просто утопить хочется. Без объяснений.

— Хотела, Кирилл. Но после того, как ты из меня всю душу вытряс, все же решила жить.

— Так я еще и вдохнуть в тебя ее хотел, но Князь не позволил. Сам, видимо, хотел, — тут же начинает хохмить мой друг, а я ему незаметно палец средний выкатываю.

— Что тут происходит? — вдруг раздается громкий бас на весь бассейн. — Сверчкова! Юсупов! Вы что здесь опять устроили? Один в женские раздевалки влетает! Вторая помирать собралась! Вы мне что, совсем распоясались?!

Роднин вопит, как всегда, с пеной у рта, а у самого глаз дергается. Что, маньячина, понял, наконец, что натворил своими махинациями? Сводник старый! На ноги поднимаюсь и Ясю за собой тяну. Она встает, окидывает всех виноватым взглядом, будто это она повинна в том, что только что произошло, и молча уходит в раздевалку.

Смотрим ей все вместе вслед, пока она за дверями не скрывается. А потом я сразу с вполне себе железным настроем высекаю:

— Если кто-нибудь из вас еще хоть раз на нее заорет, напугает или расстроит — лично раздавлю. Любого, — и тренеру в глаза смотрю, чтобы до него дошла вся серьезность ситуации.

Он не столько угрозой, сколько моим настроем проникается. Руки вверх поднимает, показывая, что информация усвоена. Кирюха просто головой кивает. Твержу себе, что он не виноват. Он повел себя как обычно. Любая другая девчонка просто бы похихикала, а не собралась умирать на его руках. Но, сука, как им всем втащить хочется! Еле сдерживаюсь. Вздыхаю так, что кажется, выше становлюсь и больше в размерах и иду переодеваться. На сегодня занятия по плаванию окончены. Впереди факультатив в моей квартире!

Я только поняла, что хочу жить полной жизнью.

Ходить на тусовки, гулять, гонять на машинах и целоваться.

Желательно с Юсуповым.

©Ясинья Сверчкова

После университета сразу едем в квартиру Глеба. Маму предупредила, что сегодня дополнительный факультатив. Она лишь хитро улыбнулась и просто попросила сильно не задерживаться.

Мне вроде страшно, но и любопытно посмотреть, как живет Глеб Юсупов. Только вот после моего приступа в бассейне Глеб выглядит сердитым и задумчивым. Мы за все это время лишь парой слов обмолвились. Может, он уже передумал? Может, ему наша сделка стала в тягость? Два раза уже случался приступ. Возможно, он испугался и хочет от меня отделаться? Только стесняется это озвучить!

В голове одна мысль сменяет другую, вводя меня в состояние, очень близкое к паническому. Вот не хочу, чтобы он отказывался от меня. Я только поняла, что хочу жить полной жизнью. Заниматься тем, чем занимаются обычные ребята моего возраста. Ходить на тусовки, гулять, гонять на машинах и целоваться. Желательно с Юсуповым. Потому что кроме него рядом с собой я почему-то никого представить больше не могу. А если он прогонит меня! Что я буду делать? Опять вернусь в свою скучную, унылую жизнь, наполненную только учебкой и попытками выжить?

— Глеб, прости, что напугала тебя, — начинаю оправдываться в надежде, что он со мной, наконец, заговорит. — Не думала, что так получится. Честно. В следующий раз ингалятор буду держать рядом и если...

— Хватит, Яся, — тихо, но жестко вклинивается он в поток моих объяснений. — Ты не виновата. На тебя я не сержусь.

— Почему тогда ты молчишь? Ты передумал со мной заниматься? Ты только скажи, и я...

И что я? Исчезну из твоей жизни? Забуду? Сделаю вид, что все в порядке?

Но вместо ответов на мои вопросы Глеб вырывает на стоянку новой высотки и глушит мотор.

— Мы приехали, — просто говорит он. — Пойдем.

Не прогнал? Может, это хороший знак? Ладно, по ходу разберемся. Поднимаемся на лифте на пятнадцатый этаж. Дальше просторный холл и квартира. Юсупов открывает дверь ключом и пропускает меня вперед.

Сразу поражают размеры квартиры. Она двухуровневая. На первом этаже гостиная, разделенная барной стойкой с просторной кухней, санузел и гостиная. На втором этаже отчетливо видны двери двух комнат. Несмотря на то, что квартира холостяцкая, мне она кажется очень уютной.

Пока удивленно разглядываю его жилище, Глеб продолжает дуться. Он молча кидает ключи на полку в прихожей. Скидывает обувь. Рядом тут же летит рюкзак. Он так сосредоточено ведет внутренний диалог сам с собой, что на его лбу залегают две глубокие морщинки.

— Глеб, давай я пойду домой, — снова предлагаю. — Ты явно не в настроении, и я не

хочу мешать.

На мои слова исполин еще больше сводит брови, хотя, кажется, уже больше некуда, и раздраженно произносит:

— Не говори глупости. Ты мне не мешаешь, — при этом то ли от возмущения, то ли потому, что он так привык делать, но парень сначала стаскивает с себя толстовку, а потом и футболку.

— А по-моему, мешаю, — сдавленно выдыхаю и в смущении отвожу глаза в сторону.

И чего я так разнервничалась? Уже столько раз видела его в одних узких плавках, а тут даже сердце в район горла перескакивает. Того и гляди, сейчас выпрыгнет. Еще чуть-чуть и за ингалятором полезу.

— Говорю же, не мешаешь! — возмущается еще больше Юсупов. — У нас с тобой уговор. С чего ты вообще решила, что мешаешь мне?

— Может, потому, что ты уже начал снимать штаны? — краска смущения заливает мои щеки так сильно, что начинаю переживать, что сейчас воспламенюсь.

Глеб недоуменно опускает голову и понимает, что уже держится за резинку своих спортивных штанов.

— Фууух! — громко выдает он и возвращает штаны на место. — Пожалуй, стриптиз перенесем на другой день, — хрипло произносит он и по лицу вижу, наконец расслабляется.

Очень хочется крикнуть: «я буду ждать», но лишь мило улыбаюсь ему в ответ.

— Так почему ты хочешь участвовать в гонках? — спрашивает Глеб чуть позже, когда уже переоделся, и я помогла разобрать ему вопросы по следующему тесту.

Его вопрос застает меня врасплох. Как объяснить свободному от любых ограничений человеку, что ты всю жизнь только и делаешь, что живешь, словно в скорлупе. А теперь, когда на горизонте маячит хотя бы слабая, но перспектива попробовать вздохнуть полной грудью и вкусить все прелести моего возраста, я не могу упустить такой шанс.

— Я просто хочу жить полноценной жизнью девушки своего возраста, — пожимаю плечами, словно только что не призналась в том, что жила до этого неполноценно.

— О чем ты? Какой еще полноценной жизнью? — как-то излишне грубо спрашивает Глеб и снова недовольно сводит брови.

— О том, что я никогда не ходила на тусовки и не гоняла на машинах. И раз у меня появилась такая возможность, я ее использую, — вот, пожалуйста, сказала. И нечего на меня так смотреть, словно я в убийстве признаюсь.

— А как же твоя жизнь в Дрездене? Ты не тусила с друзьями?

Глеб выглядит удивленным. А мне смешно. Если бы он только знал, что тот недопоцелуй на глубине пяти метров был самым первым в моей жизни! Подозреваю, что после этого он положил бы меня в книгу и засушил, словно я вымирающий вид редкого растения.

— Тусила, конечно. У меня есть подруга Люсиль, она постоянно таскала меня на какие-то мероприятия. Но при этом я никогда не пила спиртного и возвращалась домой не позже десяти вечера.

— Ого! — и Юсупов на полном серьезе начинает смотреть на меня, как на зверька в зоопарке. Но потом как-то неуверенно мнетя на стуле и, наконец, спрашивает, — а приятель там у тебя был?

Приятель? Друг, что ли?

— Тиль? Ну, Тиль тусил вместе с нами, как правило. Но у него с моей мамой был

договор, и поэтому чаще мы зависали у меня.

После моих слов у Глеба появляется такое выражение на лице, словно он разочарован. Исполин даже кривится и на мгновение отворачивается. Потом внимательно смотрит на меня и шумно выдыхает:

— Тиль значит!

Это даже на вопрос не похоже. Скорее выдох сожаления. Из-за Тиля, что ли? Тиль — мой бывший сосед и друг еще по песочнице. Помню, как огрела его лопаткой по голове, когда он пытался стащить мое розовое ведерко. Так мы и подружились. Он потом влюбился в Люсиль, а я выступала как дуэнья на смотринах. Только Кац его игнорировала и считала придурком. А я успокаивала друга и утирала скупые мужские слезы.

— Ты готова к вечерней гонке? — вдруг отвлекает меня от воспоминаний голос Юсупова.

— Сегодня? — нервно заправляю волосы за уши и испуганно смотрю на парня.

— Сегодня, — спокойно произносит он. — В одиннадцать. Но если ты передумала или боишься...

— Я готова, — чувствую, как адреналин мгновенно проникает в кровь, и меня потряхивать уже сейчас начинает.

— Тогда я за тобой заеду. Ингалятор не забудь.

Кажется, я влюбилась в Глеба Юсупова!

©Ясинья Сверчкова

Возвращаясь домой, постаралась тихонько проскочить в свою комнату. Мама снова копошится на кухне, а Бруно, привычно развалившись в кресле, смотрит телевизор. Быстро принимаю душ и сразу звоню Люсиль, чтобы рассказать о своих новостях:

— Ох, Яська, как же я рада за тебя. Ты должна ему позволить все. Я жажду подробностей! — вопит она в наушник так сильно, что я даже кривлюсь.

— Ну, до этого еще дожить надо, — бубню в ответ, покрываясь краской стыда.

Хорошо, что она меня не видит. А то бы крику было.

— Так, крошка моя, мне срочно нужно бежать. Но я благословляю тебя на секс с этим красавчиком. Во имя оргазма, минета и безопасного секса. Камасутра!

Пока я хохочу, эта засранка посылает мне поцелуй через динамик наушника и отключается.

Осталось самое сложное. Отпроситься у мамы. Сколько будет времени проходить эта гонка? И почему я не спросила Юсупова?

Но все мои размышления, как свинтить из дома, не привлекая к себе лишнего внимания, прерывает Бруно:

— Ясинья, мы с твоей мамой после ужина уезжаем на несколько дней в дом отдыха. До воскресенья нас не будет. Надеюсь на твою сознательность и здравый смысл.

Зависаю на том, что смотрю, как шевелятся его губы, пытаюсь осмыслить все, что он произносит. Это что же получается? У меня есть целых четыре дня свободы? Наверняка Люся нахаманила своими провокационными запросами в космос.

— Доченька, в холодильнике, я приготовила еду. Не забывай, пожалуйста, про лекарства. И звони, если вдруг мы понадобится, — нервно выдыхает мама и с какой-то грустью смотрит на меня.

Она всегда была паникершей. Представляю, как ей сейчас сложно. Но ведь она не сможет опекать меня всю жизнь. Когда-то я должна буду вылететь из-под ее крыла.

— Мама, не переживай. Все будет хорошо. Я буду звонить и пить лекарства. Ты не успеешь моргнуть, как вы уже вернетесь, — стараюсь говорить как можно спокойней и не выдать своего триумфа.

В восемь вечера за предками приезжает заказанная машина и, погрузив чемоданы, они отчаливают. Дожидаюсь, когда такси скроется за поворотом, и радостно прыгаю на месте. Залетаю в дом и бегом в свою комнату. Мне хочется сегодня одеться не как всегда. Не в свои вечно мешковатые вещи, а во что-нибудь красивое.

Долго копаюсь в шкафу. Платья, юбки отвергаю сразу. Мне нужны брюки, но чтобы они не были слишком широкими. Все, что попадает под руку, безбожно огромное. Натягиваю очередные джинсы и тут же снимаю, потому что они все ужасно велики в талии. Можно выскочить из них, даже не расстегивая. Но потом на дне ящика нахожу кожаные леггенсы и радостно визжу. Как же я про них забыла. Мы купили их вместе с Люсей. Они мне показались излишне откровенны, но Люсиль заверила, что в них моя задница выглядит как надо. К леггенсам черная футболка. Простая, но брендовая. Выглядит очень стильно.

Волосы распускаю, слегка завив на концах, и даже наношу легкий макияж. Не люблю

ярко краситься. С моей внешностью стоит чуть ярче нанести на глаза или губы макияж, я становлюсь похожа в лучшем случае на куклу, в худшем — на девицу с низкой социальной ответственностью. Поэтому нюдовые тени и легкий блеск на пухлые губы — все, что я могу себе позволить.

В какой-то момент чувствую, как паника подступает к самому горлу. Дышу тяжело и, не выдержав накала, пользуюсь ингалятором. В момент, когда уже почти готова передумать, на телефон приходит сообщение:

«Глеб Юсупов. Выходи».

Все, отступать некуда. Пока окончательно не струсила хватаю замшевую косуху цвета пудры, ноги в высокие ботинки, сумочка с ингалятором через плечо и бегом за дверь.

Глеб осматривает медленным изучающим взглядом сначала мой наряд, потом так же медленно проходится по волосам и, наконец, смотрит в глаза.

— На конкурс красоты собралась? — хрипло спрашивает он. А мне вдруг так приятно становится, словно я до этого никогда комплимента лучше не слышала.

— Что слишком? — все же спрашиваю, в надежде, что мне не показалось и Юсупов говорит все это с восхищением.

— В самый раз, — обрубает Глеб как будто бы сердито, и я понимаю, что он включил свою обычную манеру общения.

Я нахожусь в таком эмоциональном возбуждении, что не сразу замечаю, что Юсупов приехал за мной не на своем внедорожнике, а на классной спортивной тачке. С каким-то слепым благоговением прохожусь по ней, восхищенным взглядом отмечая яркий и явно дорогой тюнинг.

— На этой поедем? — с придыханием спрашиваю, с трудом отрывая взгляд от шикарных колес.

— Не нравится? — вопрос явно риторический, потому что Глеб вдруг улыбается.

— Нравится... — да она просто обалденная! — Очень!

— Ну, тогда запрыгивай, — в этот момент Юсупов мне вдруг кажется каким-то нереальным, недостижимым, но очень желанным. Как звезда, на которую пускают слюни преданные фанатки.

Когда сажусь в машину, то обращаю внимание, что исполин тоже одет иначе, чем обычно. Вместо привычных спортивных штанов — стильные брюки, модные дорогие кроссовки, белая футболка и рубашка. Сейчас он выглядит по-другому и кажется чуть менее достижимым.

Несмотря на явную мощь машины, едем мы преступно медленно. А мне безумно хочется скорости. Нервно притопываю ногой и терпеливо жду, когда приедем на место. Удивлению нет предела, когда мы, наконец, прибываем на точку сбора стритрейсеров. Здесь находится такое великолепие машин, что глаза разбегаются. Золотая молодежь щеголяет дорогими шмотками и крутыми тачками, которые им явно купили родители. С удивлением разглядываю ярких, словно птичек, девушек, которые просто на немыслимых каблуках, походками фотомоделей прохаживаются среди парней. На девушках столь откровенные наряды, что чувствую себя монашкой в кругу адского разврата.

Юсупов паркуется и помогает мне выбраться из машины. К нему тут же подходят его друзья: Левин, Водянов и Царев. Парни явно на кураже, потому что постоянно обмениваются шутками, обсуждая свои машины на каком-то инопланетянском языке.

Увидев меня, они выглядят явно удивленными, но быстро переваривают этот факт и

ведут себя как ни в чем ни бывало. Когда я попросилась на эту гонку, не думала, что мы встретим знакомых. Да я вообще ни о чем не думала. А здесь находится половина нашего универа. Вокруг Водянова крутятся сразу три красотки с третьего курса. Он откровенно держит их за задницы, тискает за грудь и отпускает пошлые намеки. У меня уши начинают гореть от таких откровений. Но девушки только мило хихикают, а парни откровенно угорают.

— Ты прости... я ведь не знал... — вдруг обращается ко мне Кирилл и с раскаянием смотрит в глаза.

Вижу, что он действительно немного растерян и просто киваю головой:

— Все нормально. Я не сержусь.

Водянов на это как-то весело хмыкает и тихонько бубнит себе под нос:

— Ты-то нет, а вот Князь все еще хочет меня придушить.

Осторожно смотрю в сторону Юсупова, который разговаривает в этот момент с Левиным, и удивляюсь. Так он на Кирилла, оказывается, сердится, а не на меня. Его забота греет душу, и на мгновение я зависаю. Кажется, я влюбилась в Глеба Юсупова! Сама того не желая и не планируя. Меня подкупают его лидерские качества, харизма и ум. А еще забота, внимание и невероятная притягательность.

— Готова? — вдруг спрашивает Глеб и легко кивает головой в сторону дороги.

— Дда.

А в душе такой коктейль из разных эмоций. Хочется кричать от восторга и одновременно спрятаться от страха. Только прятаться я сегодня точно не хочу.

Слух разрывают рядом ревущие моторы спортивных машин. На каком-то автомате сажусь и пристегиваюсь. Слышу, как Глеб кричит:

— Левша, один круг!

Поворачиваю голову в ту сторону, куда кричит Глеб, и вижу, как Левин выруливает на дорогу и встает вместе с нами в один ряд. Перед машинами выходит девушка в максимально коротких шортах и, сексуально виляя бедрами, проходит чуть вперед. Замирает, чувственно выставляет слегка полубнаженную грудь вперед и машет платком.

Машины срываются с места, и на невероятной скорости мы мчимся по ночным дорогам города. Дух перехватывает от того, с какой быстротой меняются пейзажи за окнами. Цепляюсь пальцами в сиденье и даже визжу от восторга на особенно крутом повороте. Глеб на это хохочет и продолжает переключать передачи, умело управляя своей машиной. Еще один поворот и мы на полной скорости пересекаем, как я понимаю, финишную черту. Юсупов резко дергает за ручник, и машина начинает вращаться, а я визжать. Еще один оборот и мы, наконец, останавливаемся. Волосы облепили мое лицо. Дышу, как паровоз на старте. Адреналин по венам бежит, разгоняя мое сердце до невероятных оборотов. Разлепляю губы, оборачиваюсь к Глебу и выдыхаю:

— Еще!

*Ее глаза горели таким предвкушением,
что я не смог отказать.*

Да и не хотел, если честно.

©Глеб Юсупов

«Она похожа на ангела», — пронеслось в моей голове, когда я смотрел на Ясю. Мы с Левиным дали всего лишь один круг, и для пушкого эффекта покрутил нас на ручнике. Девчонка излучала такой восторг. Чувствовал волны адреналина и бурлящей радости, исходящие от нее. Она даже усидеть спокойно не могла, все время ногой по коврику стучала. Яся была словно ребенок, который только начал познавать мир. Я видел страх в ее глазах и железную решимость взять от этой жизни все, что она ей предоставляет.

И мне хотелось дать ей весь этот мир.

С парнями даже перетряс вопрос со скоростью. Едва ехали. Левин мне от досады головой в окно качал. А Яся визжала от счастья, и меня переполняла жажда сделать для нее что-нибудь особенное. Когда мы затормозили, она была настолько сексуально притягательна, что у меня член в штанах приподнялся мгновенно. Волосы растрепались, пухлые губы, которые хотелось сожрать, приоткрылись. Она дышала громко, но я четко понимал, что не из-за приступа, а потому, что ей эта ситуация по кайфу.

А потом это ее «еще» и у меня не то что член, сердце из груди едва не вырвалось. Представил, как она шепчет эти слова, распластанная и возбужденная, находясь подо мной, и даже застонал в голос. Яська не поняла, почему это я вою, как раненый зверь, и лишь недоуменно захлопала своими длинными ресницами.

Ладно! Еще, так еще. В конце концов, мы за этим сюда и приехали. Следующие круги гоняли с Царевичем и Водяным. Все себя сдерживали. Смешно, но мне даже не пришлось их просить. Они после моего взрыва в бассейне сегодня днем будто чувствовали, как эта девушка приобрела статус «особенной» для меня. Они обращались с ней, как с хрустальной вазой, и всякий раз, когда Яся восторженно вопила, казалось, старались еще больше. Придурки!

— Ты уже придумала следующее желание? — спрашиваю ее, когда мы заканчиваем последний круг.

— Придумала! — восторженно выдыхает она, пьяная от адреналина, но потом осекается и неуверенно произносит, — только, может быть, не сегодня. Поздно уже и...

Она замолкает, а мне даже интересно, что она там еще придумала и теперь сказать стесняется.

— Ясь, говори давай. Не томи, — руки на груди складываю, чтобы ее к себе не притянуть, и взглядом топлю, чтобы наконец ответить решилась.

— Ну, если ты настаиваешь, — шепчет все так же неуверенно, а я лишь в ответ бровь выгибаю. — Хочу в клуб.

Не то чтобы неожиданно, да в принципе и понятно. Она же сама рассказывала, что никуда не ходила в своем Дрездене.

— А мама не заругает? — рожу кирпичом держу, а самому даже смешно становится, как она краснеть начинает.

— Мама с отчимом уехали до воскресенья, — как-то очень осторожно выдает она и

судорожно выпускает воздух через свои пухлые губы.

А мне отчего-то эта информация как бальзам на душу. Плечи расправляю не только я, но и член в штанах. Его я, конечно, игнорирую, а ей улыбаюсь.

— Ну, тогда такой шанс упускать нельзя. Правда же?

— Да! — радостно визжит девчонка и даже прыгать от восторга начинает.

Парней предупреждаю и качу в клуб бати Водянова. Там нас всегда ждет свободный столик. Мои чуваки за нами сразу подтягиваются, и мы едем все вместе. Яся довольная, как елка Рождественская, светится. А я втихаря люблюсь ей и понимаю, что увяз. Безнадежно и бесповоротно. Вот так сразу. С первого нашего столкновения в коридоре универа. Теперь только надо терпения набраться и дожидаться, когда она поймет, что моя. И больше ничья.

В клуб заходим и сразу на отца Кира натыкаемся. Он меня видит, бровь выгибает и одобрительно на Ясю смотрит. Андрей Алексеевич Водянов — закоренелый холостяк и бабник. Часто любит шутить, что ему сына аист принес. Про мать Кир никогда не говорит. Это табу. Знает только, что она бросила его еще в младенчестве, укатив с любовником куда-то за границу.

Но Андрей Алексеевич сына не оставил и воспитал сам. И хоть Водяной отличный парень, к девчонкам относится с поразительным пофигизмом. Он с ними трахается, но всерьез не воспринимает. Впрочем, как и вся наша четверка.

— Кто эта незнакомая прелестница? — мурлычет этот кот и, поймав ладонь Ясиньи в свои лапищи, нежно ее туда целует.

Девушка ему мило улыбается и одновременно со мной выдает:

— Яся.

— Она со мной.

Батя замирает, переводит взгляд с Яси на меня и весело хмыкает:

— Даже так.

От того, чтобы оторвать ему руку, которой он все еще держит девчонку, меня останавливают парни, которые шумно вваливаются в двери клуба.

— Батя, хорош Сверчка облизывать. Видишь, занята она, — ржет Кир и, приобняв Яську за плечи, толкает в зал, оставляя нас стоять и смотреть на друг друга.

Левин и Царев со знакомыми девицами просачиваются мимо, а Андрей Алексеевич снова лыбу давит:

— Уверен?

— Более чем, — вот и весь разговор.

Вообще Алексееич мужик классный. Он нам всем как отец. Мы росли на его глазах, так что он всю подноготную про нас знает. Несмотря на то, что он повеса, не желающий остепениться, батя из него крутой получился. Уж лучше моего, это точно.

Пока к столику иду, вижу, как Кир Ясе какие-то шоты протягивает и учит, как пить надо. Она с восторгом первооткрывателя глазами хлопает и повторяет все, что он ей говорит.

Не успеваю среагировать, как они вместе поднимают стопки и резко опрокидывают в себя.

— Кир, какого хера ты творишь?! — рычу возмущенно, а сам в ужасе на Ясю смотрю.

Она глаза распаивает и не дышит. «Теперь точно убью Водяного, к гадалке не ходи», — обреченно проносится в голове, когда Ясинья захватывает воздух губами и начинает смеяться.

— Еще! — вопит она и хлопает стопкой по столу.

— Ты со своим «еще» дождешься сейчас! Яся, может, хватит? — рычу уже на нее, только эти двое словно меня не слышат.

— Глебыч, да расслабься ты, — подмигивает мне Кир и снова наливает в стопки. — Видишь, Сверчку нравится.

— Меня так моя подруга Люсиль называет, — смеется девушка. — Сверчок или Крикет, — а потом икает и выдает, — хотя это одно и то же.

И снова смеется. Это ее что, с одной стопки так развезло, что ли? М-да, вечер обещает быть интересным. Эта парочка снова поднимает свои шоты, чокаются и дружно глотают. Водяной, сука, мне снова подмигивает, а я ему кулак незаметно к носу подношу.

— Яся, может, закусишь чем-нибудь хотя бы? — выдвигаю, как заботливый папаша, и третью стопку из рук у нее вынимаю.

— А чем? — разводит руками уже захмелевшая девчонка. — Тут нечем. Вот смотри, — и меню мне в нос тычет.

Так, с желаниями этими надо завязывать. Хрен ее знает, что там в ее светлую головку еще стрельнет, а мне потом разгребай. Вот как это пойло и ее лекарствами будет взаимодействовать? Ей вообще пить-то хоть можно? Башка чуть не лопается от всех вопросов.

Сам пить отказываюсь. Может, ее в неотложку срочно везти придется. Ой, твою же мать!

— Девчонки, пошли, что ли танцевать, — орет наш танцор диско Царевич и резво на ноги подрывается.

— А я не умею, — радостно вопит Яся, стараясь перекрыть громкую музыку.

— А мы научим, — тут же отвечает Макар, хватая ее за руку и тащит на танцпол.

Смотрю, как радостно Яся подрывается на ноги, и только вздыхаю. Вот мне это надо? На фиг я вообще на это согласился? Но тогда, когда она просила, ее глаза горели таким предвкушением, что я не смог отказать. Да и не хотел, если честно.

— Князь, расслабься, не съедят твою девчонку, — спокойно выдвигает Левин, а потом задумчиво добавляет, — может только слегка покусуют.

И пальцем мне на танцующих указывает. Смотрю и глазам своим не верю. Яся отжигает очень даже прилично. Рядом Царевич задницей крутит. Слажено у них все. Она явно ритм чувствует, а спиртное помогает ей расслабиться и перестать обращать внимание на окружающих.

Засматриваюсь на нее. Любуюсь. Пока какой-то хмырь руками ее за задницу не обхватывает и к себе не прижимает. Ясинья теряется на мгновение. Глаза открывает и упирается этому самоубийце в грудь руками, явно в попытке оттолкнуть. Но парниша намеков не понимает и в наступление идет. У меня даже красные точки перед глазами мелькать начинают, когда вижу, как будущий покойник ее за волосы хватает, чтобы она не дергалась.

На ноги подрываюсь и даже сам не понимаю, как рядом оказываюсь. Руку его хватаю, которой он ее за волосы держит, и выворачиваю до характерного хруста. Щегол вопит сразу, как девчонка, и волосы Яси отпускает. Тогда я ему лбом между глаз пробиваю и пока этот сученыш скулит, ногой под колено хреначу. Во мне такая ярость разгорается, кто даже криков, которые раздаются вокруг, не слышу. Мои парни тут же подлетают и предпринимают попытку оттеснить меня в сторону, только ни хера я успокаиваться не желаю. Буром прую, пока не чувствую, как талию обвивают тонкие ручки и к спине

прижимается всем телом моя Яся. Она носом проводит по моему позвоночнику и сжимает руки крепче. При желании я бы мог ее легко отпихнуть, но такого желания не возникает. Вместо этого я шумно выдыхаю несколько раз в попытке взять себя в руки. Потом разворачиваюсь в ее объятиях и аккуратно обхватываю испуганное личико ладонями.

— Вот тебе мое желание, — сиплю хрипло ей прямо в губы, ощущая, как дрожь проходит вдоль позвоночника и передается напрямую в ее стройное тело. — Хочу, чтобы эту ночь ты провела со мной!

Она распахивает глаза на пол-лица, сосредоточенно смотрит на меня и раскрывает губы, чтобы ответить.

Уже жду гребаный «миндаль» мне как награду за наглость. Только Яся дрожит, как лист на ветру, и тихо, но уверенно шелестит:

— Принято!

*И каждый раз при этом внутри
я умираю от счастья.*

©Ясинья Сверчкова.

Так весело, как сегодня, мне никогда в жизни не было. Впервые со мной обращаются не как со смертельно больной, а как с обычным здоровым человеком. Когда Кирилл предлагает выпить, не сомневаюсь ни секунды. Никогда не пила, но сейчас хочу. Успеваю только сказать, что мне нельзя девчачьи коктейли с фруктовыми добавками, как Водянов тут же предлагает ром с водкой, и я согласно киваю головой.

Глеб, когда видит, что мы пьем, начинает вести себя прямо как моя мама или друг детства. Пока он что-то там рычит, тихонько сквозь зубы выдыхаю:

— Ну, один в один Тиль.

Кирилл это слышит и удивленно смотрит на меня, а потом ржет на ухо:

— Тиль? Сверчок, ты меня удивляешь. Кто такой этот Тиль?

Глаза закатываю и рукой машу.

— Никто, — небрежно отмахиваюсь, ведь это чистая правда.

— Тогда за Тиля, — подает мне новую стопку Кир, а я весело подхватываю и выпиваю вторую.

Третью Юсупов из моих рук вынимает, но я, в принципе, рада. В глазах уже двоится и после третьей боюсь, что буду на полу пузыри пускать. Потом Макар Царев хватает меня за руку и тащит танцевать. Честно говорю, что не умею, но он подсказывает, как двигаться, и в итоге мы с ним даже отжигаем.

А потом чувствую, как по моим бедрам ползут чужие руки. Так обычно трогает меня только Юсупов, когда с бортика снимает. И каждый раз при этом внутри я умираю от счастья. А здесь чужие лапы, которые хватают меня так, как им не позволено. Упираюсь придурку в грудь руками и начинаю отталкивать. А он, явно пьяный, рычит какое-то ругательство мне в лицо и хватает за волосы.

Понять ничего не успеваю, как к нам подлетает Глеб и начинает избивать это парня. Юсупова пытаются оттащить от уже окровавленной жертвы, только он с совершенно безумным выражением гнева на лице продолжает на него напирать. Даже подумать не успеваю, шагаю к нему и обнимаю за талию. Он замирает, а я ощущаю, как проходит дрожь по его позвоночнику и утыкаюсь носом в спину. Два тяжелых вздоха и он оборачивается ко мне.

— Вот тебе мое желание, — хрипло произносит он, почти касаясь моих губ своими. — Хочу, чтобы эту ночь ты провела со мной!

Сердце какой-то невероятный кульбит в груди совершает, но затуманенный водкой мозг вопит, чтобы я соглашалась. «Это твой шанс, Яся. Действуй!» — вопит мое сознание, и словно со стороны я слышу свой голос:

— Принято!

После моих слов Глеб хватает меня за руку и сразу выводит из клуба. Усаживает в машину и, вдавив педаль газа в пол, на бешеной скорости мчится к себе домой. Складывается впечатление, что он так торопится, потому что боится, что я передумаю. А я впервые в жизни понимаю, что чтобы не произошло сегодня между нами, я хочу это

почувствовать. Ощутить, как это быть рядом с Глебом Юсуповым. Быть его. Хотя бы на одну ночь.

В квартиру мы тоже поднимаемся быстро. За все это время он даже не пытается меня поцеловать. Просто держит за руку и ведет. Хмель к этому времени рассеивается, и мне становится страшно. Он ведь еще не знает, что я ни с кем не была. Как отреагирует? Надо ли сказать об этом или будь что будет? Хотелось за голову схватиться и закричать от нарастающей паники. Только вот, несмотря на нерациональный страх, обратно желания повернуть не возникает. Просто мне хочется, чтобы это прошло как-то особенно, что ли.

Когда заходим в квартиру, Глеб не включает свет. Он небрежно бросает ключи на полку и отпускает мою руку. Замираю, а у самой сердце где-то в районе горла бьется и ноги дрожат. Что делать со всем этим не знаю, но очень рассчитываю на то, что стоящий рядом парень, которому я доверилась, сделает все сам.

— Ты нервничаешь? — раздается совсем рядом, и я чувствую, как Глеб подходит ко мне.

От его вздоха мои волосы слегка колышутся, и я делаю шаг назад, упираясь спиной во входную дверь. Глеб повторяет мое движение и тоже шагает снова, вставая вплотную, но все еще не касаясь.

Слегка поднимаю голову, чтобы попытаться заглянуть ему в глаза, но в темноте вижу только отблески в его глазах и очертание сосредоточенно сжатой челюсти.

— Да, — честно отвечаю, только голос предательски дрожит.

Да и что тут ответить? Нет, что ты. Я же шальная императрица, которая делает все впервые в своей жизни!

— Почему? — слышу новый вопрос и с шумом выдыхаю.

— А-а-а-а-м-м-м, — неопределенно мычу и понимаю, что водка все же не выветрилась из организма. В голове такая каша, что забываю все слова.

Но Глебу, видимо, надоедает этот допрос, и он приступает к действиям. Чувствую, как его рука медленно скользит по моей щеке и прихватывает за затылок. Громко сглатываю вдруг образовавшуюся сухость во рту и молча поднимаю к нему лицо.

Глеб почему-то все еще медлит и не целует меня. А у меня уже в ушах свист стоит от бешено пульсирующей в мозгах крови. Дыхание обрывается. Жду свой первый настоящий поцелуй с бешено бьющимся по ребрам сердцем.

— У тебя охренительные губы. Их все время хочется целовать, — снова произносит Юсупов, но почему-то все еще не целует.

Так целуй! Что же ты медлишь? Уже сама готова на него наброситься. А он, словно чувствуя мое нетерпение, прижимается ко мне всем телом, позволяя почувствовать свою внушительную эрекцию.

— Но тебе, наверное, уже об этом говорили сотни раз? — глухо произносит он, почти касаясь моих губ своими губами.

Если бы он не прижимал меня к двери, я бы уже растеклась мокрой лужицей прямо здесь, на коврике. В голове от бури эмоций уже революция происходит. Дышу через раз. Но, уловив смысл его послания, отрицательно мотаю головой в разные стороны и выдыхаю:

— Никто.

Глеб как-то странно хмыкает, но потом все же хрипло произносит:

— Ну и придурки.

Придурки? Это много, что ли? Мне на мгновение смешно становится, и я с улыбкой

отвечаю:

— Был только один.

— Туль? — удивленно спрашивает с какими-то резкими интонациями в голосе Глеб и ведет руками по моим бедрам.

— Тиль, — невнятно отвечаю, вздрагивая от каждого его прикосновения. — Но нет. Это не он.

Юсупов отодвигается, и я вижу в сумраке комнаты его удивленный взгляд. Он явно поражен и ждет объяснений. Даже руки его замирают, так и не достигнув заветной точки. Моей задницы.

Он не шевелится, явно ожидая ответа. А в моей голове навязчиво зреет мысль: что вот он, шанс во всем признаться. И словно в омут с головой, я делаю первый шаг:

— Меня целовал только один парень. Дважды, — голос предательски обрывается, но я упрямо продолжаю говорить, — впервые это произошло на глубине пяти метров и, как ты понимаешь, там было не до комплиментов.

Ртом воздух захватываю, когда руки Глеба сжимаются на моей талии, а носом он упирается в мою шею.

— А второй был... наверное поощрительный... и... — голос слабеет уже потому, что Глеб целует меня сначала в шею, а потом ведет носом к моим губам. — Тоже не сказал...

Почти в губы ему выдыхаю, когда он бормочет что-то типа: «ну я и debil» и, наконец, прижимается к моим губам.

Медленно. Осторожно. Легкое касание, а меня уже трясет, словно я на провод высоковольтный наступила. Он слегка оттягивает мою нижнюю губу зубами, а потом отпускает. Влажная плоть возвращается на место с характерным хлопком, а на меня этот звук производит эффект разорвавшейся бомбы. Словно детонатор срабатывает. Руки поднимаю и веду по груди исполина. Он вздрагивает, а я смыкаю кисти на его шее и тихонько тяну к себе.

Клянусь, что вижу искры, летящие между нами, когда он, наконец, накрывает мои губы своими. Из горла стон вырывается. Он такой громкий, что от испуга я вздрагиваю. Глеб обхватывает меня руками, словно в кокон заворачивает, и напирать начинает. С шумом выпускает воздух через ноздри, он толкает язык мне в рот и подхватывает ладонями под попу.

Первый контакт запредельный. Я, конечно, подозревала, что поцелуи — это приятно, но чтобы в космос улететь с первым касанием можно, не представляла. Полное ощущение, что под ногами пол дыбом поднимается. Цепляюсь пальцами за его шею. Ногтями впиваюсь в кожу и робко касаюсь своим языком его. Глеб издает какой-то утробный рык и об дверь меня слегка прикладывает, вжимая свое тело в мое.

Он резко отрывает меня от пола, подхватывает и идет в гостиную. Все происходит так быстро, что в какой-то момент ощущаю, как уже лежу на прохладной коже дивана. На мне уже и куртки нет, а Глеб скидывает с себя рубашку. Не успеваю вдох сделать, как он меня дергает за ноги вниз и ложится сверху. Он целует мои губы. Языком исследует рот. Каждое касание подобно дефибрилятору.

Сама руки на его спину кладу и веду по твердым мышцам. Футболка мешает нестерпимо. Хочу к нему прижаться, как в бассейне. Только без воды и всего сопутствующего. Только он и я. Кожа к коже.

Пальцами ткань собираю по спине вверх. Глеб тут же приподнимается и помогает ее скинуть. Он нетерпеливо дергает плечами и небрежно отшвыривает этот предмет одежды в

сторону. Ладони кладу на его грудь и замираю. Глеб громко дышит от возбуждения, но позволяет мои исследования. Трогаю его широкую грудь. Опускаю руки на каменный пресс и ощущаю, как сводит судорогой его мышцы.

Мне и страшно от того, что происходит, и любопытно. Исполин срывается, не выдерживает моих несмелых ласк. Напирает. Стаскивает с меня футболку, а вместе с ней и бюстгальтер. Языком в рот врывается, а сам уже за пуговицу на штанах дергает.

Сама не понимаю, как во мне срабатывают какие-то предохранители. Сначала замираю, а потом громко и шумно дышать начинаю. Кислорода в легких не хватает. Горит все внутри. Паника накрывает с головой. Еще на потоке эмоций продолжаю по инерции двигаться, позволяя с себя штаны вместе бельем стащить.

В темноте, разбавленной лишь светом, проникающим с улицы, Глеб не замечает моего состояния. Он выпрямляется и скидывает остатки одежды с себя. Молиться начинаю, чтобы не отключиться, когда он губами проходится по моей коже и сжимает грудь своей широкой ладонью.

— Глеб, — сквозь губы с трудом проталкиваю, только звучит это как-то излишне, с придыханием. И Юсупов воспринимает свое имя как ласку.

Он опускает голову к груди, и рука сменяется горячими губами. Глеб тянет зубами за сосок. В рот его втягивает. Только вот паника уже весь здравый смысл перекрывает. Удовольствие как волной смывает. Сердце в груди, словно маховик, скорость набирает и по грудной клетке бухает в желании ее пробить.

— Ей, у тебя чего так сердце бьется? — через плотный шум в ушах слышу удивленный голос парня. — Яся?

Наконец, считав мое состояние, он вскакивает с дивана и быстро включает подсветку над барной стойкой.

А я лежу распластанная, абсолютно голая и пытаюсь протолкнуть воздух через губы.

— Яська, ты чего? — хрипит Глеб и резко на задницу меня сажает.

У меня губа дрожать начинает и я жалобно стону:

— Прости, я... думала, что смогу... а я... я боюсь, — и руками себя закрываю, будто спрятаться хочу.

Глеб выпрямляется во весь свой рост, громко выдыхает через нос и упирает руки в бока. Вид, я вам скажу, впечатляющий. Длинное мощное тело во всей красе и на сто процентов возбужденный член, который совершенно не понимает, почему вдруг все прекратилось.

— Кого боишься? Меня? — сипит Глеб, явно пытаюсь разобраться в ситуации.

— Его, — и пальцем аккуратно показываю в сторону грозного, пышущего возбуждением члена.

Юсупов вдруг ржать начинает. Глаза на него поднимаю, а он с какой-то щемящей нежностью на меня смотрит, а потом спрашивает:

— Продышалась?

Тихонько головой киваю, а он движение это повторяет и вдруг ко мне наклоняется.

— Не бойся, — шепчет он и на руки меня подхватывает. — Он сам тебя боится.

За шею его обнимаю, а он разворачивается и начинает по лестнице на второй этаж подниматься. Зачем? Может, не понял? Может, мне прояснить ситуацию надо?

— Просто я никогда еще... — краснею всем телом, как свекла, и прячу лицо на его груди. — Прости...

— Да понял я уже, — грубо перебивает Глеб и сильно сдавливает меня руками. — Вот только за это точно извиняться не надо. Ясно?

Пока я что-то неуверенно блею у него в районе шеи, Юсупов заносит меня в свою спальню и осторожно опускает на кровать.

— Не бойся, Яська. Сейчас я вас с ним знакомить буду!

К ней, как к святыне прикасаюсь!

©Глеб Юсупов

До сих пор не верю, что она настоящая. В девятнадцать лет девственница, да еще не целованная. Как такое вообще возможно?

Но все, что Яся говорит, как реагирует на мои касания, как зажимается и удивленно распахивает глаза, говорит о том, что это правда. Офигеваю! Да так, что накидываюсь на нее, как неандерталец, честное слово. Словно девок до этого не видел. Но Ясинья не очередная девчонка в моем многочисленном списке побед. Она особенной! Только моя!

Как только Яся начинает дышать, как паровоз, сразу понимаю, что перегибаю. Где-то еще на задворках сознания теплится надежда, что выгорит, но облом. В общем-то, не страшно. После ее робкого признания мне вообще никуда торопиться не хочется. Понимаю ведь, что она ждет чего-то особенного.

Да и заслуживает она! Как я после всего этого могу предложить ей быстрый секс на диване в гостиной? Несмотря на то, что член ломит от невозможности разрядиться, понимаю, что сдохну, но сделаю все как надо. Потом эти ее хрипящие вздохи мне совсем не нравятся.

Если мать права, и это психосоматика, то при любом нервном напряжении девчонка начнет задыхаться. А то, что я накидываюсь на нее, словно озабоченный маньяк, явно заставляет ее нервничать.

Подхватываю ее на руки и в очередной раз поражаюсь, какая она невесомая. Яся высокая, а весит как ребенок. Это очередной пинок под мой голый зад. Нельзя с ней торопиться.

Нужно как-то... Чееерт!

Хрен знает как, но надо взять яйца в руки и подождать, пока не привезут ее лекарства. Она сама говорила, что после их принятия вела вполне себе здоровую жизнь.

Подумаешь, две недели!

Сука! Твою мать!

Ясинья трогательно ко мне прижимается и стыдливо прячет красные щеки, засунув нос в изгиб моей шеи. Ты, конечно, Глебыч, молодец! Девчонка ни разу в жизни член настоящий не видала, а ты ее таскаешь по лестнице, как гребаный Адам в Райском саду.

Да, блин! Как это вообще возможно?

Уже давно в чистоту и добродетель женскую не верю. А тут из Дрездена последняя девственница на планете прикатила. И сразу в мои объятия. Уму непостижимо! Руками ее сильнее к себе прижимаю, когда она блеть и просить прощения начинает за то, что такая невинная ко мне пришла.

Совсем рехнулась!

Сразу решаю: раз она такая паникерша, постепенно буду ее с прелестями секса знакомить. А через пару недель, к тому времени, как приедут ее лекарства, глядишь она осмелеет уже. И я буду ждать этого момента с особым предвкушением.

Да маза фака, твою мать! Как это пережить-то?!

На кровать ее тихонько укладываю и включаю слабую подсветку, вмонтированную в плинтус. Света мало, глаза не слепит, но друг друга хорошо видно. Этаким интимный

полумрак. Яся смущается и начинает руками прикрываться, а я ей в наглую заявляю:

— Не бойся, Яська. Сейчас я вас с ним знакомить буду!

Она своими глазищами хлопает и сглатывает нервно. Потом и вовсе судорожно выдыхает через губы свои потрясающе-сладкие и несмело произносит:

— Лааадно.

Ну ладно, значит, ладно. Раз сопротивление не планирует оказывать, уже есть надежда, что мы из этой ситуации живыми выберемся.

Осторожно наступать начинаю. Упираюсь руками в кровать по обе стороны от ее головы и сверху укладываюсь. Яся дрожит, как щенок потерянный, только что зубами не стучит и дышит шумно.

— Не бойся, — тихонько в лицо ей дую, когда вижу, как глаза слезами наполняются. — Не буду я тебя вскрывать. Не сегодня.

Она носом хлюпает и снова с дрожью выдает:

— Ладно.

Ой, уж эти ее «ладно». Было бы ладно, не тряслась бы, как кролик испуганный.

— Можно я тебя поцелую?

Не, Глебыч, ты точно идиот! Лежишь голый, придавив девчонку членом, и про поцелуи спрашиваешь! Но Яська мужественно головой кивает, и я тут же к ней присасываюсь. Ее губы спелые своими раздвигаю и лениво язык в рот толкаю. Она через нос шумно выдыхает и робко отвечать начинает. В висках вены пульсируют, мозг разрывая. Кровь в ушах шумит, слуховые галлюцинации вызывая.

А слышится мне, как девочка моя стонет и несмело руками меня обнимает. Чуть наглеть начинаю. Рукой по ее ноге веду, под коленку беру и осторожно в сторону отвожу. Она ерзает подо мной и вторую сама мне на спину закидывает. Когда между ног разведенных оказываюсь и чувствую, как член во влажное лоно упирается, чуть не ошизеваю. Зверюга во мне зубами дыру наружу прогрызть начинает и плоти вожаделенной требовать. Только я ему сегодня потакать не собираюсь.

Мне важнее ее удовольствие, чем свое.

— Тихо... тихо... — шепчу, когда Яся чувствует мое одичалое возбуждение своим лоном и дергается. — Дыши, Яся. Он не укусит.

В этот момент мне заржать в голосину хочется. Дожил! Уговариваю девушку не бояться моего члена.

Яська замирает, в глаза мне доверчиво смотрит. Какая же она красивая. Словно всю жизнь одну ее искал. Мой остров. Мой причал. Моя награда.

Черт знает за что, но стойкое чувство, что я ее заслужил.

Осторожно вниз по ее шее цепочкой из поцелуев опускаюсь. Яська позволяет. Подставляется. Сама не осознает, как бедрами двигает и по моему члену елозит. Ей приятно, и она к этому удовольствию тянется. Голову к ее груди опускаю и осторожно губами присасываюсь. Она стонет, но вроде не отталкивает, как внизу было. Смелее целую. Вершину в рот затягиваю. Грудь у Ясиньи небольшая, но какой-то охренительно красивой формы. Идеальная. Лучше не видел никогда. Раньше сиськи и сиськи. Приятное дополнение к вагине. Есть куда руки или член пристроить.

А к ней, как к святыне прикасаюсь! Трясет от восторга и удовольствия. Бесконечно бы их ласкал.

Яся стонет и руками мне в волосы вцепляется. Приятно ей. А у меня от напряжения и

удовольствия уже почти каждая мышца дрожит. Пот по лбу стекает, словно я псина мокрая. Расшатало не по-детски.

Но, несмотря на все эти эмоции, я за ее дыханием слежу. Каждый вздох контролирую. У нее, когда дыхание срывается, я вместе с ней замираю.

В губы ее снова впиваюсь. Языком ее рот трахаю. Ну хоть так, раз по-другому не получается. Дрожит моя девочка, а я осторожно ее рукой за талию тонкую обхватываю и вместе с ней на спину переворачиваюсь. Она замирает на мгновение, словно не понимает, что ей делать с этим. А я ее по себе двигаю и аккуратно на член сажаю. Не вхожу, но руками ее за попу по нему двигаю, чтобы поняла, что я жду от нее. Пускай сама командует.

У нее между ног пожар. Там так хлюпает, что я только зубами скриплю. В комнате сексом пахнет. Мой зверюга внутри воет, заставляя сделать решающий толчок. Пока я сам с собой договариваюсь, Яся на члене моем вдруг двигаться начинает. Медленно, робко, но как надо. Вперед. Назад. За бедра ее охрененные берусь и тихонько подталкиваю, скорость нужную показываю. Девчонка смелеет. Поняла, видимо, что боятся нечего, и начала свой танец.

Зубы сжимаю. Руки напрягаю так, что грудак распирает. Выть охота. Скулить от невозможности почувствовать ее жар внутри. Чувствую, как девчонка ногти выпускает. Щеки краснеют, она свои глаза закатывает, губы греховные распахивает. Движения какие-то дерганые становятся, а потом и ноги дрожать. Твою мать, да она кончает. За бедра пальцами до боли хватаюсь и на себя дергаю. Раз. Два. Три.

Комнату крик пререзает. Яську трясет, словно она руку в электрощиток засунула. Только это не ток. Это член мой, наэлектризованный ее горячей плотью. От того, как ее на мне подкидывает, сам чувствую, как мои яйца скручивает, и я кончать начинаю. Меня так передергивает, что спермой все вокруг заливаю.

Яська глаза распахивает и очумело смотрит на дело тел наших. А меня таким кайфом накрывает, что я ее рукой загибаю и к груди своей прижимаю. Сперма между нашими телами растекается, а я внимания не обращаю. Громко выдыхаю и на полном серьезе выдаю:

— Вот вы и познакомились.

*К ее губам прижимаюсь,
просто чтобы почувствовать, какая она живая.*

©Глеб Юсупов

Мне снится сон. Жаркая плоть Яси нежно, как перчатка, обхватывает мой возбужденный член. Слышу стон девчонки. Нежное касание к моему лицу и громкий выдох. Ясинья возбуждена. Она дышит, словно стометровку пробежала. Слишком громко. И слишком шумно. Ее хриплое дыхание переходит на короткие рывки и прорывает мое сознание.

— Яся! — на кровати подрываюсь, а она на спине лежит и на меня своими большими глазами смотрит.

Слезы потоком стекают и в волосах теряются, а она хрипит уже, и сказать ничего не может. Слетаю с кровати прямо как есть, с голой задницей и пулей вниз бегу. Там все вещи после вчерашнего раскиданы. Начинаю за диваном ползать.

Сука, куда я вчера ее сумку закинул?! Матерюсь, как сапожник, когда об косяк пальцами на ноге прикладываюсь. Внимание не обращаю, пускай хоть отвалятся. Откровенно уже паникую и чуть ли не разнести все готов. Потом вижу ее куртку в прихожей, а под ней сумочка маленькая лежит. Хватаю и все прямо на пол из нее вытряхиваю. Ингалятор в кулак и обратно наверх.

Яська в потолок уже смотрит и не шевелится почти. Как сайгак подстреленный на кровать запрыгиваю, голову ее приподнимаю и впрыск делаю. Она глазами моргает, а я еще раз прыскаю. Ее грудь вдруг поднимается и из легких вздох со скрипом прорывается.

— Твою же мать! — стону в голосину и голову ее к себе прижимаю.

В волосы руками вцепляюсь и со страху чуть не вырываю к херам. Девчонка стонет от боли, а я ее еще крепче прижимаю.

— Задушишь, — хрипит она, а потом еще и улыбнуться пытается.

Шутница, твою мать!

— Почему не разбудила? — сиплю не хуже ее, так как от страха даже голос пропал.

— Я будила. Только ты бормотал: еще, сильнее и кончай, — снова шутит она и, наконец, краснеет.

По мне, так уж лучше пусть краснеет, чем синееет. К ее губам прижимаюсь, просто чтобы почувствовать, какая она живая.

— Что случилось? Почему приступ случился? — спрашиваю, а сам ее внагляк руками ощупываю. Мне все еще надо убедиться, что она рядом, а не отошла в мир иной.

— Сон... приснился... не помню. Я проснулась и растерялась сначала. Потом испугалась, что маму не предупредила. А когда дошло, что мама уехала... поздно уже стало, — шепчет она и даже хмыкает от этой глупости.

— Вот ты нормальная? Разве можно из-за такого умирать? — ворчу и руками ее грудь обнаженную оглаживаю.

Яся руку скидывает, а я по попе водить начинаю. Она и оттуда отпихивает, а я снова по груди наглаживаю.

— Яська, а давай знакомство твое с моим членом продолжать, а? Глядишь, ты привыкнешь и паниковать перестанешь, когда до дела дойдет.

Сверчок мой краснеет, но согласно головой кивает, а я ее на радостях зацеловывать начинаю.

— Глеб! — хохочет Яська, а я понимаю, что лучше звука никогда не слышал.

Ну, если только не считать тех звуков, которые она издавала, когда кончала вчера. Дважды. После первого нашего совместного оргазма я ее в душ утащил, чтобы отмыться, а там руки как-то сами потянулись. Податливая она. Отзывчивая. Все быстро произошло. Пока ее пальцами гладил, она мне член надрачивала. Знакомилась. А потом уставшие спать легли.

И вот чего придурку про ингалятор не вспомнить?! Так нет же. Расслабился! И вот итог!

— Мы на занятия опоздаем, — шепчет Яся и от меня отодвигается.

Мне это жуть как не нравится, но не напирваю. Быстро собираемся, и я отвожу ее домой. Там, буквально через пятнадцать минут она выходит снова в своих безразмерных шмотках и садится в машину.

— И чё за прикид? — безрадостно топлю и рожей транслирую, что недоволен.

Ясинья улыбается, как мультик, и мило так, явно придурясь, пищит:

— Ой, а вот и милашка Глеб подтянулся! Наверное, он просто голодный, — и щеки свои розовые в улыбке тянет.

— Ясь, — бубню уже не так сердито и на дорогу выезжаю.

— Глеб, это маскировка, — невозмутимо парирует она. — Вот вернуться мои потерянные килограммы обратно, и тогда я надену что-нибудь, что не потеряю по дороге.

— Это когда? — бровь дугой выгибаю и на нее смотрю.

— После дождичка в четверг, — снова пищи она, а потом на полном серьезе добавляет, — а вообще я есть хочу.

От такой новости даже по тормозам бью и тут же к ресторану сворачиваю. Первый раз от нее о еде услышал. Такое и отметить не грех.

Заходим в ресторан и занимаем столик. Нам приносят меню, и Яся начинает подробно его изучать. Она долго перелистывает страницу за страницей и тяжело вздыхает. Понимаю, что сейчас снова-здоровая начнется, и спрашиваю официантку:

— У вас есть что-нибудь не аллергенное. Чтобы там не было красного, оранжевого, белка, соусов и орехов.

— Вода, — тут же острит явно невыспавшаяся официантка.

От ее слов у меня на языке столько эпитетов вольных вертится, еле сдерживаюсь, а Яська только весело фыркает.

— Я возьму капустные котлеты и салат со шпинатом, — а потом довольно выдыхает и еще накидывает, — чай и картофельный пирог.

— Трава с травой и на десерт трава, — у меня даже рожу перекашивает от такого рациона. Плечами передергиваю и заказываю себе ланч.

— Здесь, Юсупов, главное слово — «котлеты». Если не думать, что они из капусты, то вполне можно представить себе мясо.

Поразительное умозаключение. Но когда Ясинья с аппетитом уплетает свой завтрак, тщательно его пережевывая, сам начинаю верить, что эти ее котлеты — обедение.

— Так что тебе приснилось, Яся? — решаю потихоньку выяснить причину утреннего приступа.

Мать предположила, что астма у Ясиньи носит психосоматический характер. Значит, ее что-то напугало. Сильно. И вполне возможно, это что-то и снится ей, раз она в такой сильный приступ впала.

Девчонка замирает. Даже котлеты свои жевать перестает и с осторожностью смотрит на меня. Странная! Чего боятся? Я ее уже три раза с того света вытаскивал!

— Я не знаю, — все-таки бубнит она и взгляд в тарелку опускает.

— То есть? Ты не помнишь? — все интересней и интересней.

— Мне снится один и тот же сон очень давно. Я никак не могу запомнить его содержание, но это точно что-то связанное с моим настоящим отцом, — перебирает дергано плечами, словно виновата в этом. — Но каждый раз после него происходит приступ. Обычно я успеваю среагировать, но сегодня нет.

М-да. Неужели она не замечает очевидных вещей? Или дело вовсе не в очевидности. Возможно, проблема все же глубже.

— А что говорит твоя мама? Вы вообще к врачам с этой проблемой обращались.

Яська снова упрямо поджимает губы, но послушно кивает.

— Мама очень переживает по этому поводу. Мы были у специалистов, но они рекомендовали мне больше отдыхать и расслабляться.

— И?

Девчонка с улыбкой вздыхает и с каким-то озорством смотрит на меня. Потом сует в рот лист салата, на который мне смотреть даже не хочется, и выдает:

— Я занималась медитациями. Не очень помогло. Потом йога и пешие прогулки. Тоже так себе эффект. Еще мне прописали плаванье. Но пока этот процесс скорее волнует меня, нежели расслабляет. То тренер бешеный, то напарники возбужденные целоваться лезут на глубине пяти метров.

Ах ты ж язвочка! Погоди у меня. Устрою я тебе расслабляющее плавание.

Дальше универ и занятия. Еле досиживаю до последней пары, чтобы сорваться и бежать в бассейн. Тренер бы похвалил за такую прыть. Только ведь я так спешу не на тренировку, а чтобы скорее Ясю увидеть.

Только тут меня жесткий облом ожидает. Роднин явно не в духе. Заставляет нас по бассейну круги наматывать, постоянно ворча, что ночью спать надо, а не по бабам шататься. А то какие-то мы, видите ли, не выспавшиеся. Готов послать его уже в пеший поход по эротическим местам, когда, выныривая очередной раз на поверхность, не замечаю стройные длинные ноги, которые вышагивают в направлении моей дорожки.

Хочешь поиграть, будет тебе поиграть.

©Ясинья Сверчкова

Как только звенит звонок последней пары, я, наконец, выдыхаю с облегчением. Впервые в жизни хочу забить на учебу и бежать к нему. Кто бы мог подумать, что такое когда-нибудь случится. Ясинья Крикет влюбилась!

Собрав быстро учебники, спешно иду на выход из аудитории.

— Яся, погоди! — слышу звонкий голос Таисии Кравцовой и оборачиваюсь.

Тася протягивает мне конспекты и новые тесты для подготовки к олимпиаде.

— Вот, взяла для тебя. Надеюсь, поможет в обучении чемпиона.

— Спасибо, большой. Конечно, поможет, — благодарю душевно, только вот мысли разрывают сомнения.

До учебы ли нам теперь?!

— Как у тебя дела с Юсуповым? Обучению поддается?

Тася нервно закидывает назад челку и отводит взгляд в сторону. Странная какая-то.

— Тась, а у тебя как дела с Левиным? Все в порядке?

На мой вопрос Таисия громко фыркает и, закатив глаза, машет рукой.

— Кроме того, что он меня пугает до ужаса, остальное нормально.

— Чем пугает? — подруга выглядит как будто несчастной, и я тут же начинаю за нее переживать.

— Ну, если не считать, что он огромный, как скала и смотрит на меня, как маньяк, то все остальное нормально.

— Он что-то сделал тебе? — решаюсь спросить, внимательно наблюдая за реакцией девушки.

— Да ничего он мне не сделал, — как-то уж слишком эмоционально выдает она и отмахивается. Словно не хочет об этом говорить. — Ладно, Ясик, держись. Скоро они выступят на своей олимпиаде и отстанут от нас.

— А ты сама-то этого хочешь? — ну как не спросить, когда после ее слов замечаю, как у Таси губа нижняя дрожит.

— Больше всего на свете! — зло выдыхает она и, махнув мне рукой на прощание, быстро убегает по коридору.

Решаю, что спрошу у Глеба, что там происходит у Левина с Тасей, и бегу в бассейн. Там меня встречает внимательный взгляд Роднина. Он так долго пялится, что возникает неоправданное желание упасть на колени и покаяться перед ним во всех грехах. Даже в тех, которые я не совершала.

— Сверчкова! — басит он, а я на месте подпрыгиваю. — Как дела у моего чемпиона?

— Лучше всех, — заикаясь, рапортую я и в раздевалку шмыгаю.

Там переодеваюсь спешно и, схватив ингалятор в руку, семеню к дорожке, где плавает Юсупов. Тренер все еще зыркает в мою сторону, а я сажусь на бортик и свешиваю ноги в воду.

Глеб, словно какое-то мифическое существо, выныривает из воды рядом с моими ногами и сдергивает очки. Улыбается мне, как никогда до этого. У меня даже сердце пропускает удар. Красивый какой. И мой. Ведь мой же?

Будто видя мои сомнения, Глеб подплывает и нежно проводит руками по моим ногам. Вздрагиваю, когда он за попу снимает с бортика и опускает в воду. Ногами и руками его овиваю и в губы шепчу:

— Привет.

Вместо приветствия Глеб прижимается к моим губам и, не обращая ни на кого внимания, начинает меня целовать. Секунды две тушуюсь, а потом послушно размыкаю губы и позволяю его языку толкнуться мне в рот. Отвечаю на поцелуй и чувствую, как его широкая ладонь скользит по моей попе, крепко ее сжимая. Мы потихоньку отплываем от бортика, так и не размыкая губ.

— Юсупов, Сверчкова, вы что тут устроили, ироды? — грозный бас врежется в мое помутневшее сознание, и я нервно отрываюсь от губ парня. — Прекратить разврат. Немедленно!

— Это не разврат, тренер. А моя новая тактика обучения Сверчкову плаванию! — горланит Глеб в ответ, не отрывая от меня взгляда.

И снова улыбается. А я смеяться начинаю. Никогда его таким довольным не видела. Всегда собранный и серьезный, а тут улыбается, словно счастлив. Уже сама к его губам тянусь, когда слышу ехидный голос Роднина:

— Мне вон еще Королькова надо плавать научить. А то он тонет, как топор. Не прекратишь со Сверчковой обжиматься, будешь его по своей новой тактике учить.

Юсупов ржет, а я краснею и на всякий случай от него отодвигаюсь. К концу занятия можно сказать, что я почти уже умею плавать на спине. Если не принимать во внимание тот факт, что затормозить получается только головой о бортик, на воде уже держусь уверенно. Меня поражает, как быстро у меня начинает все получаться. Раньше думала, что никогда не поплыву, а тут...

После занятий в бассейне, уже не сговариваясь, едем к Глебу домой. Там заказываем еду и обедаем. Все это время Глеб продолжает улыбаться, и у меня начинает закрадываться ощущение, что он что-то задумал.

Моя догадка подтверждается, когда Юсупов протягивает мне какой-то пакет и велит примерить. Заинтригована, конечно. Мне любопытно, что он придумал. Беру пакет и поднимаюсь в его спальню.

Вытряхиваю на кровать содержимое и чуть не задыхаюсь. Вот же черт. Это же...

— Юсупов, а не рановато для этого? — высовываю голову в дверной проем и кричу на всю квартиру. — Я думала, таким занимаются только лет через десять в браке.

— Одевайся, Яся, — безапелляционный приказ.

Ну и ладно. Хочешь поиграть, будет тебе поиграть. На кровати раскладываю костюм секси-училки. Короткая плиссированная юбка в клетку, которая даже мой зад не прикрывает толком. Белая блузка с развратным вырезом, чулки до колена и туфли на шпильке. И, словно решив меня добить, складная указка. Ну, погоди, мне!

Пока этот ансамбль рассматриваю, чувствую, как по телу проходит волна возбуждения. Спазм удовольствия зарождается внизу живота и устремляется аккурат к моей промежности. Сжимаю ноги и за живот хватаюсь. Ух ты.

Я принимаю этот бой! Жаль, белья на мне сексуального нет, но мой обычный гладкий черный комплект из лифчика и коротких шортиков тоже на мне вполне прилично смотрятся.

Натягиваю это развратное одеяние, а меня уже потряхивает. Рубашку на животе завязываю. Грудь чуток приподнимаю в лифчике. Попа в шортиках тоже вполне эротично

смотрится. Несколько раз встряхиваю волосами, позволяя им в легком беспорядке рассыпаться по плечам и спине. На тумбочке у Глеба нахожу очки. Натягиваю на нос и смотрю в зеркало. Офигеваю, насколько я сексуально выгляжу. Никогда себя такой не считала, а тут... Глаза горят, щеки покраснелись, губы блестят, потому что я их постоянно нервно облизываю.

Завожусь уже не на шутку. Мне кажется, что если он сейчас предложит секс прямо на столе в гостиной, я сразу соглашусь. Поэтому плечи расправляю, указку в кулаке зажимаю и на трясущихся ногах выдвигаюсь к своему ученику.

По лестнице мне удастся спуститься без происшествий. Замираю на последней ступеньке и, глядя в ошалелые глаза Глеба, строго выдаю:

— Юсупов, вы подготовились к зачету?

— Нет. Ясинья...

— Альбертовна, — подсказываю, когда Глеб явно теряется.

— Нет, Ясинья Альбертовна. Вызывайте меня на ковер, — хрипит он так, что у меня все волоски на теле приподнимаются и кожа мурашками покрывается.

Сглатываю нервно и сама уже севшим голосом выдаю:

— Погодите, вы на ковер, Юсупов. Давайте проверим ваши знания, — и для убедительности так по столу указкой шарахаю, что вздрагиваем оба.

У Глеба глаза горят, как у хищника. Чувствую себя его обедом, который он непременно слопает, наигравшись вдоволь. Он даже облиζεται, а у меня в ушах словно вата напихана. Дыхание срывается, и руки дрожать начинают.

— Что вам было задано, Юсупов? — удается выдохнуть, еле сглатывая вязкую слюну.

Если я сейчас в обморок хлопнусь, то он сам виноват. Только все это так заводит, что уже и сама останавливаться не хочу. Резко разворачиваюсь и походкой от бедра подхожу к тумбе, на которой лежат учебники. Наклоняюсь на прямых ногах, прекрасно отдавая себе отчет, что моя суперская юбка где-то в район спины сейчас находится и совершенно не прикрывает моей попы.

Слышу шумный выдох через ноздри своего ученика, и так же резко выпрямляясь, разворачиваюсь.

— Тема сегодняшнего урока: Кадровый потенциал предприятия: формирование и рациональное использование.

*Только что смелая была, а как до дела дошло,
сразу сдувается.*

©Глеб Юсупов

— Тема сегодняшнего урока: Кадровый потенциал предприятия: формирование и рациональное использование.

Серьезно? У меня сейчас штаны задымятся, а она кадровый потенциал предприятия решила изучить! Потенциал, что надо. Полная боевая готовность!

— Ясинья Альбертовна, — из меня такие хрипы вырываются, словно я ангиной заболел. Голос от возбуждения срывается и становится объемным. — Кадровый потенциал нашего с вами предприятия сформирован и готов к рациональному использованию. Подходите.

И взглядом ее таким припечатываю, что девочка моя тихонько стонет.

Я когда эту игру в училку затеял, надеялся ее раскрепостить немного. Думал, не решится. А она подхватила, да еще импровизирует. Очки мои на нос нацепила, указкой машет. Как бы к херам не сорваться!

— Юсупов, вот вам тест. Решайте, — строго чеканит моя порно-мечта.

— Ясь, — уже собираюсь отменить это представление, так как чувствую, что не вывожу.

Только училка снова машет указкой у меня перед носом и хлопает ей по тесту.

— Глеб, меня Роднин со свету сживет, если я тебя к олимпиаде не подготовлю. Так что давай! — и снова лист ко мне двигает. Только тут ее голос срывается, и она мне альтернативу предлагает, — решишь — исполню любое твое желание. Не решишь: стагнацию и рынок фьючерсов будем повторять.

Да твою же мать! Ручку хватаю и со скрипом взгляд на тесте фокусирую. В башке остатки крови шумят и потихоньку все в член устремляются. Физически больно. Рукой его поправляю и глаза в муке прикрываю.

Пока в вопросы вчитываюсь, порно-училка круги вокруг меня наворачивает. То через плечо перегнетса, то напротив встанет.

— Яська, сейчас не замрешь, я тебя на этом столе разложу, — знаю, что грубо звучит, но красные пятна перед глазами не дают мне думать адекватно.

— А что ты желаешь, Глеб? — явно пытается отвлечь меня от дела моя порно-мечта.

Вижу же, что боится. Распатывает ее. Дрожит, как олень в свете фар, но не отступает. Мой боец. Недооценил я ее. Не такая она и слабая. Внутри стержень есть. Только вот насколько крепкий? Рискую, конечно, но наглость — второе счастье, поэтому в глаза ей смотрю взглядом потяжелевшим и выдаю:

— Я хочу, чтобы ты взяла мой член в свой сладкий ротик и пососала его.

Яська сразу становится почти цвета баклажан, но упрямо поджимает губы.

— Принято, — дрожащим голосом выдает она и для убедительности еще и головой кивает. А у самой глаза на пол-лица открыты.

Охреневаю знатно. У меня не то что мозг функционировать перестает, меня словно парализует. Во рту пересыхает, а сердце так сильно маслать начинает, того и гляди, сейчас сосуды полопаются.

— А не врешь? — хриплю, как курильщик с тридцатилетним стажем.

— Запомни, Юсупов, я никогда не вру! — назидательно высекает Яся, но в конце ее голос все же срывается на легкую дрожь.

Ладно. Напрягаю всю свою силу воли и склоняюсь над листом. Впереди маячит минет, и хрен я этот тест провалю. Решаю все примерно минут за пять. Ясинья смотрит потрясенно на мой лист, а потом возмущается:

— Юсупов, ты разводишь меня, что ли? Ты все это знаешь не хуже меня! Откуда?

— Ясь, мы эту тему в прошлом семестре изучали, я запомнил.

— Ага, и предыдущую тоже. Зачем мы на это тогда время тратим? — тычет пальцем в тестовый лист и руки в бока упирает.

— Повторение — мать учения, Ясь, — стараюсь рожу не сильно в улыбке растягивать, потому что теперь ход за ней.

Только судя по тому, как она пыхтеть от досады начинает, большой шанс, что мое желание накроется медным тазом. Но тут я охреневаю повторно. Ясинья сдергивает очки с носа, подходит ко мне и так уверенно топит:

— Штаны снимай!

От неожиданности я даже на диван задницей плюхаюсь. Ну ничего себе заход!

— Только ты мне сказать должен, что надо делать. А то я теоретическую часть изучила, а вот до практической не дошла, — невинно хлопая глазами, тархтит взволновано моя порно-училка.

У меня в ушах уже звон стоит, но суть ее сообщения улавливаю.

— Когда это ты теоретическую часть изучила? А, Ясь? — смотрю на нее расфокусировано, но ее признание мне явно не нравится.

— Ну, Глеб, мне девятнадцать. Поскольку я не практиковалась на деле, то мне было интересно знать теорию.

— Для Туля, что ли, своего?

Вот на хрена я сейчас о нем вспоминаю?! Но у меня от ревности даже в глазах чернеет. Это он что, ее просил, сморчок, что ли, свой ласкать?

— Во-первых, Тиля, а во-вторых, не для него, а для общего развития, — отсекает мои мучения сразу и решительно встает передо мной на колени.

Задницу приподнимаю и штаны сдергиваю, а мой член в полной боевой готовности наружу вырывается. Яся выдает какой-то смешной звук типа «уф-ф-ф» и растеряно смотрит на возбужденный орган.

— Возьми его в руку, — сипло выдаю на каких-то немислимых оборотах. Хрен знает, как еще в принципе говорить могу. — Давай, малыш, ты уже держала его.

Моя сексуальная училка кивает головой и осторожно сжимает член у основания. Щиплю через зубы и смотрю на ее милое, до смешного сосредоточенное личико.

— Проведи рукой. Да так...

Все эти комментарии уже клапана срывают. Впору глаза закрыть и кончить. Только мы еще даже к главному процессу не перешли. Так что с трудом, но держусь.

Ясинья сжимает член рукой и проводит по нему вверх и вниз. Капля предэякулята появляется на кончике головки и мой юный исследователь зачарованно смотрит на нее. Потом вдруг наклоняется и слизывает языком.

Стону протяжно и на заднице ерзаю. Сил терпеть нет, а она, словно желая продолжить мою агонию, выдавливает себе еще. Охренеть просто!

— Малыш, сейчас сдохну, — хриплю и рукой по ее щеке глажу, будто уговариваю

начать.

Яська моей плаксивой рожей проникается, осторожно склоняется над членом и заглатывает головку. Щеки надуваю и с таким громким звуком воздух из себя выдуваю, что занавески на окнах шевелятся. Стону, как подстреленный, когда моя девочка, осмелев от своего успеха, обводит головку члена языком, исследуя все его выступы и впадинки, и тихонько заглатывает.

Вот тут даже я напрягаюсь. Дышать перестаю в ожидании ее реакции. Мысленно уже в голове кручу, где ингалятор лежит, и стартовать готовлюсь. Но бежать никуда не приходится, Яська снова член заглатывает и начинает медленно его сосать. Она, видимо, воспринимает его как гребаное эскимо. Потому что то зубами пройдет, то языком, то всосет в себя.

Уж не знаю, что меня так прет от ее этих несмелых, неопытных, лишенных какого-то бы ни было пошлого подтекста движений, только скулю, как пацан неопытный. Мне жуть как хочется за волосы ее взять и натянуть пониже, чтобы заглотила до основания, но этого себе не позволяю. Пускай моя девочка развлекается.

Последней каплей становится то, что она ерзать начинает и ноги сжимать, словно и ей и самой невтерпеж. Потом и вовсе поднимает на меня свой затуманенный возбуждением взгляд и вдоль члена языком проходится.

Не выдерживаю, за волосы ее беру и к пухлым губам присасываюсь. Она возмущенно мычит, словно я у нее игрушку любимую отнял, но мне не до фигни. На руки ее подхватываю и на диван рядом укладываю. Она даже понять ничего не успевает, как я по ногам трусики мокрые стягиваю и ныряю между ее ног. Яська замирает на мгновение, а потом только ноги шире разводит.

Уж я отрываюсь от души. Тихонько пальцем ее растягиваю и языком вылизывать начинаю. Она за волосы меня тянет, только не понятно куда. То ли оттолкнуть хочет, то ли обратно притянуть. У ее ноги ходуном ходить начинают. Она уже сама бедрами подмахивает, приближаясь к финальной точке. Сверху на нее ложусь и член между половых губ пристраиваю.

— Глеб, — сжимается Ясинья и глаза большие делает.

— Не бойся, — сквозь зубы выдаю.

Вот то ли заржать, то ли заплакать? Только что смелая была, а как до дела дошло, сразу сдувается. Тихонько по клитору членом елозить начинаю. Раскачиваюсь. Она в глаза мои не отрываясь смотрит, а потом пальцами мне в плечи вцепляется и начинает кончать. Она так сладко это делает, что не выдерживаю и тоже с громким стоном изливаюсь на ее живот. Обильно и горячо. Яська расфокусировано смотрит на свою испачканную грудь, а потом макает палец в сперму и не спеша облизывает его. В глазах темнеет, и я снова присасываюсь к ней в поцелуе.

Предать его сродни предательству самой себя.

©Ясинья Сверчкова

— Не хочу, чтобы ты отсюда уходила, — бормочет Глеб и прижимается к моей шее губами.

Наши сумасшедшие каникулы подошли к концу. Сегодня возвращаются предки, и я должна буду тоже вернуться домой. За эти дни я заходила туда только за тем, чтобы взять вещи и полить цветы. Все остальное время мы проводили на учебе или в объятиях друг друга. Хотя больше, конечно, последнее.

Кто бы мог подумать, что когда Роднин ставил нас в пару, наши отношения выйдут за рамки учебных. Когда в первый день в универе Глеб наехал на меня, он мне вообще не понравился. А сейчас... Сейчас я без него забывала дышать. Он стал моим ингалятором. Моим учителем и проводником. Впервые в жизни я влюбилась.

Удивительно, но рядом с ним даже мои приступы прекратились. Я была так счастлива, что напрочь забыла про свои лекарства. Более того, даже мой организм, кажется, договорился с мозгом, и я стала позволять себе есть чуть больше, чем в прежней жизни. Апельсины я, конечно, не трескала, но вот яичница неожиданно во мне прижилась. Просто в один из дней я подцепила вилок из тарелки Глеба кусок его завтрака и быстро прожевала. Думала, Юсупова инфаркт хватит, но все прошло без последствий, и теперь мы потихоньку пробуем разные продукты.

— Глеб, моя мама сойдет с ума, когда узнает, что я все это время провела у парня, — бубню в ответ и целую его в плечо.

Последние часы, перед тем, как отвезти меня домой, мы проводим в постели. Отношения у нас развиваются стремительно, и мне кажется, что я уже готова перейти к финальной точке. Сексу с проникновением. Но на удивление, теперь психует и нервничает Глеб. Он так счастлив, что мои приступы прекратились, что не хочет ничего портить. Он все время просит меня потерпеть и постоянно говорит, что нужно еще немного подождать. Правда, чего ждать, я не знаю, да и он не говорит.

— Давай я с ней поговорю. Представлюсь и скажу, что решил тебя забрать себе, — в который раз шутит он и опускается к моей груди дорожкой из поцелуев.

Мысли путаются, и я прикрываю глаза от удовольствия. Мы голые. Практически все время. Юсупов так увлекся, знакомя меня со своим членом и придумывая все новые способы, что я могу определить его в темноте на ощупь. На днях об этом предположении заявила Глебу и сразу же получила по заднице ладошкой.

Уже заметила, что он очень ревнив. Любая шутка в этой плоскости вызывает у него гнев. Глеб не просто обижается. Он готов крушить все и всех вокруг. Зная его странную реакцию на это, шутки в подобной плоскости я сразу же прекратила. Я люблю его и не хочу огорчать. Предать его сродни предательству самой себя. Поэтому мы закрыли эту тему раз и навсегда.

— Юсупов, это очень серьезное заявление. Уверен, что это не последствия твоего последнего оргазма? — пытаюсь острить, но тут же громко выдыхаю, когда Глеб опускает голову между моих ног.

Дальше слова бессмысленны. Мы зависает еще на час в постели, после которого

приходится в темпе собираться и ехать домой.

— До завтра, моя Ясная девочка, — шепчет мне в губы Глеб и сладко целует.

— До завтра, мой сэнсэй, — целую его в ответ, а потом быстро выскакиваю из машины.

До дома иду, улыбаясь от уха до уха. Чувствую себя такой счастливой, что хочется озарить собою весь мир. В коридоре скидываю куртку и обувь. В доме тишина и лишь из гостиной проникает свет.

— Мам, я дома, — кричу в пустоту и начинаю продвигаться на этот самый свет.

В гостиной, развалившись на кресле, сидит лишь Бруно и напряженно смотрит на меня. Мамы рядом нет, и это вызывает у меня легкое беспокойство.

— Бруно, а где мама? — спрашиваю, с осторожностью глядя на него.

— Проходи, Ясинья, — вместо ответа говорит отчим и как-то пристально осматривает меня с головы до ног. — Маргарита устала после поездки и сейчас отдыхает.

Меня раздражает, как он все время полностью произносит наши имена. Никогда ласково или сокращенно. Всегда четкое: Ясинья и Маргарита.

— Тогда я тоже, наверное, пойду, — уже поворачиваюсь, чтобы выйти, когда Бруно вдруг рывкает:

— Я сказал, садись!

Вздрагиваю и недоуменно смотрю на него. Какая муха укусила этого человека? Он никогда голос на меня не повышал.

Чтобы избежать явно назревающий конфликт, присаживаюсь на диван и вопросительно смотрю на отчима. Его взгляд холодный и колкий. Этот человек растил меня с шестилетнего возраста, но всегда смотрел как на пустое место. Сейчас же в его взгляде я вижу явную злость и... разочарование.

— Так получилось, — начинает он, — что наши новые соседи — мои хорошие друзья. Представь мое удивление, когда сегодня по приезду домой они встретили меня и сказали, что ты всю эту неделю не ночевала дома. Более того, ты приезжала с каким-то парнем на машине и вела себя неподобающе, — жестко высекает он последнюю фразу.

У меня перехватывает дыхание от этого обвинения. Всю свою жизнь я была домашним ребенком. Не ходила на тусовки, не пила спиртное и не встречалась с парнями. Ни где не хулиганила, ни напивалась до зеленых соплей и даже не получила ни одного замечания в школе. Ни разу себя ничем не дискредитировала. Мне девятнадцать лет и впервые я позволила себе отношения. И что получаю взамен?

— И чем же мое поведение показалось им неподобающим? — дрожащим голосом спрашиваю человека, который все эти годы даже не старался быть мне хорошим отцом. И теперь вдруг решает проявить участие в моей жизни.

— В том, что ты целовалась с этим парнем на глазах у всего квартала! — снова вопит он.

— Ух ты! — выдыхаю, а потом вдруг смеяться начинаю. — Вот это преступление.

— Это поведение продажной шлюхи! — закипает он все больше и переходит на оскорбления.

Раньше он такого в мою сторону не позволял. Колоть мать нелестными эпитетами — это, пожалуйста. Но я всю свою жизнь была для него невидимкой. Что же сейчас изменилось?

Вскакиваю с дивана и молча выхожу из комнаты.

— Я с тобой еще не закончил, дрянь! — бушует Бруно и бежит за мной.

Не обращаю на него никакого внимания. Сую ноги в ботинки и хватаю куртку.

— Куда ты уходишь? К нему?

Бруно хватает меня за руку и замахивается. Головы в сторону не отвожу, да и не защищаюсь. Он замирает на мгновение, а потом сжимает руку в кулак и выставляет указательный палец, тряся им перед моим носом:

— Так и знай: уйдешь — можешь не возвращаться.

Слезы обиды застилают глаза, но я упрямо их смахиваю. Этот человек перешел все границы, когда опустился до оскорблений.

Очень надеюсь, что он не отыграется на маме за мой побег. Решаю ей позвонить позже. Хватаю рюкзак и выбегаю в темноту.

*Тут понимаю, что если не скажу ей правду,
себя уважать перестану.*

©Глеб Юсупов

Отвожу Ясинью домой и еду в клуб. К себе возвращаться не хочу. Удивительно, но за такое короткое время Яся поселилась не только в душе, но и во всех остальных уголках моей жизни. Как представил, что вернусь в пустую квартиру, так на душу сразу стало тоскливо.

Набрал Кира. Он сказал, что все зависают в «Демоницах» и я поехал туда. Вся компания в сборе. Вокруг Водянова уже привычно вьются две девчонки, сражаясь за его внимание. Левин, развалившись на диване, лениво рассматривает девушек, призывно извивающихся на шестах на сцене. Царев курит кальян и развлекает девиц тем, что выдувает кольца.

— Опа, Глебых! — радостно вопит Кир и подрывается на ноги, чтобы поздороваться.

Девчонки встают вместе с ним, и одна сразу же меняет приоритеты. Она призывно прижимается к моему плечу еле прикрытой какой-то полоской ткани силиконовой грудью. Я, конечно, не святой, но после Яси не то что касаться, смотреть на других девчонок брезгую. А уж трогать подавно не хочу. Меня даже дрожью неприятия прошивает, когда она своим резиновым выменем мне в локоть тычет. Взгляд на нее тяжелый вскидываю, отчего девчонка сразу тушует, но до конца ситуацию не просекает.

— Воу-воу-воу! — ржет Водянов и сам девчонку от меня в сторону отодвигает. — Прости, милая, но у этого парня на яйцах пояс верности висит.

— А может, мы его снимем? — мурлычет вторая, явно не оценив ситуацию, и тоже делает попытку подойти ко мне.

— Не может! — высекаю чересчур весомо и плюхаюсь на диван между Царевичем и Левшой, тем самым не оставляя места для маневра ни одной жаждущей моего внимания девице.

— М-да, Князь, кажется, эта малышка плотно взяла тебя в оборот, — продолжает стебаться Кир, а я предупреждающе смотрю на него.

Мой бро сразу просекает, что тема не для шуток, и кивает головой, давая понять, что уяснил.

— Глеб, ты слышал, что там наш маньячина еще придумал? — возмущенно высекает Царевич.

Поворачиваю голову в его сторону и просто смотрю. Понятно, что вопрос риторический и особо моего ответа не требует. Лишь внимания.

— Он заявил, что в июне мы всей дружной толпой едем в горы сплавиться на байдарках или... каноэ. Хрен знает. Короче, на какой-то херне, — он это с такой неприязнью говорит, словно ему навоз в деревне предлагают из-под коров выгребать.

— Ну, он же каждый год вроде что-то придумывает, — пожимаю плечами.

— Да, Князь, пойми, это же полная антисанитария. Мошки, отсутствие горячей воды и срать под кустом придется! — чуть ли не слюной брызжет Царевич.

Последняя реплика вызывает гомерический хохот, и мы все дружно ржем. Представляю я, как Царевич с собой рюкзак антисептика берет и обрабатывает им десять квадратных метров территории, чтобы задницу туда пристроить.

— Ты, главное, свои кроссы белые за триста баксов не надевай, и норм будет, — с невозмутимым лицом выдает Левша и снова на танцовщиц смотрит.

— И в чем же прикажешь туда ехать? Может, мне еще на рынок за галошами меховым сгонять? — он это на таком серьезе выдает, что мы опять ржать начинаем.

В этом весь Царевич. Брендовый шмот и стерильность — вот его стихии. Все остальное вызывает просто панические атаки. Да тяжело ему в жизни придется!

Закрываю тему с летними приключениями, обвожу всех взглядом и спрашиваю:

— Как подготовка к олимпиаде?

— Продвигается, — басит Левин, и я вижу, как недовольно заостряются его скулы. Так всегда происходит, когда его что-то беспокоит. Неужели терки с ректорской дочкой?

Головой киваю и на Кира смотрю. Тот рожу кривит и раздраженно высекает:

— Мне, конечно, не так повезло, как тебе и Левше, но Григорьева меня хвалит, — а потом передергивает плечами и добавляет, — ну, страшная, твою мать, слов нет!

После его слов Макар Царев вообще фыркает и громко заявляет:

— Страшная? А давай на Конева махнемся. Этот прыщавый очкастый дрищ из меня вообще скоро импотента сделает.

— Чё, Царевич, не стоит на него? — в притворном ужасе с явным подколом спрашивает Водянов.

— Что ты, Кирюша, — не теряется Макар. — Верен тебе одному.

— Сука! — рычит Кир и кидает в того подушкой.

На этом свой долг, как капитана команды считаю исполненным и закрываю тему.

Посидев еще полчаса, понимаю, что мне тут совсем не по кайфу. Парни с девчонками обжимаются, а мне своя нужна. Моя Яся! Встаю с дивана, жму руки и иду на выход. Парни разочарованно гудят и подкалывают, а я им выставляю средний палец и пилю домой.

Лучше один побуду или Яське позвоню. Черт! Превращаюсь в подкаблучника. Но вроде не смертельно. Мне по кайфу, что у меня Ясная девочка есть. Ни за что не поменяю ни на одну яркую телку из прошлой жизни. Все исчезли для меня. Остался только мой Сверчок. Только мой!

С этими мыслями еду домой и поднимаюсь в квартиру. Иду не спеша, периодически заглядывая в телефон в ожидании сообщения от Яси. Только она все не пишет, и это уже начинает напрягать.

Когда выхожу из лифта, чуть на задницу не плюхаюсь. Под моими дверями сидит та, о которой я мысли весь вечер гоняю. Она сидит на полу, обхватив согнутые колени руками и уткнувшись в них лицом.

— Яся? — осторожно за плечо ее трогаю, понимая, что она, кажется, уснула.

Девчонка вскидывает голову и моргает заспанными и зареванными глазами. Какого хрена?

— Яся, что случилось? — приседаю рядом на корточки, а она сразу овивает мою шею руками и хлопает носом. — Тебя обидел кто-то? Что ты молчишь?

Сердце в такой панике заходится от ее слез. А она, словно продолжая мою агонию, только всхлипывает мне в шею и слезами заливает. На руки ее поднимаю и открываю дверь ключом. Заношу девчонку сразу в комнату и начинаю руками ощупывать. Ну вот чего она молчит!

— Яся? — рычу от беспомощности.

Она судорожно выдыхает и вытирает нос рукавом кофты, словно маленький ребенок.

Обнять ее хочется после такого, но я держусь, понимая, что она тогда снова заплачет.

— Кажется, твое желание исполнилось, — судорожно шепчет она и даже смеяться пытается.

— Какое? — ни хрена не понимаю, но честно пытаюсь.

— Я теперь бездомная. Бруно выгнал меня из дома, потому что ему соседи рассказали, что видели, как мы целуемся.

Ноги подкашиваются и я рядом с диваном прямо на пол сажусь.

— И все? — шепчу потрясенно. — Ты из-за этого, что ли, так плачешь?

Она на меня глаза свои мокрые вскидывает и удивленно спрашивает:

— Этого мала? Мне жить негде, — и снова любимое личико искажается от попыток сдержать слезы.

— Ну, блин, ты, Сверчкова, даешь! Я думал, что-то плохое случилось. Чуть инфаркт не словил!

Она плакать перестает и на меня недоуменно смотрит, а потом, громко и судорожно всхлипнув, спрашивает:

— Не случилось?

На ноги подрываюсь и ее поднимаю. В объятиях сжимаю со всей дури и кружить начинаю, а потом радостно воплю:

— Так нет же! Жить есть где. Здесь! Со мной! Это даже лучше, чем я мог себе представить. Думал, тебя на время отпускать ко мне будут, а тебя насовсем отдали?

Яська улыбается и обнимает меня за шею. Но потом, видимо, что-то там придумав в своей светлой голове, решает обломать мне все веселье.

— Я не могу жить у тебя.

— Почему?

— Это неправильно.

— Почему? — нет, я правда не понимаю, что в этом неправильного.

— Потому что у меня нет денег, и я не смогу за себя платить.

Замираю, впадая в ступор, и даже руки чуть разжимаю. Смотрю на нее, как на второе пришествие и сразу не нахожусь, что сказать. А Яся, видимо, по-своему растолковав мое замешательство, продолжает:

— Ты сам студент и сидишь на шее родителей. А тут еще я со своими пробл...

— Так, стоп! Остановись, — наконец, прихожу в себя и пресекаю ее рассуждения. — Во-первых, ни на чьей шее я не сижу уже как с восемнадцати лет. Это моя квартира. Я купил ее на свои заработанные деньги и содержу себя сам. И тебя я буду содержать сам! Это ясно?!

Она смотрит на меня во все глаза и тихонько кивает головой, только в ее взгляде столько вопросов, что решаю сам ответить на несколько.

— Ничем противозаконным я не занимаюсь, если ты об этом подумала. На восемнадцать лет отец Кира уговорил наших родителей подарить нам помещение под клуб. Он предложил его пока поддерживать своими силами, а потом, когда мы будем готовы им управлять, передать в постоянное пользование. Только я предложил другой вариант. Мы продали это помещение и вложили в акции одной маленькой, но хорошо развивающейся компании. Через год мы отбили деньги и вложили в другие проекты. К четвертому курсу каждый из нас имеет то, чем всегда хотел заниматься. У Царева сеть салонов красоты. Левин занимается тачками. Водянов вложил в клубный бизнес отца и получает с него дивиденды.

— А ты? — пораженно шепчет Яся.

— А я продолжаю зарабатывать тем, что вкладываю в предприятия. Покупаю их и перепродаю с большей прибыльностью.

— Так вот откуда ты так хорошо знаешь экономику?

Покорно киваю головой, наконец признаваясь в том, что скрывал от нее столько времени. Тупым я никогда не был. Математику и все точные науки схватываю на лету. А гуманитарные изучаю для души и общего развития. Просто я никогда это не афиширую, прикрываясь личиной эдакого спортсмена с мышцами и минимум интеллекта. Бессовестно пользуюсь этим преимуществом, когда заключаю разного рода сделки. Нельзя недооценивать противника! Но Ясе я врать не хочу, поэтому честно говорю:

— Ну, я, в принципе, и IT-программирование знаю неплохо, да и в философии шарю.

— Так зачем же тогда тебе я?

Хороший вопрос! Смотрю в ее доверчиво распахнутые, но недоуменные глаза, а у самого сердце на полных оборотах махает, пытаюсь проломит грудину. Никогда такого никому не говорил, да в принципе, и не собирался, но тут... Тут понимаю, что если не скажу ей правду, себя уважать перестану. За трусость в первую очередь и за слабость — во вторую. Поэтому, как на соревнованиях, абстрагируюсь от всех посторонних звуков. Сосредотачиваюсь только на ней. В голове идет отчет и... сирена!

— Затем, что я люблю тебя!

Моей бы маме да такого зятя.

©Ясинья Сверчкова

«Затем, что я люблю тебя». Гоняю это признание в голове на повторе бесчисленное количество раз. Глеб Юсупов признался мне в любви. Офигеть!

Правда ответить взаимностью я не успела. После этого признания мы так долго целовались, что губы онемели. Если бы не звонок от мамы, прервавший это безумие, я бы, наверное, сама Глеба изнасиловала. В голове такой шум стоял, что с трудом сообразила, как на телефон ответить:

— Мама?

— Яся, Боже мой, где ты? — плачет в трубку мама и у меня сжимается сердце.

— Я у Глеба, мам, — честно ей отвечаю, потому что врать, как и ругаться, так и не научилась.

— У какого еще Глеба? Яся! Скажи, куда мне приехать, и я заберу тебя! — кричит в трубку родительница.

— Я не поеду домой, мам.

— Почему? — она так удивлена, что даже плакать перестает. — Это из-за Бруно? Он что-то сказал тебе?

Ее голос срывается, и в нем тут же появляются стальные нотки. Мама родила меня, когда ей только исполнилось семнадцать лет. Отец, сын эмигрантов, доучивался на последнем курсе университете и, встретив ее, влюбился. В Дрезден он привез ее уже беременной мной. Его родители не очень были рады такой партии для сына. Еще бы. Мама — сирота, выросшая в детском доме. Еще зеленая совсем, а уже на сносях. Но папа Альберт Крикет, а по-русски Сверчков, был непреклонен. И его родители вроде даже смирились. Поселили молодых в маленькую квартирку и помогли, пока те не встали на ноги.

Папа погиб, когда мне было пять лет. Не помню, что случилось, да и мама не любит об этом рассказывать. Только его не стало. Так же, как и его родителей. Мама в двадцать два осталась с маленьким больным ребенком на руках без средств к существованию. Работала ночами посудомойкой. Мыла полы и делала любую работу, за которую платили хоть какие-то деньги.

Потом подвернулось место младшим помощником, а точнее девочкой на побегушках в одной компании. Там мама встретила Бруно. Маргарита Крикет, красивая молодая женщина, почти еще девчонка. Когда Бруно увидел ее, сразу влюбился. Он тогда только пережил расставание. Его жена узнала, что он не может иметь детей, и подала на развод. Тогда Бруно начал подкатывать к маме. Он так красиво ухаживал. Цветы, подарки, знаки внимания различные ей, а главное мне, что она сдалась. Свадьбу сыграли быстро, а потом Бруно показал свой характер. Нет, он не был ко мне жесток, но полюбить не смог. А мама, хоть и не простила ему этого в душе, на деле своей обиды не показывала. Потому что я сильно болела, и мои приступы постоянно повторялись. Ей просто нужна была помощь в чужой стране.

Она полностью под него перестроила свою жизнь. Стала более уважаемой, утонченной. Прекрасней жены Штольц и представить себе не мог. Но чем больше она старалась, тем больше он от нее требовал.

Если бы не моя болезнь, она давно бы уже ушла от этого человека. Все эти годы она терпела его придирки к себе. Но если он позволял какие-то высказывания на мой счет, Маргарита Крикет становилась грозной, непреклонной львицей, готовой горло перегрызть любому за свое дитя. Чтобы не нагнетать ситуацию, я никогда не провоцировала Бруно, а он взамен полностью игнорировал меня. До сегодняшнего дня!

— Мам! — выдыхаю в трубку, собираясь, как всегда урегулировать и этот конфликт. — Дело не в Бруно. Просто... Я влюбилась, мам. Глеб... Он хороший и... Пожалуйста, позволи мне остаться.

— Яся, милая моя! Ну куда же ты так спешишь? — стонет в трубку мама, но по ее голосу сразу понимаю, что она признает такую постановку вопроса. А потом, тяжело выдохнув, произносит, — ты вся в меня. Такая же наивная дурочка.

— Мам, Глеб не такой...

— Да, да, мой маленький Сверчок. Конечно, не такой. Лучший! — уже даже пытается шутить. — Но если он обидит тебя, я этого Глеба живьем закопаю. Ты меня знаешь!

— Знаю, мам, — улыбаюсь в трубку, — а еще люблю. Ты береги себя. Скоро увидимся.

— Увидимся, моя родная, — тихий выдох и гудки.

Сказать, что мне легко дается этот разговор, увы, я не могу. Но на душе становится чуточку лучше. Из-за всех этих переживаний к ночи ужасно начинает болеть голова. Утыкаюсь носом в шею Глеба, крепко обнимаю и тут же проваливаюсь в тревожный сон. Впереди новый день, и еще нужно решить вопрос с моими вещами. Мне даже переодеться не во что.

Только утро добрым, как оказывается, не бывает. Просыпаюсь я не только от головной боли, но и от ужасных спазмов в животе. Соскакиваю с кровати, бегом лечу в ванную и обнаруживаю, что у меня начались месячные. Сажу на унитазе и готовлюсь разрыдаться. Вот прямо самое время!

В рюкзаке дежурная прокладка, и даже белья запасного нет. Идеальное гадкое утро!

— Ясь, у тебя все хорошо? — слышу сонный, обеспокоенный голос Юсупова.

А меня такой волной боли закручивает, что я даже ответить не могу. Лишь зубы сжимаю и сквозь них тихонько стону.

— Так, я вхожу! — орет уже совсем проснувшийся Глеб и начинает открывать дверь.

— Нет! — кричу во все легкие, с трудом представляя, как я вообще отсюда выйду.

— В смысле, «нет»? Тебе плохо? Ингалятор нужен? Твою мать! Яська, если ты мне сейчас не ответишь, я захожу.

— О Боже! — хочется зареветь, а еще в унитаз провалиться и на прощание кнопку слива нажать. — У меня начались месячные, — все же решаюсь открыть страшную тайну. — Мне нужен мой рюкзак.

Слышу громкий выдох, а потом отборный трехэтажный мат, от которого краснею еще сильнее. Буквально через пару минут Глеб стучит в дверь и каким-то сдавленным голосом, словно пытается сдержать смех, спрашивает:

— Я принес твой рюкзак. Теперь зайти можно?

— Нет!

— Яся!

— Глеб!

Так и орем друг другу через дверь. В конце концов, осознав патовость ситуации, Юсупов не выдерживает, приоткрывает дверь и, просунув руку, кидает мне рюкзак.

— Еще что-нибудь нужно? — тихо спрашивает он, когда я начинаю копать в поисках прокладки и недовольно пыхтеть от его произвола.

— Да, — бурчу себе под нос возмущенно. — Чистые трусы.

Недолгая пауза, дверь снова приоткрывается и оттуда, как по волшебству, появляется рука с трусами. Мужскими!

— Могу предложить только свои, — и снова в голосе смех.

— Как будто у меня есть выбор, — продолжаю бубнить, но трусы беру.

Привожу себя в порядок, привычно чищу зубы щеткой Глеба и захожу в спальню. Юсупов сидит на кровати в ожидании меня, подперев голову рукой.

— Ясь, ты как? — наконец спрашивает он, когда я молча огибаю его, забираюсь на кровать и заворачиваюсь в одеяло с головой.

— Сейчас полежу чуть-чуть, потом умру, а потом пойду в аптеку, — тихо выдаю и закрываю глаза от боли и стыда.

Живот скручивает и сразу отдает в поясницу, отчего я скриплю зубами и тихо пыхчу. Юсупов молча ложится рядом и начинает мне гладить по спине своей широкой теплой ладонью. Мне сразу так хорошо становится, что я мгновенно проваливаюсь в сон.

В следующий раз открываю глаза, когда Глеб целует меня в лоб и шепчет, что поехал на тренировку, а я, чтобы сегодня оставалась дома и не смела никуда выходить. Послушно киваю головой и снова засыпаю.

Окончательно просыпаюсь и сажусь на кровати. В квартире тишина, а на часах час дня. Ничего себе, я сегодня проспала. Хотя чего тут удивляться: когда у меня первый день месячных, я вообще не человек. Понимаю, что надо бежать в аптеку, и свешиваю ноги с кровати. Задеваю какой-то пакет и с удивлением в него заглядываю. Там, как в хорошем магазине, весь набор прокладок, который только можно представить. Боже, Юсупов ради меня аптеку ограбил? Еще нахожу несколько видов обезболивающих таблеток и три плитки темного шоколада. Именно тот, который я могу есть.

— Моей бы маме да такого зятя, — шепчу задумчиво и топаю в ванную.

Теперь точно можно жить. Жаль, трусов нет, но как выяснилось, и у Глеба занять можно. Как, впрочем, и длинную футболку, которую я надеваю, как домашнее платье. Немного прибираюсь в комнате, топаю на кухню и выпиваю таблетки. На плите даже завтрак стоит и записка «люблю тебя, Ясная». Настроение сразу в гору идет, и я с удовольствием уплетаю яичницу с овощами. Хотя это уже сойдет за обед.

По времени понимаю, что Глеб приедет где-то через пару часов и решаю приготовить нам ужин. Тоже хочу его порадовать. А еще очень хочу ему ответить на признание. Вон он уже целых два раза сказал. А я?

Увлекаюсь готовкой и уборкой, когда раздается звонок в дверь. Странно, может это Глеб раньше приехал. Открываю дверь, а на пороге стоит красивая статная женщина, отдаленно мне кого-то напоминая.

— Ну, здравствуй, Ясинья Крикет, — с довольной улыбкой выдает она и оценивающе меня осматривает.

— Здравствуйте... — удивляюсь, конечно, откуда она меня знает, а еще тому, почему так нагло смотрит.

— Лилия Константиновна. Я мама Глеба.

Так вот кого она мне напоминает!

— Проходите...

Лучше сдохнуть, чем ее лишиться.

©Глеб Юсупов

Никогда так рьяно не спешил домой. Даже когда оплатил последний взнос за квартиру и получил ключи, наконец осознав, что свободен от родительского влияния в финансовом вопросе. Сейчас, когда дома меня ждет моя Ясная, бегу туда на всех парах.

Хочется порадовать Яську чем-нибудь приятным. Мог бы купить цветы, да знаю, что она чихать будет от них весь вечер. Поэтому заскакиваю в сувенирный и покупаю большого плюшевого медведя. Возможно, банально, но ничего другого просто в голову не приходит.

Пру этого медведя подмышкой, желая вручить той единственной, от которой трещит мое сердце, как сумасшедшее, разбиваясь в хлам. Немного удивляюсь, что замок закрыт всего на один оборот. Странно! Точно помню, что когда уходил, закрывал на все.

В коридоре стоят чужие туфли. Вернее, не совсем чужие. Они принадлежат той женщине, которая меня родила.

Какого хрена?!

— Мама! Что ты здесь делаешь? — с ходу задаю вопрос, как только оказываюсь на кухне.

Там просто картина маслом. Моя мать, подобно королеве с царской осанкой, восседает во главе стола с чашкой чая в руках. Рядом сидит, скромно потупив глаза, Ясинья и судорожно обхватив свою чашку руками, выглядит явно смущенной. На девчонке лишь моя футболка, и оттого она явно тушует рядом с разодетой в дорогие тряпки матерью.

— Пью чай, сынок, — чуть вздрогнув от моего тона, но быстро взяв себя в руки, отвечает мама.

— Я спрашиваю, что ты делаешь в моей квартире? — таким жестким тоном высекаю, что у моей малышки глаза на лице распахиваются и становятся размером с футбольное поле.

— Решила проверить, как поживает мой сын, — расправив плечи, но явно пасуя, отвечает мама. — Я что, не могу узнать, как у тебя дела?

Потом она явно осознает тот момент, что при Ясе я сдерживаю все те эпитеты, которые мог употребить в данной ситуации, смелеет и произносит:

— Пришла сообщить тебе лично. Тот вопрос, что мы обсуждали, решен. И через неделю придут лекарства для...

— Ты могла мне все это по телефону сообщить, — перебиваю ее сразу же, чтобы она ничего лишнего не наговорила. — Тебе пора!

— Глеб! — встречает тут же Ясинья пронзив меня возмущенным взглядом.

Мать замирает и с нажимом смотрит мне в глаза. Только она знает, что не хрена это не действует. Больше не действует. Хрущу шейными позвонками и делаю шаг в сторону всем своим видом демонстрируя, что ей пора на выход.

Ясная уже рот открывает, чтобы возразить, но тут мать понимает, что сейчас будет плохо всем, и поднимается.

— На самом деле Глеб прав. Засиделась, а у меня еще дела. Рада была познакомиться, Ясинья.

Мать неловко пожимает плечами и устремляется в прихожую. Сует ноги в свои шикарные дорогие туфли и разворачивается к двери.

— Очень симпатичная девушка, — предпринимает она попытку высказать свое одобрение моим выбором.

— Не надо, мам, — руки в карманы штанов сую и чувствую, как по позвоночнику проходит волна возмущения. — Имени ее даже в слух не произноси, — сиплю тихо, но внушительно, сразу пресекая все ее попытки строить из себя участливую мамашу. — Не приходи сюда больше. Сам приеду и все заберу, когда время придет.

Мать понимает все без лишних слов. Кивает головой и, натужно улыбнувшись, уходит прочь. Она никогда до этого не приходила в мою квартиру. Чем я живу, ее не особо волновало. Но тут пришла! Из-за Яси! И меня так это злит, что готов что-нибудь сломать.

— Глеб, что это было? — выдыхает за моей спиной Ясинья. — Почему ты так разговаривал со своей мамой?

Резко оборачиваюсь и смотрю в глаза той, которую полюбил. Единственную за всю свою жизнь. Никогда прежде не испытывал подобного преклонения перед живым существом. Женщиной! Она мой ангел, посланный уж в награду или на беду, не знаю. Но за ее чистоту я буду бороться до конца. Не допущу, чтобы ее коснулась грязь, в которой погрязли мои родители. Ни хочу, чтобы она с ними одним воздухом дышала, не то чтобы на одной планете находилась.

Подхожу к девчонке вплотную. Ладонями лицо любимое зажимаю и лбом в переносицу упираюсь.

— Никогда! Слышишь? Никогда не разговаривай с этой женщиной. Нужно будет: на другую сторону улицы при виде нее переходи, — шепчу вроде, а из нутра такие звуки страшные вырываются, что у Яси глаза сразу слезами наполняются. — Эта женщина... она не мама. Она... Ни хочу, чтобы она пятнала даже твою тень своим присутствием.

Яська сразу плакать начинает, но головой послушно кивает. По моему распатанному состоянию понимает, что спорить нельзя. Она руками меня обхватывает, а потом запрыгивает и ногами овивает. Жметя ко мне со всей силы и носом хлюпает.

— У тебя такие глаза страшные были, — плачет она и по голове меня гладит. — Я испугалась.

Мне кажется, разожми я руки, она даже не почувствует это. Так на мне висеть и останется. Она так вцепилась, словно внутрь меня залезть пытается. Только четко понимаю, что никогда руки свои не разожму. Лучше сдохнуть, чем ее лишиться.

Девчонка моя замирает на мгновение и плакать вдруг перестает.

— Ой, а кто это? — с восторгом шепчет она, все еще всхлипывая, и смотрит куда-то в сторону.

Вспоминаю, что я медведя на тумбочке в прихожей оставил, которого ей купил. Он там с трудом уместился, но сидит. Ждет своей участи.

— А это, — с трудом выдыхаю, словно снова чешуей обрастаю, и, принимая беззаботный тон, выдаю, — а это тебе вместо цветов.

За ухо медведя беру и ей протягиваю. Яська ноги спускает с меня и обхватывает мехового монстра руками. Он чуть меньше ее в высоту и раза в полтора больше в ширину.

— Это лучше цветов! — пищит она от восторга и прижимает к себе Потапыча.

А у меня сердце в груди заходится. Понимаю, что ревную даже к медведю этому гребаному. Бесит меня, что она его обнимает, а меня нет. Руки уже тяну, чтобы отнять и подальше свой подарок закинуть. Только Яська мой маневр просекает. Каким-то чудом засунув плюшевого за спину, назад пятится и сквозь слезы смеется:

— Нет, он мой, — а потом запинается и на него заваливаться начинает.

Ловлю обоих и к себе со всей дури прижимаю. Этот момент навсегда в моем сознании, словно клеймо, запечатлевается как один из самых значимых. Ведь именно после него начинается отчет всех наших последних дней «вместе». Только мы этого еще не знаем и наслаждаемся каждым мгновением.

— Я тебе ужин приготовила, — шепчет Ясинья, когда я ее руками загибаю и к себе прижимаю.

Звучит так, будто я в гребаном Раю очутился. Любимая девушка шепчет какие-то невероятно уютные слова. Впервые ощущаю себя действительно дома. Там, где меня ждут и... Любят?

Только сейчас до меня доходит, что Яся мне так и не сказала слов любви. Может, не готова еще? Так я подожду. Столько, сколько ей понадобится. Потому что четко понимаю в этот момент, когда грудную клетку от чувств и эмоций словно снарядам всю раскурочивает: Ясинья — мой компас в море грязи и предательства. Который верной дорогой ведет меня к свету. Домой! Который не предаст и не подведет. Потому что я никогда не предаю и не подведу ее! И эту клятву в своем сердце, как священный скрижаль, выбиваю навечно!

*И это самое волнительное,
что со мной когда-либо происходило.*

©Глеб Юсупов

— Ну что, готова? — спрашиваю, наверное, уже в тысячный раз и поправляю очки для плавания на любимом милком личике.

Сегодня Яся сдает зачет у Роднина. Ну как сдает? Я тренера сразу честно предупредил, что если он у нее не примет, даже если девчонка и двух метров проплыть не сможет, то на олимпиаду я просто не приду. Яська, конечно же, ничего об этом не знает, поэтому нервничает. Глупышка!

Едва их группа заходит в воду, сигнал Водянову подаю, и тот ныряет на дно. Он хоть перед этим и закатывает недовольно глаза, но свою задачу выполняет четко. Мы с Царевым на старте всех отправляем и страхуем. Ясинья, как и договаривались, в первых рядах идет. Вижу, что нервничает, но мне продолжает улыбаться, как солнце. Ясная моя!

Роднин тоже глаза закатывает, когда дует в свисток, и Яся начинает плыть. Девчонка старается. Несколько раз задница норовит под воду утянуть, но она упорно толкает ее наверх и плывет. На финише стоит Левин и контролирует всех участников заплыва. Ильюха тоже в курсе, что у Яськи проблемы с торможением, поэтому поддевает ее тихонько под колени рукой и безопасно позволяет ухватиться за бортик. Она, радостная, вылетает из воды и хлопает в ладоши, а Роднин на весь бассейн довольно басит:

— Вот учитеесь, барышни. По новой методике Юсупова, Сверчкова за две недели все зачеты у меня сдала.

Вокруг раздаются хохот и подколы и даже Ясинья смеется, глядя на меня.

— А когда можно будет записаться к Юсупову на индивидуальные занятия? — начинают ехидничать некоторые особо отчаянные девицы.

— Разговорчики! — тут же обрывает грубо Роднин, а потом с явным сарказмом выдает, — там у Сверчковой безлимитный абонемент.

— Я бы сказал, пожизненный, — бубню себе под нос, видя, как краснеет Яська.

Дальше плывет Кравцова. Дочка ректора. Мелкая она, но юркая. На воде держится уверенно и быстро доплывает до Левина. Там мы наблюдаем странную картину. Ильюха обхватывает Таисию за талию и прижимает к себе. Буквально протаскивает ее по всему своему телу, вынимает из воды и ставит ногами на бортик. Та вся краснеет и словно деревенеет. Отскакивает от Левши как можно дальше и подбегает к Ясе.

— Кравцова сдала. Следующая, — басит Роднин, делая вид, что ничего странного его спортсмен себе не позволяет, а сам брови сводит к носу и глаза щурит.

— Что это было? — тихо присвистывает Водянов, когда рядом с нами выныривает.

— Так и знал, что в воду много хлорки льют, — решает схохмить Царевич и, глядя на Водяного большими глазами, зловеще шепчет, — сначала Князь, теперь Левша. Кто из нас следующий?

— Вот ты debil, Макарка, все-таки! — чуть ли не плюется Кир и отплывает от нас подальше.

Закончив все занятия, едем домой. Сегодня еще в пять вечера университетская олимпиада, и можно будет, наконец, расслабиться. Яська довольная, улыбается от уха до уха

постоянно, а я просто ей люблюсь.

Уже неделю, как она живет у меня. Мать Яси привезла ей вещи, и теперь мы делим шкаф пополам. И это самое волнительное, что со мной когда-либо происходило.

Не шкаф, конечно!

А то, как мы взаимодействуем вместе. Яська упорно продолжает чистить зубы моей щеткой, хотя мы уже давно ей купили девчачью. Розовую! А еще она продолжает таскать мои футболки и трусы. Последнее меня особо забавляет. Под ее безразмерные джинсы они помещаются без проблем, и она начала надевать их даже на занятия.

Пришлось пресечь этот беспредел. Затащил ее как-то в магазин и заставил обновить гардероб. Девчонка долго сопротивлялась, даже дулась, но я нашел к ней подход. Яську все еще напрягало, что я трачу свои деньги на нее, но тут мы вроде тоже договорились. Я полностью переложил на нее миссию уборки и готовки, и Яся успокоилась.

Зато теперь моя девочка выглядит стильно, модно и офигенно сексуально. Последнее мне не очень нравится, поэтому приходится сразу жестко пресекать все похотливо-обращенные на нее взгляды. Только вот Сверчок мой совсем ничего такого не замечает. Она смеется и говорит, что я сам это придумываю. И от этого меня прет особенно сильно. Яся моя. И душой и телом. Правда, за это время она так и не призналась в своих чувствах, а я так и не сделал ее женщиной.

Мне нравится ее невинность.

Каждый раз, когда думаю, что скоро придут лекарства и я больше не смогу оттягивать наш момент сближения, нервничаю.

Я хочу ее больше всех на свете.

Касаться ее. Ласкать. Чувствовать обнаженную. Чтобы кожа к коже. Мне это жизненно необходимо. Но вот последний шаг я совершить все так и не решаюсь. Она чиста, как ангел. Мой ангел. И я хочу запачкать ее так же сильно, как и сражаться с самим собой за ее невинность.

— Ну, ты готов? — инструктирует меня Яся, когда мы собираемся выехать. На этот раз на территорию олимпийцев.

Ясная суетится, бегаёт, все время чего-то ищет. Наблюдаю за ее приготовлениями и улыбаюсь. Смешная она. И красивая. В трикотажном платье, которое облегает ее фигуру. Оно закрытое под самое горло, но на ноге провокационный разрез. Слишком женственное и сексуальное.

И как я согласился на его покупку?

Хотя знаю как. В тот день Яся решила, что двум смертям не бывать, и раз уж мы покупаем новую одежду, брала все то, что в обычной жизни никогда бы не решилась купить. Там еще ее сумасшедшая подружка Люсиль постоянно визжала в трубку «бери» и в какой-то момент я поплыл. Яська крутилась передо мной, как модель на подиуме, и я только послушно подносил телефон к терминалу.

Пережить мне этот шопинг помог королевский ужин и просто охренительный минет. Яська решила выпендриться и заявила, что раз она содержанка, то будет отрабатывать на коленях. В ушах зашумело от ее наглого заявления. Наказал! По жопе нахлопал так, что она потом сидеть весь вечер не могла. Но минет сделать все же пришлось. Правда, на моих условиях. Позу шестьдесят девять осваивали.

— Ясь, ты долго будешь мельтешить? Нам ехать пора! — воплю, стоя в коридоре и жду, когда она, наконец, наденет обувь и мы выйдем.

— Не могу паспорт найти. Он, наверное, у предков остался. А мне завтра нужно его в деканат срочно отнести, чтобы учебники получить, — пыхтит расстроено девчонка и начинает натягивать ботинки на ноги.

Пока пальто ей помогаю одеть, спокойно предлагаю:

— В чем проблема? После олимпиады заедем и возьмешь.

— Ты прав, — тут же улыбается она. — Нет проблем.

В университет к олимпийцам попадаем вовремя. Хоть те и бахвалятся, удельываем их, словно щенков. Особенно смешно получается, когда на конкурсе капитанов начинают задавать блиц-вопросы. Ведущий не успевает вопрос озвучить, а я уже ответы выдаю.

Вспоминаю, как мы этот блиц с Яськой в постели практиковали. Она вопросами сыпала и дрочила мне, а я отвечал. Как только заминался, она прекращала. Так я все мигом запомнил.

Глаза на нее в момент ответа поднимаю и брови дугой выгибаю, вспоминая, как она поощряла меня своими пухлыми губами. Яська на трибунах красная сидит, как помидорина, но довольно улыбается.

Роднин так вообще раздувается, как индюк напыщенный. Он, словно гордый отец, сидит, сложив руки на груди и только снисходительно кивает головой. В общем, шансы если у противоборствующей команды в воде еще были, то на суше они продувают в сухую.

— Так, все в бар! — вопит Водянов на кураже и уже зажимает девчонку из команды олимпийцев. — Там батя нам поляну накрыл!

Все радостно улюлюкают и идут к своим тачкам.

— Кир, — кричу, когда мы подходим к своей машине. — Нам надо за паспортом к Ясиным родителям заехать. Мы позже будем.

— Ок, только давайте быстрее, — довольно орет он в ответ. — Сверчок, там уже шоты стынут.

— Придурок! — головой качаю и завожу мотор.

Яська довольная, что-то лепечет, восхищаясь нашей общей победой. Парни действительно постарались и подготовились. Роднин на радостях даже разрешает завтра тренировку пропустить.

— Странно, мама трубку не берет, — выдыхает Ясная и поворачивается ко мне, когда паркуюсь у ее дома. — Ладно, сейчас быстро сбегаю и поедем отмечать.

Она сияет, а я откровенно ей люблюсь. Моя! Яська выходит из машины и заходит в дом. Тихонько выбиваю пальцами в так музыке, льющейся из динамиков, и неосознанно веду взглядом по окнам дома. Вижу, как загорается окно в ее бывшей комнате и почему-то улыбаюсь. Наверное, потому, что это место и правда осталось лишь в ее воспоминаниях. Теперь ее дом рядом со мной!

Замечаю женский силуэт в окне, а потом рядом второй и явно мужской. Хмурю брови и наклоняюсь чуть вперед, чтобы стало лучше видно. Силуэты передвигаются по комнате, но как-то слишком быстро. Вдруг девушка поднимает руку, а мужчина замахивается и бьет ее наотмашь по лицу.

Мозг отключается сразу. Выскакиваю из машины и на всех порах влетаю в дом. Забегаю на второй этаж с одним желанием — убивать. Толкаю первую дверь, потом вторую и вижу, как плачет Ясинья, а ее отчим трясет ее за плечи и что-то орет на немецком. Дальше вообще помню все урывками. Хватаю его за шиворот и кидаю об стену. Яська кричит и пытается меня оттащить от этого упыря, только все, что я делаю, так это вбиваю свои кулаки в его

окровавленную рожу. До тех пор, пока он не отключается!

*За эту ночь я умирала и воскресала,
наверное, раз сто.*

© Ясинья Сверчкова

— Повторите еще раз. Где вы были в момент нападения Юсупова на вашего отчима? — Наверное, уже в тысячный раз задает один и тот же вопрос следователь Стрижов.

В отделении я провела почти всю ночь. Соседи, услышав шум, вызвали полицию. Бруно увезли в больницу, а Глеба в отделение. И вот уже часов шесть подряд этот человек по фамилии Стрижов задает мне одни и те же вопросы.

— Глеб лишь хотел защитить меня, — устало шепчу в ответ и хватаюсь за ингалятор. — Бруно ударил меня и Глеб...

— Ясинья Альбертовна, вы же сами говорили, что ваш любовник оставался в машине, когда вы поднялись в дом. Откуда он мог знать, что отчим вас ударил?

Прыскаю ингалятором в рот и понимаю, что он пустой. За эту ночь я умирала и воскресала, наверное, раз сто. Меня все еще трясло и колотило от того панического ужаса, который я испытала, когда Глеба скрутили и, надев наручники, затолкали в служебную машину.

— Мой парень увидел это в окно, — продолжаю объяснять, казалось бы, очевидные вещи.

Этот следователь словно специально произносит какие-то неправильные вещи. Ваш «любовник», «сожитель»! Эти слова сегодня слышу много раз. Словно наши отношения являются чем-то грязным и недопустимым.

— Ясинья Альбертовна, мы проводили следственный эксперимент, в котором четко удалось установить, что ваш ПАРЕНЬ, — Стрижов специально выделяет интонациями последнее слово, — не мог ничего видеть в окно, так как оно было закрыто шторами.

Господи, когда это закончится? Твержу уже шестой час, что он мог увидеть силуэт, тень или еще что-то. Факт заключался в том, что Глеб, как всегда, хотел лишь защитить меня. Да, возможно, он превысил силу. Был излишне агрессивен. Но Юсупов с самого начала так реагировал на любую угрозу моим здоровью и безопасности.

— Когда вы нас отпустите? — хриплю, чувствуя, как в легких заканчивается кислород. — Когда я смогу увидеть Глеба и сможем уйти домой?

Голос срывается, и из глаз проливаются слезы усталости. Мысли не допускаю, что Юсупова не отпустят. Мне все еще кажется, что вот-вот этот ужас закончится и мы, наконец, начнем праздновать нашу сегодняшнюю общую победу.

— Видите ли, Ясинья, — вдруг сочувственно выдыхает Стрижов, — тот, кого вы так рьяно защищаете весь вечер, никто иной, как рецидивист.

Поднимаю взгляд на следователя и решаю вцепиться в его скорбную физиономию ногтями. Пускай меня тоже заберут. Пускай! Только бы позволили находиться рядом с Глебом. Хочу в его надежные объятия. В которых мне никогда ничего не страшно.

Без него я задыхаюсь.

В сумке лежит последний ингалятор, после которого моя жизнь пойдет на счет. Но я не хочу даже думать об этом. Потому что без Глеба я вообще думать не хочу. Меня словно обесточили. И следующий мой вздох случится только рядом с ним.

— Вы думаете, он такой хороший? — снова давит следователь, а я лишь поднимаю на него уставший, потяжелевший взгляд. — Да знаете ли вы, Яся, откуда у вашего молодого человека это прозвище? Князь!

Судорожный вздох и снова смотрю на человека, который явно хочет причинить Глебу вред. Четко понимаю, что должна выстоять. Ради Глеба. Ради всего, что он сделал для меня. Ради моей любви к нему.

— Его фамилия Юсупов. По-моему, здесь все очевидно, — мой голос отчего-то звучит тихо, но не менее уверенно.

— Да-да, — снисходительно улыбается Стрижов. — Все так думают. Но на самом деле Юсупов получил прозвище «Князь» на первом курсе университета. Если быть точнее, то его полное прозвище звучит как «Князь Тьмы». Ваш молодой человек, Яся, участвовал в уличных боях с шестнадцати лет. Именно там он научился махать кулаками. Более того, он организовал банду, которая кошмарила весь институт. Все закончилось два года назад, когда погибла его любовница Юлия Лапина. Юсупов организовал вендетту, и в уличной гонке погибли два парня, которых обвинили в том, чего они не делали. Тогда нам не удалось собрать достаточно доказательств, но сейчас мы наконец-то его закроем. Тяжкое причинение здоровью. Срок до восьми лет.

— Что? — из меня хрип вырывается, и в глазах темнеет.

Все бы ничего, но следователь еще и сигарету закуривает. Уже четвертую по счету. Он словно добивает меня не только словами, но и своими действиями.

— А так вы не знали? — продолжает глумиться он, неправильно истолковав мой потрясенный возглас. — Ну так спросите. Он наверняка вам расскажет, как организовал убийство двух ни в чем неповинных подростков.

Мне кажется, что я теряю сознание. Глаза непроизвольно закатываются, и я начинаю съезжать по стулу.

— Какого, мать твою черта тут происходит? — слышу возмущенный, но отдаленно знакомый голос. Чувствую, как меня подхватывают на руки и выносят из кабинета. — Стрижов, ты охренел?

Дальше какие-то голоса и снова ингалятор у моего рта.

— Сверчок, ты держись. Слышишь? Нам за тебя Князь головы оторвет, — над ухом дребезжит встревоженный голос Кирилла Водянова.

— Кир! — начинаю рыдать и вцепляюсь в его куртку, — там Глеб. Его нужно вытащить. Все из-за меня.

Водянов гладит меня по голове и шепчет слова утешения. Только по его голосу понимаю, что сам он не чувствует спокойствия. Сквозь слезы и рыдания вижу мрачные лица Макара Царева и Ильи Левина. Они не смотрят на меня. Все нервно отводят взгляд в сторону, словно я прокаженная.

Потом Кирилл мне говорит, что его отец с адвокатом у следователя. И они все разрулят. Как всегда. Только вот после сорока минут ожидания Андрей Алексеевич выходит мрачнее тучи и отрицательно качает головой.

— Что... Что происходит? — удается выдохнуть через онемевшие губы.

— Твой отчим — гражданин другой страны. Если Штольц выдвинет обвинения, Глеба будут судить, — жестко высекает он и плотно сжимает челюсть.

Когда смысл его слов доходит до меня, начинаю орать в голос. Требую, чтобы меня пустили к Глебу и от отчаяния предлагаю взять всю вину на себя. Как меня не успокаивают,

я не могу прекратить этот вой. В конечном итоге из-за истерики дыхание перестает поступать в мои легкие, и я просто отключаюсь.

В следующий раз прихожу в себя в квартире Глеба. Здесь все, как и было до нашего отъезда. Я в кровати, все в той же одежде, только босиком. Долго не могу сообразить, что произошло, но когда воспоминания накрывают меня, тихонько начинаю скулить. Молюсь, чтобы весь этот ужас мне только приснился, и вылетаю на лестницу. Практически кубарем слетаю с нее и замираю.

На диване дремлет Кирилл Водянов. Больше никого нет. Он резко распахивает глаза и подпрыгивает на ноги, когда я задеваю плечом за перила и громко стону.

— Кир, где он? — плачу навзрыд и снова чувствую, как кислород покидает мои легкие.

Глаза закатываются и все, что успеваю услышать, так встревоженный и уставший голос Водяного:

— Да твою же мать!

Следующее пробуждение проходит снова в кровати. Понимаю, что одета в пижаму, и радостно сажусь на постели. Только Юсупов мог позаботиться и переодеть меня. Но меня настигает жесткое разочарование, когда в изножье кровати вижу свою маму.

— Мама? Где Глеб? — этот вопрос я готова задавать каждому, но мне почему-то на него никто не отвечает.

Мама присаживается рядом и гладит своей рукой по моим волосам. Она выглядит уставшей и осунувшейся, но смотрит на меня с неизменной любовью.

— Яся, мы должны вернуться домой, — произносит она совсем не те слова, которые я хочу слышать.

— Нет! Без Глеба я никуда не уйду, — сразу обрываю ее, не желая даже двигаться без него.

— Яся...

— Мама, Бруно ударил меня. Глеб лишь хотел защитить. Он не виноват...

— Малышка моя, — гладит по щеке мама и вытирает беспрерывно бегущие слезы. — Бруно выставил условия.

— Какие? — голос обрывается, но я во все глаза смотрю на маму.

Чтобы не предложил этот человек, я соглашусь. Хоть в Ад, хоть под поезд. Лишь бы Глеба выпустили из этого ужасного места.

— Бруно согласен забрать заявление, если ты вернешься домой, а Глеб...

Она замолкает, а у меня сердце обрывается. Почему молчит? Почему так мучает меня?

— Его родители заключили с Бруно сделку. Если Глеб покинет страну и уедет на год, то он не будет выдвигать обвинения.

— Хорошо! Конечно! — радостно выдыхаю.

Да что угодно, если с Юсупова отпустят. Год — это ничто! Я буду ждать столько, сколько надо.

— Ты должна с ним расстаться, Яся. Глеб должен думать, что ты сама, по своей воле бросила его. Это тоже его условие.

— Что?

— Мне жаль, малыш!

Вся я без остатка принадлежала только Юсупову.

©Ясинья Сверчкова

«Ты, должна прервать любые отношения с Юсуповым. Не звонить, не писать, не разговаривать. Любые его попытки выйти на контакт жестко пресекать. Я не заставляю тебя бросить университет, но настоятельно рекомендую за год его отсутствия подыскать вариант для перевода. Этот щенок должен верить, что ты сама решила бросить его. Говори ему что угодно, но он должен уехать из этого города. Иначе я пушу в ход свое заявление, и его закроют очень надолго!».

Все эти условия, которые мне выставил как ультиматум Бруно Штольц, я прокручиваю в своей голове долго и тщательно.

Пока существует хоть малейшая угроза свободе Глеба, я буду скакать под дудку отчима. Пускай запрет меня дома. Да хоть убьет. Все, что угодно, лишь бы Юсупова освободили.

Когда стороны договорились, Глеба отпустили под домашний арест. Меня к тому времени в квартире уже не было. Забрала лишь свои вещи, которые привезла мне мама. Все остальное рука не поднялась увезти. Они мне больше не принадлежали. Как и Глеб! Наша прекрасная сказка разбилась о суровую действительность.

Единственный человек, которого я полюбила. Единственный, с которым хотела встречать все свои рассветы и провожать закаты. Моя первая и единственная любовь.

А я ведь так и не призналась ему в своих чувствах. Казалось бы, три простых слова. В чем сложность произнести их? Все думала, что успею. Скажу в какой-то особенный момент. Но он так и не наступил.

Если я сейчас признаюсь Глебу в том, что люблю его — он не уедет. Знаю его. Он будет сражаться до конца и в конце концов проиграет. А я не могу из-за своей слабости дать ему надежду на то, что мы когда-нибудь будем вместе. Не ценой его свободы.

Юсупов продолжал постоянно звонить и писать. Не брала трубку. Не открывала сообщения. Знала, что если отвечу, то пропаду. Он сразу поймет, что я все так же стремлюсь к нему, как к своему свету. Как к источнику жизни. Глеб звонил так настойчиво, что мне пришлось его заблокировать везде, где только можно. На занятия не ходила, да и из дома тоже не выходила. Ждала, когда он уедет. Чтобы не сорваться. Не дать себе шанс все испортить!

Все, что я делала, это лежала в своей комнате и плакала. Дошло до того, что мой организм перестал принимать нормально пищу. Меня словно отключили от источника питания. Моими вечными спутниками стали носовые платки и бесчисленное количество ингаляторов.

Пока Бруно находился в больнице, мама от отчаяния позвонила Люсиль и Тилью. Друзья сразу же откликнулись. Приехали. Они просто сидели рядом с моей кроватью и молчали, потому что молчала я. Через неделю Люсиль пришлось уехать, а Тиль задержался еще на несколько дней. Я, правда, не понимала, зачем, но и не спрашивала.

Бруно выписали из больницы четыре дня назад. А еще через два дня Глеб улетает в Лос-Анджелес. Роднин, да и родители Глеба напрягли все свои связи и перевели его там в университет со спортивным уклоном по программе обмена.

Не представляла, как буду жить без него. Как буду ходить в универ и больше его не

видеть. Не разговаривать. Не чувствовать. Не касаться.

Разговаривать! Мы с ним не говорили с того самого дня. Под надзором Бруно, я написала лишь смс Глебу, где сообщила, что мы расстаемся. Что его жестокость разрушает меня. И что я никогда не смогу быть с парнем, который ударил человека, меня воспитавшего.

Все это чушь. На Бруно мне абсолютно наплевать. А вот то, как ранили эти не имеющие вес слова единственно важного для меня человека, разрывало сердце на части. И я плакала. Плакала. Плакала. Без остановки. Не знаю, откуда в моем организме взялось столько жидкости, но поток слез не иссякал.

— Яся, пойдем ужинать. Ты прозрачная уже, — на ломаном русском произносит Тиль и пытается поднять меня на ноги.

Оттолкнула его руку. Мне не хотелось, чтобы кто-то трогал меня. Касался. Вся я без остатка принадлежала только Юсупову. Все остальные прикосновения мне казались неправильными, чужими, недопустимыми.

Тиль на мой жест лишь тяжело вздохнул и взглядом показал на дверь. Он переживал за меня. Все время заикался и переходил на свой родной немецкий. Он всегда, когда нервничал, не мог и двух слов на русском сказать. Раньше мы часто с Люсей его за это дразнили и подшучивали. А он нам даже ответить как следует не мог.

Умываюсь и иду к столу. Это тоже условие Бруно. Мы все должны сидеть за одним столом. Всегда. Там мы даже не разговариваем, но это не мешает ему сверлить меня своим тяжелым взглядом. Отчим словно специально заставляет меня смотреть на дело рук Юсупова. Гематомы почти сошли за это время, но кое-где еще есть желтые синяки и незажившие швы на брови и скуле.

— Тиль, как тебе в России? — спрашивает любезно Бруно моего друга.

— Чудесно, но уже завтра я буду вынужден вас покинуть. Учеба.

Они говорят на немецком. Все за столом его прекрасно знают, так что им нет нужды напрягаться и выговаривать сложные русские слова. И при звуках их голосов меня начинает потряхивать. Несколько дней держится небольшая температура из-за моего плачевного состояния. Мама приготовила овощное рагу, которое я могу глотать, не жуя, но даже пару ложек в себя затолкать не получается. Пью воду небольшими глотками. Вот и вся моя еда на протяжении почти трех недель.

Когда Бруно начинает обсуждать погоду в Дрездене, отодвигаю стул и готовлюсь выйти из-за стола. Меня немного качает, но я справляюсь и кладу салфетку на стол.

— Сядь и съешь что-нибудь еще, — вдруг обращает на меня свое внимание отчим, глядя своим колким взглядом.

— Я не голодна, — произношу безжизненно и продолжаю подниматься.

— Я сказал, сядь! — вдруг гремит он на всю кухню, и все присутствующие вздрагивают.

Мама уже открывает рот, чтобы как всегда, вступить за меня, но тут раздается звонок в дверь. Он спасает меня от того, чтобы послать Бруно далеко и надолго. Молча разворачиваюсь и иду смотреть, кто пришел.

Открываю дверь, даже не посмотрев в глазок. Просто толкаю ее вперед и замираю. На пороге стоит Глеб. Он выглядит взъерошенным, невыспавшимся и обросшим щетиной. Еле стон сдерживаю и желание кинуться в его объятия. Позволяю себе сделать только громкий судорожный выдох через губы и вцепиться ладошкой до боли в дверную ручку.

Мы молча рассматриваем друг друга. Глеб хмурится. Ему явно не нравится, как я выгляжу. Бледная, худая, обескровленная, безжизненная.

— Ясь, домой пошли, — шепчет хрипло он наконец и протягивает мне руку.

Хочется заорать в голос. Завыть зверем. Упасть замертво. Больше всего на свете мне хочется вложить свою ладонь в его, но я не могу. Либо погибну сама, либо погублю его.

— Нет, — выдыхаю еле слышно и мотаю головой.

— Ясь, хватит. Не паникуй. Мы найдем выход. Я никуда не поеду. Мы вместе останемся. Слышишь меня, малыш? — его голос срывается.

Он почти умоляет меня. В глазах этого красивого исполина я вижу влагу и еще больше загибаюсь от пожирающей меня боли.

— Нет. Уходи. Все кончено, — удается вытолкнуть из себя каким-то чудом. — Ты должен уехать.

— Прекрати, Яська, — шепчет он устало. — Юристов найдем. Решим вопрос. Я люблю тебя. Ты моя! Слышишь! Хватит ерундой страдать. Поехали, пожалуйста.

Глеб качается на пятках, а потом в два шага подлетает ко мне. Он берет лицо в свои теплые ладони, и меня словно к электричеству подключают. Позволяю себе секунду этой слабости. Наслаждаюсь мгновением. Втягиваю жадно ноздрями любимый запах и... делаю шаг назад.

Краем уха улавливаю возмущенные возгласы за спиной и топот ног. На крыльцо выскакивает Тиль, готовый в любую минуту броситься мне на помощь. Страшная по своей жестокости мысль мгновенно приходит в голову, и я поднимаю воспаленный, измученный взгляд на Глеба.

— Я не люблю тебя. И никогда не любила. Думала, что смогу, но не получилось. Мне хотелось приключений, и я получила их с помощью тебя, — каждое слово как предсмертный хрип. Голос дрожит, но каким-то чудом я не плачу, а снисходительно смотрю в глаза своей жертве, которую собираюсь добить. — Все кончено, Юсупов!

— Ясь, глупости не говори! — рычит Глеб и переводит взгляд на Тиля. — Это что еще за хрен?

— Это Тиль. Он приехал поддержать мою семью, и я вдруг поняла, как сильно по нему скучала. Мы переспали, Юсупов. Ты не тронул меня, а у Тиля с этим проблем не возникло.

Знаю, что это конец. Этих слов он никогда мне не простит. Не в этой жизни и не в следующей. Для Глеба я всегда была на пьедестале и теперь сама же себя с него и столкнула.

Глаза Юсупова привычно наливаются кровью, и он шагает в сторону Тиля. Но я преграждаю ему дорогу и спокойно говорю:

— Не смей его трогать, Юсупов. Ты проиграл. Я выбрала его.

Тиль бедняга, может быть, что-то и готов ответить на мое возмутительное заявление, но он только глаза таращит и начинает привычно лепетать на немецком. Выдыхаю от облегчения и, собрав последние силы, вонзаю нож лжи по самую рукоять:

— Уезжай, Глеб. Я не стою того, чтобы ради меня в тюрьме сидеть. Я больше не ангел и больше не невинна. Мне понравилось, — а после этого еще и улыбаюсь.

Или мне кажется, что я улыбаюсь. Чувствую, как лицо растягивает болезненная гримаса, но продолжаю делать вид, что мне весело. Вижу, как в глазах любимого гаснет свет и их заполняет тьма. Тьма, которую я сама туда запустила.

Пусть так! Зато он будет свободен!

Юсупов сжимает челюсть, переводит убийственный взгляд с Тиля на меня и вдруг упирается мне лбом в переносицу. Не выдерживаю. Всхлипываю. Понимаю, что в последний раз он до меня дотрагивается. Орать хочется, чтобы не верил ни единому моему слову. Выть.

Волосы на себе рвать. Но я молчу. А он тихо сипит:

— Зачем ты мне врешь? Скажи, что это неправда!

У меня все внутренности перетряхивает. Кости трещат, вены в жгуты завязываются, сосуды лопаются. Сердце, как маховик, наматывает на себя сгустки крови и с болью бухает в грудной клетке. Из последних сил из себя слова выжимаю, но добиваю:

— Я никогда не вру, Юсупов! Ты забыл?

Глеб замирает. Каменеет и, кажется, перестает дышать. Он словно глыба льда. Чужой и... Больше не мой!

— Ты была моим любимым компасом, который вел меня к свету. Ты же снова толкнула во тьму. Что же ты наделала, Яська?

Не могу больше сдерживаться. Как только Глеб разворачивается и уходит, поворачиваюсь и захожу в дом. Тиль заходит следом и прикрывает дверь. Замираю на мгновение, чтобы в следующее мгновение завывать, словно раненый зверь, и уже привычно отключиться.

Подвел меня мой любимый компас!

©Глеб Юсупов

— Давай, Глебыч, научи там пиндосов, как правильно нужно плавать, — старается хохмить Кир, но при этом рожа у него сосем не веселая.

Мы в аэропорту. Уже объявили посадку и я прощаюсь со своими бро. На целый год!

— Ладно, держитесь тут. Не проигрывайте! А то Роднин меня проклянет, — тоже пытаюсь шутить, да что-то только ни фига не получается.

Мужики с хмурыми лицами жмут мне руку, желая всякой фигни. Прекрасно понимаю, что не от вселенской радости, но надо двигаться дальше.

— Я там тебе в рюкзак антисептик положил. Пользуйся, если чё, — Царевич в своем репертуаре, но после его слов мы даже ржем чуток.

— Спасибо, Мак. Самое ценное отдал, — подкалываю, конечно, но он только головой кивает.

— За тачками моими присмотри, — толкаю Левину.

Он лишь закатывает глаза. Мол, мог бы и не говорить, но вслух произносит:

— Само собой. Все в лучшем виде будет.

— Кир, к тебе у меня личная просьба будет, — смотрю на парней, и те, понимая без слов, отходят в сторону.

Достаю из рюкзака упаковку лекарств, которые мне сегодня передала мать. Она, конечно, сопротивлялась, хотела даже на попятную пойти, но я не дал.

— Надо эти лекарства Ясинье передать по-тихому.

— Да твою мать, Князь! На фиг ты...

— Так надо, Кир! — перебиваю поток его возмущения. — Она с ними нормально жить сможет.

— Понял, — выдыхает шумно.

— Отправлять буду регулярно, но не говори, что от меня, — произношу ровно, без лишних эмоций. — И пригляди там за ней.

— Да понял я. Понял!

Кирюха явно недоволен, но мне не отказывает. Чтобы не произошло между мной и Ясной, это только наше дело. Чтобы она не натворила, чувствую за нее ответственность. Простить ее не смогу, но мстить точно не собираюсь. Дурочка она еще молодая. Сломалась от всего того, что случилось в последнее время. Не выстояла. Подвел меня мой любимый компас!

— Все, чуваки, увидимся через год! — воплю на весь аэропорт.

Парни тут же подхватывают и начинают скандировать во все глотки, пока их охрана не прогоняет:

— Князь! Князь! Князь!

Поворачиваюсь и иду на посадку. Нахожу свое место около иллюминатора и, усевшись в кресло, смотрю на здание аэропорта. Стюардессы убирают трап и закрывают все выходы. Самолет начинает выруливать на взлетную полосу, лениво лавируя между белой разметкой. В последний раз поднимаю глаза и... Вижу ее! Одинокая, худенькая белокурая девушка-мечта с тоской смотрит, как железная птица взмывает вверх и уносит меня прочь из

ее жизни...

*Бруно жестоко окунает меня в реальность,
как в бачок с дерьмом.*

©Ясинья Сверчкова

— Ясинья, зайди в мой кабинет, — раздается голос Бруно, когда я незаметно пытаюсь пройти мимо дверей.

Сегодня Глеб улетает. Знаю, что нам нельзя видеться, но ни проводить его не могу. Пускай тихонько. Пускай он не узнает. Но я должна его увидеть. Во мне практически не осталось жизни. Бледная, серая, несчастная тень. Хожу, как приведение по дому, не желая ни с кем разговаривать. Вчера, к счастью, улетел Тиль, тем самым освободив меня от необходимости общения с ним. После той ужасной лжи, что я сказала Глебу, видеть своего друга детства больше не хотелось.

Мама в обед уехала за какими-то диетическими продуктами для меня, в надежде накормить, а мы с Бруно остались в доме вдвоем. Отчим все еще работает из дома. Его больничный продлили из-за не заживших швов.

С ним мне разговаривать вообще не хочется. Но и вступать в открытый конфликт я не могу, пока не улетит Глеб. Не желаю давать ему ни единого повода передумать и снова отнести заявление в полицию.

Поэтому, когда он окликает меня, терпеливо выдыхаю и прохожу в его кабинет.

— Присаживайся, — он указывает мне рукой на кресло перед столом, за которым он сидит, и я осторожно опускаюсь на самый краешек. — Хотел с тобой поговорить о том инциденте, который произошел между нами.

— Ты о том, что ударил меня? — не сдерживаюсь и пускаю эту бесполезную шпильку в человека, которого теперь ненавижу.

Бруно поджимает губы и, отодвинув стул, поднимается на ноги. Он закладывает руки за спину и долго смотрит в окно. Но потом, словно решившись, выдыхает и начинает говорить:

— У нас с твоей мамой возникли некоторые трудности, касательно... интимной сферы.

— А я тут причем?

Зачем он это обсуждает со мной? Практически со своим ребенком! Но Бруно, кажется, не замечает моего вопроса и продолжает говорить:

— Мы много что пробовали. Ездили отдыхать на курорты. Лечились в пансионатах. Пытались как-то разнообразить наш интим.

У меня в ушах шуметь начинает. Приподнимаюсь в кресле, желая просто зажать уши руками и убежать, но Бруно меня тормозит:

— Сядь! Я не закончил, — плюхаюсь обратно в кресло, и он продолжает, — я долго думал над этим вопросом и пришел к определенным выводам.

Да я вся во внимании! Совсем с ума сошел, что ли? Может ему Глеб голову отбил и там затмение случилось? Он в общем видит, кто перед ним сидит?!

— Маргарита меня больше не волнует как женщина. Да, она еще молода и красива, но я пресытился ей.

— Соболезную, — произношу скорее на автомате, но все еще не понимаю, к чему он клонит.

— Она больше не привлекает меня. Не возбуждает, — он громко, задумчиво вздыхает, а потом с кривой улыбкой говорит, — хотя, когда ей было двадцать, я постоянно ее хотел.

Бруно несколько мгновений смотрит на меня, не моргая, но потом снова открывает рот, и я задыхаюсь от гнусности его слов:

— Сначала я не думал об этом всерьез, но твои отношения с этим Юсуповым, — эти слова он выдыхает с неприязнью, — навели меня на мысль найти замену Маргарите в ее дочери!

— Что?

Очень надеюсь, что все мне это слышится. Только и тут Бруно жестоко окунает меня в реальность, как в бачок с дерьмом.

— Ты достаточно выросла, чтобы понимать, что я как мужчина хочу от тебя. Этот щенок наверняка тебя чему-то уже научил. Хочу попробовать с тобой. Возможно, ты сможешь разбудить во мне снова мужчину, и я тоже решусь на подвиги.

— Что? — вскакиваю на ноги, желая вцепиться в наглую рожу ногтями. — Бруно, ты в своем уме? Ты меня растил с шести лет? То, что ты мне сейчас предлагаешь, омерзительно.

— Может быть, — как ни в чем не бывало выдыхает он и продолжает, — но у меня не осталось выбора. Либо ты сегодня приходишь в гостиницу вот по этому адресу, — он протягивает мне листок бумаги, который я на автомате зажимаю в кулаке, — либо я прекращаю финансировать получение твоих лекарств. У Маргариты своих денег нет. Ты не сможешь больше покупать ингаляторы.

— Но тогда я просто умру! — сиплю, до конца не осознав, что на весы жизни он ставит мои душу и тело.

Штольц лишь разводит руками и подходит ближе. Он смотрит на меня несколько мгновений и ласково произносит:

— Зачем умирать такой красоте? Я нуждаюсь в твоём молодом теле, а ты в лекарствах. Дадим друг другу то, что нам так жизненно необходимо, — после этого он протягивает руку и игриво щелкает меня по носу.

За окном слышится звук подъезжающей машины и Бруно отходит от меня.

— Маргарите, конечно же, это знать ни к чему. Либо я лишу денег и ее. И она, как тринадцать лет назад, окажется на улице. Только уже не такой молодой и свежей. Но все такой же нищей голодранкой.

После этого он садится за компьютер и просто начинает работать, как ни в чем не бывало. Вылетаю из кабинета, хватаю рюкзак и выбегаю на улицу. Мама радостно машет, видимо из-за того, что я, наконец, вышла на улицу. Машу ей в ответ и бегу на остановку. Ноги сами несут меня в аэропорт. Там единственный человек, рядом с которым мне ничего не страшно.

Парней вижу сразу. Высокие, накаченные, стильные. Они выделяются из общей массы людей. На глаза не показываюсь. Лишь жадно впитываю то, как Глеб улыбается. Не мне. Что-то кричит. Тоже не мне. И прощается. Тоже не со мной. Он проходит в самолет, и через несколько минут тот начинает медленно разворачиваться, заходя на взлетную полосу. Уже не прячусь. Просто стою около большой стеклянной стены и смотрю на то, как за облаками исчезает мой воздух, моя сила, моя опора. И... моя жизнь.

Не знаю, видит ли меня Глеб. Но знаю точно, что не услышит. Поэтому распахиваю губы и шепчу в пустоту:

— Я люблю тебя.

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем смотрю на часы. Глеб думает, что я ему изменила с Тилем. Предала! Бруно готов за пользование моим телом дать деньги на

лекарства. Здесь все очевидно. У меня просто не остается выбора! Глеб все равно больше никогда не простит меня. Своего оскверненного ангела.

Терять мне больше нечего! Кроме моей души, которая с последним пшиком ингалятора умрет так же, как и тело.

Сжимаю в руке листок с адресом гостиницы, и с каждым шагом, умирая внутри, бреду на остановку...

*И какого хера я должен помогать девчонке,
которая моего кореша выжила из города?*

©Кирилл Водянов

— Здравствуйте, мне бы Ясю, — ну, честное слово, как в детском саду.

И чего я сюда приперся? Отдал бы эти лекарства в универе, и дело с концом. В конце концов, можно было на Кравцову это перекинуть и забыть. И какого хера я должен помогать девчонке, которая моего кореша выжила из города? Князь из-за нее в это дерьмо влез!

Только сколько бы я себе это не повторял, все равно приехал. Потому что Глеб лично меня попросил. Любой бы из нас, наплевав на свои личные загоны, приехал бы и сделал, то, что попросил его бро.

В дверь звоню, а на пороге возникает симпатичная такая красотка. Минуты три моргаю, пока не понимаю, что она на Сверчка похожа. Это маман ее, что ли? Охреневаю знатно. Шикарная баба. Сам бы вдул.

Пока блею что-то и Ясю спрашиваю, она мне улыбается, как какая-то актриса шестидесятых, что я даже плыву мгновение и ласковым мелодичным голосом отвечает:

— А Яси нет. Она, кажется, в университет уехала.

Лоб хмурю и решаю: сразу туда ехать или сначала попытать удачу с этой Грейс Келли.

— А муж ваш где?

М-да, Водянов, а ты время зря не теряешь.

— Муж тоже на встречу уехал. Его дома нет.

Вот же фартануло. Только свою харизму на полную мощь включить не успеваю. Потому как эта красотка взволнованным голосом мне выдает:

— Ты, если Ясю увидишь, скажи, что я переживаю. Она в последнее время сама не своя. Приступы у нее часто случаются. А ингалятор последний у нее в сумке лежит.

Вот же черт! Не дай Бог Сверчок загибаться начнет. Мне же Князь этого не простит! Все же обещал.

— Ладно, увидимся тогда, — улыбаюсь своей самой очаровательной улыбкой, так слащаво, что Грейс краснеет, как девчонка.

Сажусь в тачку и пилю в универ. Хрен знает, что ей там так поздно понадобилось, но все же решаю проверить. Обхожу аудитории, в библиотеку заглядываю и напоследок иду в бассейн. Не сразу замечаю, как на бортике с противоположной стороны, свесив ноги в воду, сидит Ясинья. Она полностью одета, только ботинки и носки сняла. На воде рядом с ней плавает что-то, отдаленно напоминающее ингалятор. Ясинья шевелится, не замечая меня, и поднимает руку. А в той зажата на треть пустая бутылка вискаря.

Она что, бухает, что ли? Приглядываюсь и вижу, как она зареванная вся, рукавом нос вытирает и снова к бутылке прикладывается.

Шумно выдыхаю, а Ясинья вдруг дергается и поднимает на меня взгляд:

— Какого хера ты творишь?! — рычу на весь комплекс, потому что мы с ней на разных

концах бассейна находимся.

В голове мысль сумасшедшая проносится: не успею! Когда она роняет бутылку, протяжно всхлипывает, будто сожалея, и, оттолкнувшись руками от бортика, спрыгивает в водяную бездну...

Больше книг на сайте - Knigoed.net